

Коллектив авторов
Святитель Григорий Богослов
Серия «Святые отцы Церкви и церковные
писатели в трудах православных ученых», книга 1

Издательский текст
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=639095
Святитель Григорий Богослов. Сборник статей : Сибирская Благовонница; М.; 2011
ISBN 978-5-91362-366-9

Аннотация

Предлагаемая читателю книга открывает собой серию «Святые отцы Церкви и церковные писатели в трудах православных ученых». Эта серия задумывалась как приложение к изданию «Полное собрание творений отцов Церкви и церковных писателей в русском переводе» (ПСТСО). Первая книга новой серии посвящена святителю Григорию Богослову и соответственно является приложением к первому и второму томам ПСТСО. В ее состав вошли 12 работ о святителе Григории Богослове, в частности таких дореволюционных авторов (XIX – начала XX века), как архимандрит Порфирий (Попов), Н.И. Барсов, Н. Фетисов и других. В исследованиях освещена личность великого каппадокийца с разных сторон: в них рассказывается о различных этапах жизни святителя Григория, причинах именовании Богословом, о его нравственно-аскетическом учении, проповедничестве, пастырстве, поэтическом творчестве и т. п.

Новая серия представляет ценность не только для специалистов в области богословия и студентов богословских учебных заведений, но и для всех читателей, ищущих духовного назидания.

Содержание

А. И. Сидоров. Предисловие к серии «Святые отцы Церкви и церковные писатели в трудах православных ученых»	4
Архимандрит Порфирий (Попов)	6
Неизвестный автор	42
Иеромонах Пантелеймон	46
И. Е. Троицкий	61
Конец ознакомительного фрагмента.	75

Коллектив авторов Святитель Григорий Богослов. Сборник статей

А. И. Сидоров. Предисловие к серии «Святые отцы Церкви и церковные писатели в трудах православных ученых»

Предлагаемая читателю книга открывает собой новую серию – Приложение к изданию «Полное собрание творений святых отцов Церкви и церковных писателей в русском переводе» (ПСТСО).

Начавшая выходить в свет в 2007 году серия «Полное собрание творений святых отцов Церкви и церковных писателей в русском переводе» (Издательство «Сибирская Благовонница»), как и предшествующие две аналогичные серии «Святоотеческое наследие» (Издательство «Мартис») и «Библиотека отцов и учителей Церкви» (Издательство «Паломник»), имеет своей основной целью возрождение и продолжение богатой традиции русских переводов святоотеческих творений. Главной и существенной чертой этой традиции являлась ее глубинная церковность. Как и любые переводы, русские переводы сочинений отцов Церкви, осуществленные в XIX – начале XX веков, разнились между собой и по качеству, и по личностным особенностям отдельных переводчиков (часто – безымянных). Но всех их объединяло то, что созидались они людьми воцерковленными и не мыслящими свою жизнь вне Церкви. С сугубо филологической точки зрения к ним порой можно предъявить ряд претензий, однако следует всегда помнить ту элементарную истину, что есть буква перевода, а есть и дух его. Филологически буквальная точность может иногда серьезным образом исказить смысл оригинала, если перевод какого-либо святоотеческого текста осуществляется людьми нецерковными, ибо дух такого текста ускользает от них. Хотелось бы напомнить, что святоотеческие творения представляют собой средоточие Священного Предания. И как нет Священного Писания вне Церкви, поскольку «только Церковь дает смысл существованию Писания»¹, так нет вне Церкви и Священного Предания, то есть творений святых отцов, поскольку Дух Божий вне Тела Христова не живет. Без этого же Духа произведения отцов Церкви становятся мертвой буквой – безжизненной плотью, от которой душа уже отлетела. Они превращаются в сочинения неких «мыслителей», интеллектуальные изыски которых делаются уделом тех мертвых, которые хоронят *своих мертвецов* (Мф. 8:22)...

Помимо собственно переводов, жизнь святоотеческого Предания в Русской Православной Церкви проявлялась и в богословском и церковно-историческом осмыслении этого Предания. Оно осуществлялось на различных уровнях: на уровне фундаментальном и строго научном и на уровне более популярном и общедоступном. Русская патрологическая и церковно-историческая наука к началу XX века, впитав в себя лучшие плоды технических методов западной науки (в первую очередь – опыт работы с источниками и их анализа), не только сравнялась с нею, но во многом и превзошла ее. И превосходство русской богословской науки заключалось главным образом в органичной и живой связи с церковным Преданием – той связи, которую чем дальше, тем больше разрывала не только протестантская, но и католическая наука. Следует констатировать, что и в той, и в другой еще сохранялась (и сохраня-

¹ Священномученик Иларион (Троицкий). Творения. Т. 2. М., 2004. С. 154.

ется донныне) на высоком уровне «технология» научного поиска, но духовный смысл такого поиска практически уже утерян. Смысл же этот обретается только в Православной Церкви и в ясном осознании того, что богословская наука не является целью сама по себе, так как она есть лишь одно из многих средств, служащих для достижения единственной цели христианской жизни – спасения. Большинство русских православных ученых обладали таким (пусть порой и подспудным) осознанием, и некоторые из них засвидетельствовали это не только своей жизнью, но и славной кончиной. Яркий пример тому – Иван Васильевич Попов (мученик Иоанн). Подобное соблюдение духовного смысла научного поиска нисколько не препятствовало русским православным ученым быть искусными и в «технологии» этого поиска. Фундаментальные труды того же И. В. Попова, Н. И. Сагарды, Н. Н. Глубоковского, В. В. Болотова, И. И. Соколова и многих других красноречиво говорят об этом.

И в наше время, когда происходит стремительная дехристианизация Европы, а вместе с ней – глубокий упадок западной богословской науки, уже во многом выродившейся и превратившейся в пустую (хотя часто и очень изысканную) «игру в бисер», именно наша патрологическая, церковно-историческая и вообще богословская наука XIX – начала XX веков должна служить ориентиром как для нового поколения православных ученых, так и для всех православных читателей, желающих постигнуть духовную суть Православного Предания.

Поэтому серия «Полное собрание творений святых отцов Церкви и церковных писателей в русском переводе» включает в себя и приложения, где публикуются монографии и статьи наших дореволюционных и современных ученых. В частности, в первых двух томах серии опубликованы труды священника Николая Виноградова «Догматическое учение святого Григория Богослова» и А. В. Говорова «Святой Григорий Богослов как христианский поэт»; в следующих двух томах в приложениях появилось несколько статей, посвященных жизни и богословскому миросозерцанию свт. Василия Великого и свт. Амфилохия Иконийского. Однако данные работы не исчерпывают всего многообразия осмысления творчества отдельных отцов Церкви в русской церковной науке. Вследствие чего решено дополнительно издать небольшую серию «Святые отцы Церкви и церковные писатели в трудах православных ученых». Предшественницей ее в некотором смысле была серия «Святые отцы и учителя Церкви в исследованиях православных ученых», выходившая в издательстве «Паломник», где появилось пять томов ее. Данную серию во многом продолжила «Библиотека христианской мысли», имеющая, правда, более широкий и пестрый характер, которую осуществляет издательство Олега Абышко. Но обе серии ориентированы преимущественно на исследования фундаментального характера, а начинающаяся серия предполагает издание работ более популярного жанра, большинство из которых выходило в различных дореволюционных церковных журналах. Впрочем, в состав серии войдут работы не только дореволюционных русских православных ученых, но и современных отечественных богословов и патрологов, а также переводы работ зарубежных православных авторов.

Каждая из книг предполагаемой серии будет посвящена одному из патристических авторов, чьи творения вышли в ПСТСО. Данный том включает исследования о свт. Григории Богослове. Характерной чертой серии «Святые отцы Церкви и церковные писатели в трудах православных ученых» в целом и настоящего тома в частности является то, что многочисленные ссылки на творения святых отцов Церкви в издаваемых работах, а также ссылки на работы священника Н. Виноградова «Догматическое учение св. Григория Богослова» и А. В. Говорова «Св. Григорий как христианский поэт» приводятся в соответствии со страницами издания ПСТСО.

Надеемся, что новая серия найдет благожелательный отклик у православных читателей.

А. И. Сидоров

Архимандрит Порфирий (Попов) Жизнь святого Григория Богослова²

Глава I

Обращение отца Григориева в христианство. – Видение Нонны о рождении сына. – Обет ее за сына. Чистота и Целомудрие, явившиеся Григорию во сне. – Первоначальное образование Григория. – Буря во время путешествия в Афины. – Знакомство здесь с Василием Великим и Юлианом Богоотступником. – Прощание с Афинами. – Встреча с братом Кесарием на пути оттуда

В 325 году по Р. Х. несколько каппадокийских епископов, отправляясь на Первый Вселенский собор, остановились ненадолго в местечке Арианзе, близ Назианза. Здесь мирно и спокойно в своем поместье проводил свою скромную жизнь один почтенный человек из секты ипсистериев, по имени Григорий. Благочестивая супруга его Нонна успела предрасположить его в пользу христианства. Прибывши сюда, епископы воспользовались этим случаем и убедили Григория принять Святое Крещение³.

² Печатается по: *Архимандрит Порфирий (Попов). Жизнь святого Григория Богослова*. М., 1864. Ссылки на страницы творений свт. Григория Богослова приводятся по изданию: *Святитель Григорий Богослов, Архиепископ Константинопольский*. Творения: В 2 т. М.: Сибирская Благозвонница, 2007. (Полное собрание творений святых отцов Церкви и церковных писателей в русском переводе; т. 1, 2). (Далее в сборнике – *Свт. Григорий Богослов*. Творения). – *Ред.*

³ См.: Надгробное слово отцу Григория (*Свт. Григорий Богослов*. Слово 18 // *Свт. Григорий Богослов*. Творения. Т. 1. С. 223–245. – *Ред.*). Вот более подробные сведения, какие передает Григорий о своих родителях то в надгробных словах им, то в стихотворениях своих. «Отец мой был прекрасный, весьма добрый старец, простой нравом, истинный патриарх, второй Авраам; он *был отраслью корня*, который составил из двух противоположностей – из языческого заблуждения и подзаконного мудрования, то есть принадлежал к секте ипсистериев, которые, почитая единого Вседержителя, отвергая плоды и жертвы, поклонялись огню и светильникам и, уважая субботу и до мелочи соблюдая постановления о животных, не принимали обрезания» (см.: *Свт. Григорий Богослов*. Слово 18 // Творения. Т. 1. С. 225; *Он же*. Стихотворение, в котором святой Григорий пересказывает жизнь свою // Там же. Т. 2. С. 197). Впрочем, и до обращения в христианство отец Григория известен был многими добрыми душевными качествами. В язычестве он столько отличался целомудрием, что был вместе и весьма любезным, и самым скромным, а при этом показывал и добровольную покорность жене; правдивость его была так велика, что, проходя первые должности в государстве, не приумножил своего имени ни одной драхмой, хотя другие, как известно, пухли от гнусных поборов (см.: *Свт. Григорий Богослов*. Слово 18 // Там же. Т. 1. С. 225). Мать Григория Нонна, происходя от благочестивых родителей, сначала превосходила своего супруга благочестием и по телу только была женщина, а по нравам превышала мужчин (см.: Там же. Т. 1. С. 225; Т. 2. С. 197). «Думаю, – говорит Григорий Богослов, – что если бы кто, ища для себя совершеннейшего супружества, обошел все концы земли и весь род человеческий, то не нашел бы лучшего и согласнейшего. В нем так соединились все превосходные мужские и женские качества», что брак по всей справедливости можно было назвать «союзом добродетели» (Там же. Т. 1. С. 225). Одни из жен обыкновенно отличаются бережливостью, а другие благочестием, но мать Григория превосходила всех тем и другим и в каждом достигла верха совершенства. Попечительностью и неусыпностью она так умножила все в доме, как бы вовсе не знала благочестия. Но и столько была усердна к Богу и ко всему Божественному, что как бы не занималась домашними делами. Умея приобретать нужные стяжания, она умела и благотворить, и в ней так было непомерно желание раздавать милостыню (а раздача сия лежала на ее руках), что если бы позволили ей черпать из Атлантического или другого обширнейшего моря, и того бы ей не доставало. Все имущество, какое было в ее доме, она почитала скудным для дел благотворения и неоднократно говаривала, что, если бы можно было, в пользу нищих отдала бы себя и детей. Кроме сего, она более всех в то время оказывала уважение руке и лицу священников. В ней нельзя не признать важным и того, что «никогда не обращала хребта к досточтимой трапезе, не плевала на пол в Божием храме; встречаясь с язычницей, никогда не слагала руки с рукой, не прикасалась устами к устам, хотя бы встретившаяся отличалась скромностью и была из самых близких; со вкушавшими нечистой трапезы не только добровольно, но и по принуждению не разделяла соли» (*Свт. Григорий Богослов*. Слово 18 // Там же. Т. 1. С. 227). Еще удивительнее то, что она хотя сильно поражалась горестями, даже чужими, однако же никогда не предавалась плотскому плачу до того, чтобы скорбный глас исторгся прежде благодарения или чтобы при наступлении светлого праздника оставалась на ней печальная одежда. Иноверие супруга так было тяжело для ее сердца, что она день и ночь припадала к Богу, в посте и со многими слезами просила у Него даровать спасение мужу ее. Кроме молитвы и собственной ревности о

Спустя пять лет после сего в одну темную ночь Нонне привиделся сон, что будто у нее родилось прекрасное, ангелоподобное дитя и что его называли по имени отца, Григорием. Это видение было ответом на молитву Нонны о даровании ей сына; при этом, подобно матери Самуиловой (см. 1 Цар. 1:11), она произнесла обет посвятить испрашиваемого сына Богу и, когда удостоилась исполнения своей молитвы, с особенной ревностью озаботилась и исполнением обета. Этот-то сын молитвы материнской и получил впоследствии наименование Григория Богослова. Как скоро сын сделался способным понимать наставления, Нонна, обнимая его, сказала ему, что она так же предает его Богу, как Авраам Исаака, умоляла его во все время жизни сообразоваться с ее святым желанием и всего более внушала ему заниматься чтением Священного Писания, для чего еще в детстве подарила ему свиток Священного Писания.

В это время «мое нежное сердце», говорит Григорий, было подобно недавно сседшему творогу, «который скоро принимает вид сосуда»⁴. А потому материнские наставления так сильно подействовали на сердце Григория, что он еще в детстве обнаруживал какую-то старческую степенность и порывы к подвигам благочестия; мало-помалу, как облако к облаку, скоплялось в нем усердие к усовершенствованию, с радостью читал он книги, в которых проповедуется о Боге, и имел обращение с мужами, которые совершенны по нравам⁵. Христос «явно беседовал с рабом Своим» и, когда Григорий достиг лет отроческих, связал его «любовью к целомудрию, обуздал... плоть, вдохнул... горячую любовь к Божественной

благочестии, для обращения его на путь истины она употребляла и другие доступные средства: упреки и увещания, услуги и отлучение; при всем этом понимала, что ей надобно, как воде, пробивать камень, непрестанно падая на него по капле, и от времени ожидать успеха; наконец одно сновидение мужа представило ей прекрасный случай к его обращению в христианство. «Отцу моему представилось, – говорит Григорий, – будто бы поет он следующий стих Давида: *возвеселился о рекших мне: в дом Господень пойдем*» (Там же. С. 228). Мать объяснила сновидение в самую добрую сторону, и он вскоре согласился принять крещение. Во время крещения, когда выходил из воды, осиял Григория необыкновенный свет, виденный и многими из присутствовавших, особенно же теми, кто крестил и миропомазывал его. Чрез несколько времени Григорий был посвящен в пресвитера, а вскоре и в епископа. Несмотря на то что его пасомые были подобны пажити, заросшей лесом и одичавшей, он без труда умягчил их нравы как благоразумными пастырскими наставлениями, так и тем, что себя самого предлагал в образец всякого превосходного дела. Желая внушить усердие к богослужению, он пожертвовал часть денег на построение такого храма (см.: Там же. С. 243), лучше которого и нельзя было желать назиданиям. После посвящения в епископа в сострадательности и щедрости к нищим Григорий нисколько не уступал супруге, а в то же время отличался и глубоким смирением, но смирение выражал не согбением выи, не понижением голоса, не наклонением вниз лица, не похлой, но признанием своего недостойнства пред Богом. В незлобии он мог равняться с архидиаконом Стефаном: у него не было промежутка времени между выговором и прощением, так что скоростью помилования почти всегда закрывалось огорчение, какое соединялось с его выговором (см.: Там же. С. 234). В числе угроз бывали колеса и бичи, являлись и исполнители наказания, бывала опасность пожатия ушей, удара в щеку, поражения в челюсть, но этим и прекращалась угроза. Роса долее удерживает солнечный луч, падающий на нее утром, чем в нем удерживался какой-либо остаток гнева. Да ему не нужно было и раздражаться, потому что он был страшен для оскорбителей и одним своим благочестием. Не произносил он ни одного слова молитвенного или клятвенного, за которым бы не последовали тотчас или долговременное благо, или временная скорбь. Многих из огорчивших его постигало в скором времени явное Божие наказание: иных бросали вверх волны, сдавленные ярмом, других повергали на землю и топтали кони, дотоле самые покорные и смиренные, а некоторых постигала сильная горячка и мучили мечтания о собственных проступках. При частых болезненных припадках Григорий искал утешения и подкрепления только в молитве и в совершении литургии, и, что особенно удивляло всех знавших его тогда, этим средством в праздник Пасхи он излечился от такой болезни, которой окончания нисколько нельзя было ожидать в скором времени. В царствование Юлиана он так открыто и безбоязненно противодействовал коварным замыслам богоотступника, как это можно представить только в жарком ревнителе веры и благочестия (см.: *Свт. Григорий Богослов. Слово 18 // Свт. Григорий Богослов. Творения. Т. 1. С. 239*). Что касается до умственных его качеств, то хотя и поздно начал он учиться Слову Божию, но, занявшись им со всем усердием, в непродолжительном времени приобрел столько мудрости, что соделался учителем Православия (см.: Там же. С. 230), отцом и пастырем пастырей и даже какою-то мощью пастырей. Не перечисляя других достоинств своих родителей, св. Григорий в похвальном Слове им дозволил себе сделать такое обращение к слушателям: «Всем вам известны мои родители, видимы и слышимы их добродетели, вы подражаете и удивляетесь им, а незнающим, если есть таковые, рассказываете, избирая для сего один то, другой другое, да и невозможно было бы одному пересказать обо всем. Такое дело, сколько бы кто ни был неумным и ревностен, требует не одного языка» (*Свт. Григорий Богослов. Слово 7 // Там же. С. 137*).

⁴ *Свт. Григорий Богослов. Плач. О страданиях души своей // Свт. Григорий Богослов. Творения. Т. 2. С. 300.*

⁵ См.: *Свт. Григорий Богослов. Стихотворение, в котором святой Григорий пересказывает жизнь свою // Там же. С. 198.*

мудрости и к жизни монашеской»⁶. Душа Григория была так чиста, безмятежна и возвышенна в созерцаниях, что и во сне предносились пред духовными его очами христианские добродетели в олицетворенном виде. «Так, когда я был еще юным отроком, – говорит Григорий, – среди глубокого сна мне представлялось, что подле меня стоят две девы в белых одеждах, обе прекрасные и одинаковых лет. Все убранство их состояло в том, что они не имели на себе уборов. Пояс стягивал их прекрасную одежду, спускавшуюся на ноги до пят. Головное покрывало закрывало их ланиты, и они стояли, поникнув взорами к земле. Но из-под покрывал, плотно прилежавших к лицу, можно было заметить, что обеих украшал прекрасный румянец стыдливости. Уста их, заключенные молчанием, уподоблялись розе, лежащей в окропленных росой чашечках. Они полюбили меня за то, что я с удовольствием смотрел на них; как милого сына, целовали меня своими устами и на вопрос мой, что они за женщины и откуда, отвечали: „Одна из нас – Чистота, а другая – Целомудрие. Мы предстоим Царю Христу и наслаждаемся красотами небесных девственников. Соедини и ты ум твой с нашими сердцами и светильник твой с нашими светильниками, и мы тебя, просветленного, перенесем через эфирные высоты, поставим пред сиянием бессмертной Троицы“. Сказав сие, они унеслись по эфиру, и взор мой следовал за отлетавшими»⁷. Этот сон решительно и навсегда побудил Григория отринуть тяжелое иго супружества и возлюбить высокий жребий вечно юных существ, то есть Ангелов; и в летах мужества сердце Григория, по его собственным словам, долго и часто услаждалось досточтимыми видениями этой незабвенной ночи и обликами светлой девственности. Но в отрочестве же, когда еще не опушились ланиты Григория, им овладела какая-то пламенная любовь к наукам⁸. Чрез это Промысл, видимо, приготавливал его к высокому служению в Церкви, для которого недостаточно было того образования, какое он мог найти в доме родительском или в сообществе людей, заботившихся только о спасении своей души, но незнакомых с духом научного образования. Со светскими науками Григорий прежде всего ознакомился в Кесарии Каппадокийской, но долго ли он обучался здесь, неизвестно; в сочинениях Григория есть указание только на то, что он здесь же положил начало знакомству с Василием Великим⁹. После сего, побывав наперед на родине, он отправился в Кесарию Палестинскую, где также процветало училище красноречия¹⁰ и где слушал ритора Феспесия. Затем он собрал несколько сведений в Александрии¹¹ и отсюда, движимый пламенной любовью к приобретению познаний, отправился в Афины в ноябре месяце, во время, самое опасное для плавания по морю. Когда огибали остров Кипр, поднялась страшная буря и двадцать дней держала всех пливших в чрезмерном страхе и опасении за свою жизнь. При этом и корабельные служители, и хозяева корабля, и путешественники – все, даже не знавшие прежде Бога, единогласно призывали Христа для избавления от смерти обыкновенной. Но для Григория еще ужаснее была смерть внутренняя; в этом поставлял он главным образом свое несчастье и потому терзал свою одежду и возносил вопли, заглушавшие сильный шум волн; он плакал и скорбел в это время всего более о том, что убийственные воды лишали вод очистительных, без которых он не надеялся на соединение с Богом. В пламенной молитве ко Христу, исчислив все чудеса Божий, описанные в священных книгах, Григорий произносил и такие исполненные сильной веры слова: «Для Тебя, Господи, буду я жить, если избегну сугубой опасности. Ты утратишь Своего служителя, если не спасешь

⁶ Свт. Григорий Богослов. Стихи о самом себе // Там же. С. 188.

⁷ Ср.: Свт. Григорий Богослов. Плач. О страданиях души своей // Там же. С. 300–301.

⁸ См.: Свт. Григорий Богослов. Стихотворение, в котором святой Григорий пересказывает жизнь свою // Свт. Григорий Богослов. Творения. Т. 2. С. 198.

⁹ См.: Свт. Григорий Богослов. Слово 43 // Там же. Т. 1. С. 510.

¹⁰ См.: Свт. Григорий Богослов. Слово 7 // Там же. С. 137.

¹¹ См.: Свт. Григорий Богослов. Стихотворение, в котором святой Григорий пересказывает жизнь свою // Там же. Т. 2. С. 207.

меня. И теперь ученик Твой обуреваются волнами. Отряси сон или приди по водам и прекрати опасность»¹². Вскоре за сим последовало исполнение прошения. Волны морские стали укрощаться, и корабль пристал к Родосу. Это быстрое укрощение бури все бывшие с Григорием на корабле сочли приобретением одной молитвы Григориевой, и те из них, которые были язычниками, по этому случаю приняли христианство. Впоследствии Григорий узнал, что он избавлен от опасности и по молитвам своих родителей, которые извещены были о его бедствии чрез сновидение и которые при воспоминании сновидения также усердно молили Господа об избавлении их сына.

Из Родоса, где на несколько времени остановился корабль, Григорий вскоре прибыл в Афины и здесь около шести лет посещал афинские училища, особенно слушал уроки лучших учителей того времени – Имерия и Проэресия; красноречие последнего он называл новым громом в Аттике. Но Афинам Григорий остался благодарен не столько за науки, сколько за утверждение дружества с Василием. «Афины, обитель наук, – говорит он, – как для кого, а для меня подлинно золотые и доставили мне много доброго. Они совершеннее познакомили меня с сим мужем, который один и жизнью и словом всех был выше. Ища познаний, обрел я счастье, испытал на себе то же, что Саул; Саул, ища отцовых ослов, нашел царство, так что придаточное к делу вышло важнее самого дела (см. 1 Цар. 9-10). Нечто подобное было и со мною»¹³. Неразлучно проводя время с этим другом и разделяя с ним все печали и радости, Григорий, по собственным его словам, жил здесь, как и всегда, в Божием страхе и не только не увлекался за теми, которые в порывах отважной стремительности предавались излишествам, но сам привлекал друзей к духовному совершенству¹⁴. Опыт быстрого и верного различения добрых товарищей от худых, но притворных представляет суждение его о Юлиане Отступнике¹⁵, который в это время также брал уроки философии и красноречия у афинских софистов. «По мне не предвещали, – говорит Григорий, – ничего доброго шея нетвердая, плечи движущиеся и выравнивающиеся, глаза беглые, наглые и свирепые, ноги, не стоящие твердо, но сгибающиеся, нос, выражающий дерзость и презрительность, черты лица смешные и то же выражающие, смех громкий и неумеренный, наклонение и откидывание назад головы без всякой причины, речь медленная и прерывистая, вопросы беспорядочные и несвязные, ответы ничем не лучшие, не твердые и не подчиненные правилам. И я тогда же, как увидел его, сказал бывшим со мной: „Какое зло воспитывает Римская империя!“»¹⁶ Предрекши это, Григорий желал быть ложным прорицателем, но, к сожалению, увидел впоследствии оправдание своего предсказания¹⁷.

Несмотря на строгость жизни Григория и разборчивость в знакомствах, даже и легкомысленные и разгульные товарищи весьма любили и почитали его¹⁸. Это особенно обнаружилось при отправлении его из Афин. Когда наступил тридцатый год жизни, Григорий решился возвратиться в отечество вместе с Василием. Того и другого стали упрашивать остаться в Афинах. Василий представил много причин, требовавших скорого отъезда. Но для Григория к заклинаниям и слезам присоединили даже и насилие. С великой поспешностью окружили его все чужеземцы, близкие знакомые, сверстники и даже учителя. Крепко

¹² Ср.: Там же. С. 200.

¹³ Ср.: *Свт. Григорий Богослов*. Слово 43 // Там же. Т. 1. С. 517.

¹⁴ См.: *Свт. Григорий Богослов*. Стихотворение, в котором святой Григорий пересказывает жизнь свою // Там же. Т. 2. С. 200.

¹⁵ Юлиан Отступник (331–363) – римский император в 361–363 гг. Получил христианское воспитание, но, став императором, объявил себя сторонником языческой религии; издал эдикты против христиан. – *Ред.*

¹⁶ Ср.: *Свт. Григорий Богослов*. Слово 5 // *Свт. Григорий Богослов*. Творения. Т. 1. С. 116.

¹⁷ Из этого отзыва св. Григория о Юлиане можно видеть и то, что, по его мнению, наука, известная под именем физиогномики, не есть плод одного суеверия, но имеет для себя и довольно твердые основания.

¹⁸ См.: *Свт. Григорий Богослов*. Слово 43 // *Свт. Григорий Богослов*. Творения. Т. 1. С. 522.

схватив его за одежду и за руки, они сказали: «Что ни будет, не выпустим отсюда. Почтенные Афины не должны лишиться тебя. Они по общему приговору отдадут тебе первенство в словесности». Припоминая все это уже в глубокой старости, св. Григорий замечает: «...один дуб разве мог противиться стольким слезам и убеждениям, и я уступил просьбе, впрочем не совершенно. Меня влекло к себе отечество... Там посвятить себя любомудрию казалось мне прекраснейшим делом. Туда привлекали меня и родители, обремененные старостью и временем. Поэтому не долго пробыл я в Афинах, скрылся оттуда почти тайно и пустился в путь»¹⁹. Здесь Григорий неожиданно встретился с братом своим Кесарием, который возвращался из Александрии, и тем более радовался этой встрече, что считал ее не случайным стечением обстоятельств, но особенным действием Промысла. «Мать, отпуская детей своих, усердно молила Бога о том, чтобы Он так же в одно время возвратил нас, как в одно время мы отправились, хотя и в разные города и школы»²⁰. И ее молитва была услышана.

Глава II

Общий взгляд на скорби Григория. – Колебания в избрании образа жизни. – Воспоминания о посещении пустыни Понтийской. – Причина удаления в пустыню Василию после посвящения в пресвитера. – Возвращение в Назианз к Пасхе по требованию отца. – Прием, сделанный ему, и слова, произнесенные им по возвращении. – Заботы Григория об утешении отца при отделении от него некоторых пасомых по поводу неблагоприятных толков о брате Кесарии. – Значение обличительных слов Григория против Юлиана. – Заботливость Григория о примирении Василия с епископом Кесарийским. – Письмо его по сему случаю к Евсевию. – Помощь Василию в борьбе с арианами. – Огорчение Григория по случаю смерти Кесария. – Побуждения к произнесению надгробных Слов ему и сестре Горгонии. – Ответ Василию на его приглашения в Кесарию. – Болезнь Нонны. – Посещение Василия после его рукоположения в епископа и защищение его по возвращении в Назианз. – Содействие отцу и Василию в борьбе с арианами

Жизнь Григория Богослова, следующая за периодом образования, есть не что иное, как история его несчастий; по крайней мере, так называет ее сам Григорий. Самое посвящение в пресвитера и возведение на епископскую кафедру для Григория было причиной глубочайшей скорби. Поэтому и в биографии его больше всего придется следить за обнаружениями его скорбей. Выражение сих сердечных скорбей составляет главный предмет многих его исторических Слов и стихотворений, посему объяснить причины и силу различных скорбей Григория можно не иначе, как передавши содержание большей части его сочинений. Отказаться же от объяснения, умолчать о впечатлениях, какие производили на Григория некоторые события и поручаемые ему должности, значило бы оставить его без биографии или, по крайней мере, без изображения характеристических его свойств. Григорий Богослов сам предчувствовал, что его скорби не могут быть поняты всеми, посему писал: «Есть древнее сказание, что, если злая ехидна наложит зубы и нанесет губительную рану, уязвленный только тому охотно пересказывает о сем, в кого безжалостная ехидна со своими палящими ядами влила ту же пагубу, ибо только такой человек знает нестерпимость пагубы. Так и мой рассказ с любовью примет и пожелает знать тайны слезящегося сердца только тот, у кого

¹⁹ Свт. Григорий Богослов. Стихотворение, в котором святой Григорий пересказывает жизнь свою // Там же. Т. 2. С. 201.

²⁰ Ср.: Свт. Григорий Богослов. Слово 7 // Там же. Т. 1. С. 140.

одинаковая со мною печаль, одинаковое страдание и одинаковое бремя креста. Но я возбудил бы смех, рассказывая о своих горестях другому, особливо в ком вера слегка напечатлелась на поверхности сердца, в чью внутренность не проникла крепкая любовь к Небесному Царю, кто живет на земле, помышляя более о том, что однодневно. Да погибнут такие люди...»²¹. Отсюда видно, каково должно быть расположение сердца для того, чтобы сведения о дальнейшей жизни Григория могли быть приняты с полным сочувствием.

Под родительский кров из дальних странствий, предпринятых с целью получить все-стороннее образование, Григорий возвратился около 356 года. Сograждане его непременно хотели испытать, чему и как он учился так долго, а посему, покоряясь их желанию, он показывал им опыты своего красноречия, но в чем состояли они, неизвестно. Григорий уверяет только, что у него вовсе не были при этом в виду ни рукоплескания, ни говор удивления, ни упоение, ни поклонение, которыми в толпе молодых людей восхищаются софисты, и что эти опыты послужили как бы предуготовительным упражнением к будущим подвигам или преддверием важнейших таинств. Вероятно, вскоре по возвращении в отечество Григорий принял и Святое Крещение; оно, по предположению большей части ученых, откладывалось так долго из подражания примеру Спасителя, Который крестился, *имый лет яко тридесять* (Лк. 3:23). За сим предстояло окончательное избрание рода жизни. Усильно и долго размышлял Григорий об этом одном из самых мудреных вопросов в жизни. «Решившись все плотское вринуть в глубину, – пишет он сам о себе, – когда стал я рассматривать самые пути божественные, нелегко было найти путь лучший и гладкий. Приходили мне на мысль Илия Фесвитянин, великий Кармил, достояние Предтечи – пустыня. С другой стороны, пересиливали любовь к божественным книгам и свет Духа, почерпаемый при углублении в Божие слово, а такое занятие не дело безмолвия и пустыни. Много раз колебался я туда и сюда и наконец умирил свои желания, остановившись на середине. Я вступил на какой-то средний путь между отшельниками и подвижниками, живущими в обществе, занял у одних собранность ума, а у других старание быть полезным для общества»²². Под этими другими Григорий понимает подвижников, которые проводили жизнь безбрачную, не уединяясь в пустыню и занимаясь делами общественными. «Предпочесть этот последний род жизни понуждала меня, – говорит сам о себе Григорий, – и признательность к родившим меня, у которых я был в долгу; я хотел лелеять их старость, водить их за руку, чтобы самому иметь счастливую старость, угождая их старости»²³. Такой выбор сделан был и потому еще, что Григорий правилом любомудрия поставлял не показывать и виду, что он трудится для жизни превосходнейшей. Заботы о родителях, тем более необходимые, что брат Кесарии вскоре отправился на службу к императорскому двору, могли достаточно прикрывать его ревность об угождении Богу.

Утвердившись в таком образе мыслей, Григорий, вопреки обещанию, какое дал Василию в Афинах, и несмотря на неоднократные приглашения его, долго не находил возможности отправиться к нему в новоустрояемый монастырь. После же того, как провел с ним в Понтийской пустыне несколько времени, и по возвращении в свой Арианз часто с великим удовольствием вспоминал о занятиях, какие делил здесь со своим другом. Это тем удивительнее, что и жизнь в доме родительском очень мало отличалась по своей строгости от жизни иноков Василиевых. И дома Григорий так же занимался богомыслием и молитвой, питался самой умеренной и простой пищей, упражнялся в слове Божиим, но его много возмущало поведение служителей, за которыми присмотр был поручен ему и которых в поместье отцовом, как видно, было немало. «Управлять слугами, – жалуется Григорий в одном

²¹ Ср.: *Свт. Григорий Богослов. Стихи о самом себе // Свт. Григорий Богослов. Творения. Т. 2. С. 184.*

²² Ср.: *Свт. Григорий Богослов. Стихотворение, в котором святой Григорий пересказывает жизнь свою // Там же. С. 202.*

²³ Ср.: Там же.

стихотворении, – подлинная сеть пагубы. Жестоких владык они всегда ненавидят, а богобоязненных бесстыдно попирают; к злым не снисходительны, добрым не благопокорны, но на тех и на других дышат неразумным гневом»²⁴.

Гораздо большую скорбь Григорию причинило посвящение его в пресвитера, совершенное отцом его в праздник Рождества Христова (вероятно, в 361 году). И после обширного образования, какое получил в различных школах, высокое и досточестное звание служителя алтаря казалось Григорию тем же, чем бывает солнечный свет для слабых глаз²⁵. Отец Григория знал взгляд своего сына на священство, но, побуждаемый отеческой любовью, совершенно против воли, рукоположил его в пресвитера. Григорий хотя и покорился воле родителя, принял от него посвящение, но так сильно огорчился, что забыл все: друзей, родителей, отечество, род – и, по собственному его сравнению, как вол, уязвленный слепнем, ушел в Понт, надеясь там в божественном друге найти врачевство от горести²⁶. Этим удалением он, между прочим, хотел вразумить тех, которые, по его выражению, с неумытыми руками и нечистыми душами берутся за святейшее дело, теснятся и толкаются вокруг Святой Трапезы, как бы почитая священный сан не образцом добродетели, а средством к пропитанию и начальством, не дающим отчета²⁷.

Другими же, более важными причинами этого удаления были неожиданность рукоположения и любовь к безмолвию и созерцательной жизни. Вот собственные слова Григория об этом: «Особенно поражен я был неожиданностью; подобно человеку, поражаемому внезапным громом, не собрался с мыслями и потому преступил скромность, к которой приучал себя всю жизнь. Потом овладела мною какая-то привязанность к благу безмолвия и уединения. Любя его с самого начала, сколько едва ли любил кто-нибудь из занимающихся науками, в важнейших и опаснейших для меня обстоятельствах дав Богу обет безмолвной жизни, я не вынес принуждения. Мне казалось, что всего лучше, замкнув как бы чувства, собравшись в самом себе, без крайней нужды не касаясь ни до чего человеческого, носить в себе божественные образы, всегда чистые и не смешанные с земными и обманчивыми впечатлениями, постигать блага будущего века, находясь еще на земле, оставлять землю и быть возносиму Духом горе»²⁸. Кроме сего, Григорий живо представлял себе ту тягостную борьбу, какую должен вести пастырь с дерзостью еретиков, с пороками слабых христиан, равно и угрозы недостойным служителям алтаря, изреченные в Писании. Памятование обо всем этом, говорит св. Григорий, не оставляло его день и ночь, сушило мозг, истощало плоть, лишало бодрости и не позволяло ходить с поднятыми высоко взорами²⁹. «Признаюсь, что я немог для такой брани... пока не очищен ум, пока далеко не превосхожу других близостью к Богу, небезопасным признаю принять на себя попечение о душах и посредничество между Богом и людьми, что составляет также долг иерея... Не почитайте меня боязливым сверх меры; напротив того, похвалите даже мою предусмотрительность»³⁰. «Рассматривая самых благоискусных мужей древности, нахожу, что из тех, кого благодать предызбрала в

²⁴ Свт. Григорий Богослов. Стихи о самом себе // Свт. Григорий Богослов. Творения. Т. 2. С. 182.

²⁵ См.: Свт. Григорий Богослов. Стихотворение, в котором святой Григорий пересказывает жизнь свою // Там же. С. 202.

²⁶ См.: Там же. С. 203.

²⁷ См.: Свт. Григорий Богослов. Слово 3 // Там же. Т. 1. С. 29. Таких «смельчаков» в то время было очень много. «Большая часть из нас (чтобы не сказать – все), – говорит Григорий, – прежде нежели узнаем наименование священных книг, научимся распознавать письма и писателей Ветхого и Нового Завета, если только затвердим два или три слова о благочестии, и то понаслышке, а не из книг, если хотя мало ознакомимся с Давидом, если умеем ловко надеть плащ или до пояса походить на философа, – мы уже и мудры, и высоки, сами себя посвящаем в небесные и желаем звания учителя» (ср.: Там же. С. 42). Посему для людей с поверхностным взглядом на пастырское служение удаление Григория, столь знакомого с науками, конечно, могло быть очень поучительным и даже обличительным.

²⁸ Ср.: Свт. Григорий Богослов. Слово 3 // Свт. Григорий Богослов. Творения. Т. 1. С. 29.

²⁹ См.: Там же. С. 48.

³⁰ Там же. С. 53.

звание начальника или пророка, одни с готовностью следовали избранию, а другие медлили принимать дары; Моисей прекословил Богу, а Иеремия страшился юности, и Иона бежал от лица Божия, но и сии, отрекавшиеся за боязнь, не подверглись осуждению»³¹.

Вот побуждения, по которым Григорий немедленно по рукоположении удалился в Понт. Видно, что и Василий Великий не осуждал своего друга за такой образ действий, иначе он не позволил бы ему оставаться в своей пустыне от праздника Рождества Христова до самой Пасхи. По всему видно, что Григорию очень приятно было жить вместе со своим другом, но отец многократно и даже с угрозами убеждал его возвратиться в Назианз. Можно было опасаться, как бы нежность не обратилась в клятву³², по обыкновенному свойству прогневанного простодушия³³; и назианзяне сильно желали возвращения своего священника. Григорий долго боролся с мыслями, как поступить, находясь между двумя страхами; наконец его победил страх оказаться непокорным отцу. «Я стою в середине, – говорит он в объяснение своих действий, – в середине между слишком дерзновенными и слишком боязливыми. Я боязливее тех, которые хватаются за всякое начальство, и дерзновеннее тех, которые всего убегают. Во мне самое время ослабило чувство бедствия»³⁴. Св. Григорий сказал себе, что «против страха быть начальником подаст, может быть, помощь закон благопокорности, потому что Бог вознаграждает веру и делает совершенным начальником того, кто возлагает на Него все надежды»³⁵. Самое же сильное побуждение к возвращению состояло в том, что он вспомнил о временах давних и, встретив одно давнее сказание, извлек из него для себя наставление в настоящем обстоятельстве. Это сказание о бегстве пророка Ионы. Для Ионы, «поелику он предвидел падение Израиля и предчувствовал, что пророчесственная благодать переходит к язычникам», по этой причине, может быть, «извинительно было отречься от пророческого служения. Но осталось ли бы какое извинение и место к оправданию для меня, если бы я стал долее упорствовать и отрицаться от возлагаемого на меня ига служения?»³⁶

Итак, Григорий рассудил к Пасхе возвратиться в дом родительский и примириться с оскорбленным отцом и гражданами Назианза; из них многим казалось, что Григорий был сам не в себе, соделался иным человеком, противился и упорствовал больше, нежели сколько позволительно. Родители с радостью и любовью приняли Григория, хотя он и огорчил их своим неожиданным удалением в Понт; но не видно было этого со стороны граждан назианзских. В самый первый день Пасхи, в первом Слове к своей пастве, Григорий прежде всего испрашивал себе прощения и кротко объяснял причины своего замедления, но в этот день многие из граждан не пришли в церковь и не показали ему той внимательности, которая могла бы быть порукой за будущее. Это вновь и весьма опечалило Григория, тем более что они сами вызывали его из Понта; светлый праздник для Григория превратился не в праздник³⁷. Вскоре он произнес другие два Слова; в одном из них он высказал несколько кротких обличений жителям Назианза за непонятную и горестную для него изменчивость их чувств или превратность в расположении, а в другом подробно объяснил все причины и побуждения своего удаления в Понт (отсюда-то и занято было все, что прежде говорилось об этом)³⁸. Чрез эти два Слова Григорий возвратил себе любовь и расположение граждан.

³¹ Ср.: *Свт. Григорий Богослов. Слово 3 // Свт. Григорий Богослов. Творения. Т. 1. С. 59.*

³² Т. е. в проклятие. – *Ред.*

³³ См.: *Свт. Григорий Богослов. Стихотворение, в котором святой Григорий пересказывает жизнь свою // Свт. Григорий Богослов. Творения. Т. 2. С. 203.*

³⁴ Ср.: *Свт. Григорий Богослов. Слово 3 // Там же. Т. 1. С. 59.*

³⁵ Там же.

³⁶ Там же. С. 58.

³⁷ См.: *Свт. Григорий Богослов. Слово 2 // Там же. С. 24.*

³⁸ Имеется в виду Слово 3. – *Ред.*

И в смутные времена царствования Констанция³⁹ отличительным свойством паствы назианзской была непоколебимость и безмятежие, так что часто называли ее ковчегом Ноевым за то, что одна спаслась от всемирного потопления и хранила в себе семена благочестия⁴⁰. Конечно, это было в соответствие заботам епископа и его сына пресвитера; но со вступлением на престол Юлиана и в Назианзской епархии открылись разделения по тому случаю, что отец Григория по простоте подписался под символом веры, составленным полуарианами (в котором слово *ομοούσιος* – «единосущный» заменено было на *ομοιούσιος* – «подобосущный»). Хотя отец Григория, по выражению сына, в этом случае не погрешил мыслью и чернило не очернило души его⁴¹, но христиане назианзские отделились от своего пастыря; даже самые иноки, строгие по жизни и отличавшиеся особой преданностью своему епископу, хотя позднее других, оставили его и просили соседних епископов кого-либо из избранных старцев посвятить в пресвитера⁴². Повод к неблагоприятным толкам об отце Григориевом подавал еще брат Григория Кесарии, оставшийся на службе при дворе императорском и в царствование Юлиана. «И у своих и у посторонних, сколько ни есть нам знакомых, – по словам Григория, – обратилось в постоянное занятие говорить следующее: „Епископский сын ныне уже в службе, домогается мирских чинов и славы и побеждается корыстолюбием; и так ныне все воспламенено страстью к деньгам и для них не щадят люди души своей. Как теперь епископы уговорят другого не оскверняться общением с идолами, как теперь наказывать проступившихся в чем иным, когда сам епископ не смеет сказать слова по причине случившегося у него в доме?“ Вот что, или еще и гораздо сего худшее, слышим мы каждый день и от тех, которые говорят это, может быть, по дружбе, и от тех, которые нападают из неприязни»⁴³.

В таких обстоятельствах Григорий, как преданный сын, был истинным утешителем для своих родителей. Отец его так был огорчен такими слухами о Кесарии, что самая жизнь была ему в тягость. Посему для успокоения его Григорий уверял, что Кесарии скоро откажется от места и не будет больше причинять печали своему отцу. От матери же Григорий разными выдумками скрывал известие о брате Кесарии и толки из-за этого по тому опасению, как сам говорит в одном письме, «что государыня мать, если услышит о тебе [Кесарии] что-нибудь неприятное, впадет в скорбь совершенно безутешную и что она как женщина, по крайнему благоговению, неспособна соблюсти меру в подобных случаях»⁴⁴. В письме Кесарию Григорий убеждал его оставить службу при дворе и раскрывал все неблагоприятные следствия, каких можно ожидать от этой службы. Из письма видно, что Григорию не нравилась придворная служба Кесария не только при Юлиане, но и при его предшественнике⁴⁵. Недолго молчал Григорий и по случаю отделения паствы от его отца. Самое молчание имело целью привлечь Дух и *отрыгнуть*⁴⁶ слово благо (Пс. 44:2)⁴⁷. Прекращение смятения впоследствии Григорий приписывал молитвам и увещаниям отца, но, однако же, позволял себе и такие слова: «...и я участвовал в его благочестии и деятельности, ибо помогал ему во всяком добром деле и как бы сопутствовал и следил за ним, почему и удостоился совершить большую часть дела»⁴⁸. Но каких трудов стоило ему это примирение, неизвестно. До

³⁹ Констанций II (317–361) – римский император в 337–361 гг., поддерживал арианство. – Ред.

⁴⁰ См.: *Свт. Григорий Богослов. Слово 6 // Свт. Григорий Богослов. Творения. Т. 1. С. 130; Слово 18 // Там же. С. 231.*

⁴¹ См.: *Свт. Григорий Богослов. Слово 18 // Свт. Григорий Богослов. Творения. Т. 1. С. 231.*

⁴² См.: *Свт. Григорий Богослов. Слово 4 // Там же. С. 64.*

⁴³ Ср.: *Свт. Григорий Богослов. Письмо 7. К Кесарию брату // Там же. Т. 2. С. 421–422.*

⁴⁴ Ср.: Там же. С. 422.

⁴⁵ См.: Там же. С. 421.

⁴⁶ Ц.-сл. «отрыгнуть» – «сказать», «изречь». – Ред.

⁴⁷ См.: *Свт. Григорий Богослов. Слово 6 // Свт. Григорий Богослов. Творения. Т. 1. С. 125.*

⁴⁸ *Свт. Григорий Богослов. Слово 18 // Там же. С. 231.*

нас дошло только одно Слово его⁴⁹, которое говорено уже по воссоединении монашествующих. Здесь высказывалось уже благодарение Господу за умирение разделенных, и увещание направлено только к подкреплению и утешению тех, которые присоединились к Церкви.

Конечно, важное влияние на паству назианзскую имели еще и те два обличительных Слова против Юлиана, которые произнесены Григорием вскоре по смерти этого отступника. Это было лучшее противодействие похвальным речам, в которых превозносили умершего ученые язычники, и в числе их особенно Ливаний⁵⁰. Слова Григориевы написаны, кажется, по совету или даже при помощи Василия, потому что в конце последнего Слова встречаются такие выражения, обращенные к лицу Юлиана: «Сие приносят тебе Василий и Григорий, противники и противоборники твои, как сам ты думал и других уверял, своими угрозами поощряя нас к вящему благочестию»⁵¹. Из этих же обличительных Слов Григория видно, что Юлиан усиленно убеждал его брата Кесария принять сторону язычников и, когда уверился в безуспешности убеждения, с огорчением сказал: «Благополучный отец, злополучные дети»⁵²; последним выражением явно намекал он и на Григория.

Спустя год после сего Григорий принял живое участие в примирении Евсевия, епископа Кесарийского⁵³, с другом своим пресвитером Василием. Епископ Евсевий произвел сильные смятения в Кесарии единственно своей завистью к другу Григориеву. Притеснения Василию были так явны, что почитатели его, монахи и другие христиане кесарийские, хотели отделиться от епископа. Это отделение могло быть еще более опасно по своим последствиям, потому что император Валент⁵⁴, покровитель ариан, уже поставивший во многих православных церквах епископами ариан, начинал тем же угрожать и Кесарии. И дружба⁵⁵, и ревность о благе православных побуждали принять возможные меры к предотвращению зла. Посему, как скоро распространились слухи, что монахи кесарийские из-за Василия отделяются от своего епископа, Григорий сам пришел в Кесарию, советовал Василию оставить на время служение в Кесарии и удалиться в свой монастырь, а по возвращении в Назианз написал и ходатайственное письмо за Василия к епископу Евсевию. Письмо это ясно свидетельствует о сильной любви Григория к Василию и к справедливости, а кроме сего, замечательно по смелости, с какой пишет воодушевленный чувством правоты священник к своему митрополиту. Вот извлечение из сего письма: «Как радуюсь, что делаешь мне честь и приглашаешь меня на духовные собрания и совещания, так тяжело для меня оскорбление, какое терпел и доселе терпит от твоего благоговения досточестнейший брат Василий, с самого начала мной избранный и донныне остающийся для меня товарищем жизни, учения и самого высшего любомудрия... ты, унижая его и оказывая честь мне, по моему мнению, поступаешь почти так же, как если бы кто одного и того же человека стал одной рукой гладить по голове, а другой бить по щеке или, подломав основание дома, начал расписывать его стены и украшать наружность. Если убедишься сколько-нибудь моим словом, то сделаешь по-моему. А я прошу убедиться, потому что это и справедливо. Если обойдешься с Василием

⁴⁹ *Свт. Григорий Богослов. Слово 6 // Там же. С. 125–136*

⁵⁰ Ливаний (Либаний; 314 – около 393) – языческий ритор, известный представитель так называемой второй софистики. – *Ред.*

⁵¹ Ср.: *Свт. Григорий Богослов. Слово 5 // Свт. Григорий Богослов. Творения. Т. 1. С. 123.*

⁵² См.: *Свт. Григорий Богослов. Слово 7 // Свт. Григорий Богослов. Творения. Т. 1. С. 143.*

⁵³ Кесарии Каппадокийской, предшественника св. Василия Великого по кафедре. – *Ред.*

⁵⁴ Валент (около 328–378) – император восточной части Римской империи с 364 г. – *Ред.*

⁵⁵ Хотя Григорий твердо был убежден, что Василий жизнью, словом и правилами превосходит всех известных ему, однако не считал излишним давать ему свои советы и как бы поощрять к добродетелям. Так, вскоре после рукоположения его в пресвитеры, тоже против воли, он писал ему о необходимости терпения и ревности к исполнению обязанностей нового сана.

как должно, то он будет служить тебе. А мое дело следовать за ним, как тени за телом»⁵⁶. Евсевий оскорбился таким письмом, но Григорий не считал нужным просить извинения и в следующем письме говорил не менее смело: «Хотя ты и выше по степени, однако же дай и мне несколько свободы и справедливого дерзновения, а потому будь к нам благосклоннее. Если же судишь о моем письме как о письме служителя, обязанного смотреть тебе в глаза, то в этом случае и удары приму, и плакать не буду»⁵⁷. Хотя и после этого письма Евсевий обвинял Григория в низости⁵⁸, но, когда Григорий по новому приглашению явился в Кесарию, Евсевий уже охотно обещался в знак примирения писать самому Василию просительное и пригласительное письмо⁵⁹. Узнав об этом, Григорий, со своей стороны, немедленно известил об этом Василия, убеждая его не доводить своего епископа до такого уничтожения, но предупредить его или своим письмом, или немедленным возвращением. Этот высокий подвиг любви был совершенно по душе Василию – он немедленно явился в Кесарию и успешно разрушил все замыслы собравшихся сюда ариан.

В этом деле борьбы с арианами помогал Василию и Григорий, явившийся сюда по его вызову, но в чем состояла его помощь, неизвестно; на это важное содействие указывают только следующие прикровенные⁶⁰ выражения Григория в похвальном Слове Василию: «Если с Павлом подвизался и Варнава, который о сем говорит и пишет, то и за сие благодарение Павлу, который его избрал и соделал сотрудником в подвиге»⁶¹. Ход речи ясно показывает, что под Павлом разумеется Василий, а под Варнавою – автор слова.

Из деятельности Григория в следующие шесть лет его жизни, до возведения Василия на архиепископский престол, известны только его домашние заботы и беспокойства. Брат Григория Кесарии хотя оставил службу при дворе в царствование Юлиана, но при его преемниках опять был вызван туда. Государи даже препирались между собой в том, кто из них более ласкал Кесария и кто имел более права назвать его искреннейшим другом и приближенным⁶². По должности хранителя царской казны, которая дана была ему сверх должности первого врача, он должен был прожить несколько времени в Никее Вифинской. Но здесь в 368 году случилось страшное землетрясение, от которого из знатных жителей спасся почти один Кесарии. Это избавление от внезапной смерти было тем отраднее, что Кесарии доселе был только в числе оглашенных, еще не был крещен. Григорий и прежде много раз в своих письмах убеждал брата оставить мирскую жизнь, а теперь самым чувством живой благодарности за чудесное избавление склонял его принять крещение и вместе с сим просил его возвратиться в дом⁶³. О том же убеждал писать к Кесарию и Василию Великому. Кесарии послушался, но вскоре после крещения умер. Григорий сильно поражен был его смертью⁶⁴. В чувстве глубокой скорби Григорий обнимал и лобызал все, напоминавшее о Кесарии⁶⁵, но его смерть, плачевная для истинно братской любви, принесла Григорию еще много других огорчений.

К отцу Кесария во множестве стали являться мнимые заимодавцы сына. Имущество Кесария при жизни его было в руках служителей и таких людей, которые соблюли чрезвычайно мало, и это немногое по желанию умершего роздано было нищим. Пока было можно,

⁵⁶ Свт. Григорий Богослов. Письмо 12. К Евсевию // Свт. Григорий Богослов. Творения. Т. 2. С. 429–430.

⁵⁷ Свт. Григорий Богослов. Письмо 17. К Евсевию // Там же. С. 430.

⁵⁸ См.: Свт. Григорий Богослов. Письмо 18. К нему же // Там же. С. 430.

⁵⁹ См.: Свт. Григорий Богослов. Письмо 19. К Василию Великому // Там же. С. 431.

⁶⁰ Здесь: иносказательные, содержащие в себе переносный смысл. – Ред.

⁶¹ Свт. Григорий Богослов. Слово 43 // Свт. Григорий Богослов. Творения. Т. 1. С. 528.

⁶² См.: Свт. Григорий Богослов. Слово 7 // Там же. С. 143.

⁶³ См.: Свт. Григорий Богослов. Письмо 20. К Кесарию брату // Там же. Т. 2. С. 431–432.

⁶⁴ См.: Свт. Григорий Богослов. Слово 7 // Там же. Т. 1. С. 144.

⁶⁵ См.: Свт. Григорий Богослов. Письмо 30. К Филагрию // Там же. Т. 2. С. 436.

родители Кесария расплачивались с мнимыми заимодавцами, так что многие жалели даже о том, что они не просили большего. Но, смотря на пример предупредивших⁶⁶, и прочие стали объявлять ложные иски⁶⁷. Разыскивать справедливость этих исков отец поручил жившему у него сыну. Григорию надобно было проводить время среди волнений многолюдных собраний, надобно было выслушивать возражения противников. Блюстители законов были подкуплены искателями чужого имущества. Из родных же никто не помогал Григорию. Все эти беспокойства тем более тяготили и мучили Григория, что и на будущее время никто не мог освободить его от попечения о доме родительском и от несносного надзора за служителями. Прежде Григорий твердо надеялся в этом на Кесария, который действительно отклонял от него все беспокойства и почитал его, как не почитал никто другой, и уважал, как иной уважал только любимого отца⁶⁸. При этом Григорий часто уносился мыслями к воспоминанию о мирной жизни в пустыне Василиевой, и в нем рождалось глубокое раскаяние о том, что прежде у него не достало твердости духа навсегда избрать для себя пустынную жизнь: «Там [в этой пустыне], живя один вдаль от людей, носил бы я в сердце всецелого Христа, к Единому Богу вознося чистый ум. Доселе не испытывал я столь сильных и многочисленных горестей, не страдал я столько и тогда, как двадцать дней и ночей лежал на корме корабельной в ожидании ужасов кораблекрушения, не скорбел столько и во время землетрясения в Афинах и тогда, как, вертя прут, поранил себе изогнутый угол ресницы. Много потерпел я бедствий, но доселе не встречались такие несчастья, какие напоследок приразились мне. Я новый Иов, недостает только подобной причины моих страданий. Я один известен всякому не тем, что имею пред другими преимущество в слове или в силе руки, но своими скорбями и сетованиями. Моя слава в скорбях: на меня из сладостной руки Твоей, Царь мой Христос, Ты истощил все горькие стрелы»⁶⁹.

Впрочем, при всей этой сильной скорби у Григория доставало мужества, чтобы пролить в душу скорбящего родителя лучшие христианские утешения и почитать своего брата похвальным Словом⁷⁰. Такое Слово было необходимо и потому, что некоторые обстоятельства в жизни Кесария требовали объяснения. Так, например, Кесарии долго не принимал крещения и довольно долго не оставлял придворной жизни даже и тогда, когда был императором Юлиан Богоотступник.

Около этого времени скончалась и сестра Горгония, бывшая в замужестве за язычником; пред смертью своей она, впрочем, обратила его в христианство⁷¹. Ее строгая и благочестивая жизнь была очень известна назиданской пастве; к ее советам прибегали не только родственники, единоземцы и соседи, но и все знавшие ее в окрестности, и ее увещания и наставления почитали для себя ненарушаемыми законами⁷². А потому и ее память Григорий почтил похвальным Словом – сколько для утешения скорбящих, столько и для назидания других примером ее жизни и для сохранения ее памяти в потомстве. «Должно обращать большее внимание, – говорит Григорий, – не на мнение людей злонамеренных, которые могут обвинить в пристрастии, а на мнение благонамеренных, которые требуют должного. Всего несообразнее думать, что поступим справедливо, кого-либо из своих лишив слова,

⁶⁶ Т. е. тех, которые предъявили иски первыми. – *Ред.*

⁶⁷ См.: *Свт. Григорий Богослов. Письмо 29. К Софронию ипάρχу // Свт. Григорий Богослов. Творения. Т. 2. С. 436.*

⁶⁸ См.: *Свт. Григорий Богослов. Стихи о самом себе // Там же. С. 184.*

⁶⁹ Ср.: *Свт. Григорий Богослов. Жалобы на свои страдания // Там же. С. 273; Стихи о самом себе // Там же. С. 186.*

⁷⁰ См.: *Свт. Григорий Богослов. Слово 7 // Свт. Григорий Богослов. Творения. Т. 1. С. 137–149.*

⁷¹ См.: *Свт. Григорий Богослов. Слово 8 // Там же. С. 153.*

⁷² См.: Там же. С. 154.

через которое особенно обязаны мы служить людям добрым и умершим можем доставить бессмертную память»⁷³.

В 370 году сделались нездоровы и его друг, и его отец, а вскоре и его мать. Тяжелая болезнь постигла Василия незадолго до избрания его в епископы. Когда же епископы стали собираться в Кесарию, по смерти Евсевия, для избрания ему преемника, Василий уже довольно поправился в своем здоровье, хотя и приглашал к себе Григория, ссылаясь на болезнь. Есть причины думать, что Василий призывал своего друга для того, чтобы отклонить от себя кафедру епископскую и в присутствии Григория указать на него как на одного из лучших кандидатов для занятия кесарийского престола. К этой мысли приводят следующие выражения Григория из письма его к св. Василию: «Вызывал ты меня в митрополию, когда нужно было совещаться об избрании епископа. И какой благовидный и убедительный предлог! Притворялся, что болен и находишься при последнем издыхании, желаешь меня видеть и передать мне последнюю свою волю. Удивляюсь, как ты думаешь, что не одно и то же прилично и тебе и мне, которых в начале так сдружил Бог, что и жизнь, и учение, и все у нас общее, и как подумал, что тут будут выставлять на вид людей благоговейных, а не сильных в городе и любимых народом»⁷⁴. Как бы то ни было, во всяком случае, известие о болезни Василия сильно огорчило Григория, он проливал источники слез и отправился было в путь, но узнав, что в городе собираются епископы, поехал назад, а Василию вместо себя отправил письмо с такими заключительными словами: «Твое благоговение увижу тогда, когда устроятся дела и позволит мне время; увижу – и тогда побраню побольше и посильнее»⁷⁵.

Через несколько времени сам отец Григория решился отправиться в Кесарию для присутствия на соборе по делу об избрании епископа в Кесарию. Но и больному отцу не хотел сопутствовать Григорий; даже и после того, как Василий уже посвящен был в епископа, Григорий медлил являться с поздравлением к своему другу, несмотря на новые приглашения. Поступал он так по заботливости о славе своего друга и об отвращении повода к суетным толкам завистливых людей. Вот его слова: «Когда все другие думали, что я поспешу к новому епископу или, лучше, разделю с ним начальство и когда обо всем этом заключали по нашему дружеству, тогда, избегая высокомерия и повода к зависти, остался я дома, с усилием обуздав желание видиться с тобой. Да и теперь не спешу к тебе, и ты сам этого не требуй, во-первых, чтобы сберечь мне честь твою и чтобы не подумали, что собираешь приверженцев по незнанию приличий и по горячности, как могут сказать завистники, а во-вторых, чтобы мне самому приобрести постоянство и неукоризненность»⁷⁶. Василию это казалось охлаждением в дружбе, и он упрекал Григория в пренебрежении к себе, как к покинутой ягоде на виноградной лозе. На это Григорий отвечал изумлением: «Будто бы что-нибудь твое для меня то же, что иссохшая ягода на виноградной лозе! Как вырвалось у тебя такое слово из ограды твоих зубов, о божественная и священная глава! Как отважился ты вымолвить это!.. Как подвиглась мысль, написало чернило, приняла бумага!.. Меня ли ты не знаешь или самого себя? Как может быть маловажным для Григория что-нибудь твое, око вселенной, звучный глас и труба, палата учености! Чему же иному станет кто дивиться на земле, если

⁷³ Ср.: Там же. С. 150. Замечательно, что, упомянув в этом Слове о Соломоновом изображении доброй жены, Григорий прибавляет: «Если бы я стал хвалить за такие качества сестру, то сие значило бы хвалить статую по тени или льва по когтям, оставив без внимания важнейшее и совершенное». Отсюда очевидно, что Соломоново изображение женщины, по мнению Григория, не включает в себе многих совершенств, которыми должны украшаться жены христиан, а потому недостаточным казалось и для ознакомления со всеми добрыми качествами Горгонии.

⁷⁴ Ср.: *Свт. Григорий Богослов. Письмо 40. К Василию Великому // Свт. Григорий Богослов. Творения. Т. 2. С. 442.*

⁷⁵ Там же. С. 443.

⁷⁶ Ср.: *Свт. Григорий Богослов. Письмо 45. К Василию Великому // Свт. Григорий Богослов. Творения. Т. 2. С. 447.*

Григорий не дивится тебе? Одна весна в году, одно солнце между звездами, одно небо объемлет собой все, один голос выше всех... и это твой голос»⁷⁷.

Около этого же времени подверглась какой-то болезни и мать Григория; это еще замедлило на несколько времени свидание с Василием, и он писал ему: «От твоего преподобия зависит привести в порядок мои дела, ибо безотлучно сижу при одре государыни матери, которая, много уже тому времени, страждет недугом. И если можно будет оставить ее вне опасности, будь уверен, не лишу себя твоего лицезрения. Помогай только своими молитвами ей выздороветь, а мне совершить путь»⁷⁸. В непродолжительном времени Нонна получила облегчение от своей болезни и этим считала себя обязанной сыну. Однажды, когда Григорий взошел к ней рано утром и стал по обыкновению спрашивать, как провела ночь и что ей нужно, она, нимало не медля и речисто, сказала: «Сам ты, любезный, напитал меня и потом спрашиваешь о здоровье». Этим намекала она на сновидение, в котором ей представлялось, что сын ее Григорий явился к ней ночью с корзинами самых больших хлебов, потом произнес над ними молитву и, запечатлев их крестным знамением, подал ей вкусить и тем восстановил ее силы; и после этого сна она действительно стала приметно поправляться⁷⁹.

По выздоровлении матери Григорий посетил своего друга; впрочем, пробыл у него очень краткое время, не дождавшись даже кесарийского праздника в честь мученика Евпсихия. Василий предлагал Григорию и сан епископа или место первого при себе пресвитера, но он не принял ни того ни другого, также избегая зависти и заботясь о предотвращении толков, неблагоприятных и для Василия⁸⁰. По возвращении из Кесарии Григорию открылся случай защищать своего митрополита на каком-то пиру. Вот как пересказывает это сам Григорий в письме к Василию: «Был пир, и на пиру было немало людей знатных, а в числе их находился некто из носящих имя и образ благочестия. Пированье еще не начиналось; слово зашло о нас, которые, как это обыкновенно случается на пирах, вместо всякого другого занятия в перерывах становятся предметом общего рассуждения. Все дивятся твоим совершенствам, присовокупляют к тебе и меня, говорят о нашей дружбе, об Афинах, о нашем единодушии и единомыслии во всем; но бывший тут монах громогласно изъявил свое неудовольствие и сказал: „Что это, государи мои, так вы много лжете и зачем допускаете такую лесть? Пусть похвалены Василий и Григорий будут за другое, если угодно, в том не спорю, но за Православие напрасно хвалят Василия, напрасно и Григория; один изменяет вере тем, что говорит, а другой тем, что терпит это“. Я, со своей стороны, – продолжает Григорий, – спросил этого нового Дафана и Авирона (см. Чис. 16:1-33; Втор. 11:6; Пс. 105:17) по высокоумию: „Откуда это, пустой человек, пришел ты с таким правом учительства? И как смеешь сам себя делать судьей в таких предметах?“ – „Я теперь, – говорил он, – с собора, который был у мученика Евпсихия, и он свидетель, что это действительно так. Там слышал я, как великий Василий богословствовал: об Отце и Сыне превосходно, весьма совершенно и как не легко было бы сказать всякому другому, а в учении о Духе уклонился от прямого пути, неясно высказал мысль, как бы набрасывал тень на учение, не осмеливался выговорить истину, накидывая нам в уши выражения, приличные более человеку изворотливому, нежели благочестивому, и прикрывая двоедушие силой слова“. – „Это потому, – говорил я, – что около Василия жестокая битва, еретики стараются ловить каждое речение из его уст, чтобы после того, как все у нас захвачено, и этот муж, единственно почти оставшаяся у нас искра истины и жизненная сила, и этот муж мог быть изгнан из Церкви, а вслед за сим из этой Церкви, как бы из какой засады, зло ереси арианской разливалось бы по всей вселенной. Поэтому нам лучше

⁷⁷ Свт. Григорий Богослов. Письмо 46. К нему же // Там же. С. 447.

⁷⁸ Свт. Григорий Богослов. Письмо 60. К нему же // Там же. С. 457.

⁷⁹ См.: Свт. Григорий Богослов. Слово 18 // Там же. Т. 1. С. 237.

⁸⁰ См.: Свт. Григорий Богослов. Слово 43 // Там же. С. 531.

быть бережливыми на истину, уступив несколько времени, которое омрачило нас подобно облаку, нежели ясной проповедью привести истину в упадок. Истина заключается не столько в слове, сколько в мысли. Но Церкви [будет нанесен] великий урон, если с одним человеком изгнана будет истина⁸¹. Такой осторожности не одобрили присутствовавшие, называя ее неблаговременной и даже насмешкой над ними, порицали нас за то, что ограждаем более робость свою, нежели учение Церкви⁸¹. Много и другого слышал Григорий по этому поводу и сам говорил еще и даже сверх меры и обыкновения изъяснял свое негодование противоречившим, но для лучшего поправления дела письменно просил наставления у Василия, до чего должно простираться в богословии о Духе и какие употреблять речения, чтобы можно было вразумить противников. Василий сверх ожидания оскорбился известием об этом и звал к себе самого Григория только для отражения нападений императора Валента. Валент спешил в Кесарию с той целью, чтобы поставить здесь арианского епископа.

Валент прежде Кесарии направил путь свой в Назианз и привел с собою нескольких ариан в надежде поработить себе и Назианзскую епархию. Но противодействие двух Григориев было так сильно, что он нисколько не успел в своих замыслах. Это видно из слов Григория Богослова об отце: «И здесь оказал он нам немалую помощь, как сам, так, может быть, и чрез меня, которого он, как молодого пса нехудой породы, для упражнения в благочестии выводил против сих лютых зверей⁸². К сожалению, нет никаких других сказаний, что именно сделал в это время этот, по смиренному выражению о себе Григория, молодой пес...

Прогнав свирепых волков от своего стада, Григорий поспешил в Кесарию на помощь к своему другу, которому предстояла страшная борьба и с префектом Модестом, и с самим императором. Григорий, как знаем, был свидетелем беседы Василия с царем о Назианзе, но какие он оказал при этом услуги Василию и Церкви, тоже неизвестно. Только одно письмо Василия показывает, что святитель Кесарийский многого ожидал от его присутствия в это бурное время; вот слова Василия: «Склонись на мою просьбу, раздели мой труд в предстоящем подвиге и выступи со мной против ополчившегося на меня. Ибо, если только явишься, остановим все стремление, рассыплем собравшихся и заградим всякие несправедливые уста дерзких еретиков⁸³.

Глава III

Скорбь Григория после посвящения в епископа Сасимского. – Слово при посещении Григория Нисского. – Отказ от Сасимской епархии по случаю угроз Анфима и размолвка с Василием. – Содействие Григория отцу в качестве викария. – Попечение о пастве назианзской по смерти отца. – Удаление в Селевкийский монастырь

В 372 году Григорий рукоположен был в епископа Сасимского. Это было для него причиной еще большей скорби, чем посвящение в пресвитера; только при этом он более всего жаловался на своего друга, а не на отца. «Что с тобой сделалось? – писал он уже в глубокой старости, обращая речь к св. Василию. – За что вдруг бросил ты меня в такую от себя даль? Да погибнет в мире закон дружбы, которая так мало уважает друзей!.. Лжецом для меня стал этот во всем прочем нелживейший друг. Не раз слышал он, как я говаривал: „Теперь все надобно переносить, хотя бы случилось что и худшее. Но как скоро не станет родителей на

⁸¹ Ср.: *Свт. Григорий Богослов. Письмо 58. К Василию* // *Свт. Василий Великий. Творения*. Т. 2. С. 455–456.

⁸² См.: *Свт. Григорий Богослов. Слово 18* // Там же. Т. 1. С. 242.

⁸³ Ср.: *Свт. Василий Великий. Письмо 71. К Григорию* // *Свт. Василий Великий, Архиепископ Кесарии Каппадокийской. Творения*: В 2 т. М.: Сибирская Благовонница, 2008–2009. Т. 2. С. 566.

свете, тогда мне будет полная возможность оставить дела и от бездомной жизни приобрести хотя ту выгоду, что легко буду гражданином всякого места“. Он слышал это и хвалил мое рассуждение. Но при всем этом вместе с отцом моим насильно возводит на епископский престол...»⁸⁴

Св. Григория устрашало представление и о самом месте назначения – Сасимах. «На большой дороге, пролегающей чрез Каппадокию, – говорит он, – есть место обычной остановки проезжих, с которого одна дорога делится на три, место безводное, не произращающее и былинки, лишенное всех удобств, селение ужасно скучное и тесное. Там всегда пыль, стук от повозок, слезы, рыдания, собиратели налогов, орудия пытки, цепи и жители – чужеземцы и бродяги. Такова была моя церковь в Сасимах; здесь не было бы у меня хлеба, чтобы разломить его с пришельцем, здесь я, нищий, принял бы в управление народ также нищенствующий, не видя никакого средства оказать ему услугу; здесь я должен был обирать одни терния, а не розы с терний, пожинать одни бедствия, не прикрытые никакими выгодами»⁸⁵. Вот причины, которые побуждали Григория со всем жаром отказываться от епископского престола. Впрочем, хотя с глубокой скорбью, хотя невольно, он дозволил совершить над собой посвящение и, не подклонившись духом, подклонил, однако же, выю под руки твердых в своей решимости святителя Василия и своего отца. Слово, которое произнес сам Григорий при своем посвящении, заставляло думать, что он чрез несколько времени примирится с новостью своего положения⁸⁶. Объясняя здесь причины своих слез и страданий, Григорий просил наставления у Василия к прохождению возложенного на него пастырского служения, но при всем этом нельзя было надеяться, что новопоставленный епископ тотчас же решится вступить в управление своей епархией. В этом же Слове при рукоположении он ясно и с силой высказал мысль, что никак не может порицать себя за свой страх и сетование о своем недостойнстве, потому что и Исайя взывал: *о окаянный аз* (Ис. 6:5); и Маной по явлении Ангела говорил: «Мы погибли, ибо видели Бога» (Суд. 13:22); и апостол Петр просил Господа Иисуса удалиться из лодки, ибо почитал себя недостойным Божия явления и собеседования (Лк. 5:8). Этот страх и это смиренное сознание своего недостойнства не оставляли Григория и по рукоположении. И так он опять сделался беглецом, укрылся в какую-то гору, посвятил себя любимому образу жизни, услаждался им и рассуждал сам с собою: «Пусть для других будут почести и труды, для других – брани и отличия за победы, а для меня, избегающего браней и углубляющегося в самого себя, довольно жить, как могу, как бы на легком судне переплыть небольшое море и скудостью здешней жизни приобрести себе малую обитель в жизни будущей. Может быть, более низости, но зато и более осторожности показывает мысль – равно удаляться и высоты, и падения»⁸⁷. В пустынной горе, куда скрылся Григорий, он говорил сам себе и такие речи: «Впредь не буду верить дружеству; для чего мне полагаться на человека? *Ибо всяк человек лъстивно* ходит (Иер. 9:4). Какая польза мне от этой ревностной и прославляемой дружбы, которая началась с мира и перешла в дух? Какая польза от того, что у нас были один кров и одна трапеза, общие наставники и уроки? Что пользы из этого более, нежели братского, слияния сердец и впоследствии искреннего единодушия? Ужели мне не позволят и того, чтобы остаться внизу во время владычества и возвышения друга, когда многие домогаются противного, то есть того, чтобы вместе с друзьями владычествовать и участвовать в их благоденствии?»⁸⁸ Впрочем, сам же Григорий чрез

⁸⁴ Свт. Григорий Богослов. Стихотворение, в котором святой Григорий пересказывает жизнь свою // Свт. Григорий Богослов. Творения. Т. 2. С. 204.

⁸⁵ Ср.: Свт. Григорий Богослов. Стихотворение, в котором святой Григорий пересказывает жизнь свою // Свт. Григорий Богослов. Творения. Т. 2. С. 204–205.

⁸⁶ Свт. Григорий Богослов. Слово 9 // Там же. Т. 1. С. 161–162.

⁸⁷ Свт. Григорий Богослов. Слово 10 // Там же. С. 164.

⁸⁸ Ср.: Там же. С. 164–165.

несколько времени эту печаль и уныние назвал и омрачением ума, и высокоумием, и надмением. «Так размышлял я, пока еще можно было писать тени и питать ум пустыми вымыслами»⁸⁹. Повторились по-прежнему просьбы и уговоры со стороны отца, и он переменял свои мысли и свою перемену называл делом более справедливым и более приличным. Все это открыто высказал он в коротеньком Слове по возвращении из своего уединения. Вскоре после сего к празднику в память неизвестно каких мучеников пришел в Назианз для утешения Григория и брат Василия Григорий, епископ Нисский. И в этот праздник Григорий произнес Слово; в нем поступок Василия назвал недостойным живущего в нем Духа, впрочем, уже изъявлял такую готовность обречь себя на подвиги епископского служения, что отказывался и от утешений, как вовсе ненужных по окончании дней скорби. «Дорого для меня пришествие твое, – говорил он, обращаясь к епископу Нисскому, – однако же укоряю тебя за то, что пришел позже, чем требовала нужда. К чему кормчий после бури и лекарство по заживлении раны?»⁹⁰

По сим словам можно было бы подумать, что буря скорбей совсем утихла в сердце Григория, но не так было на самом деле; в нем оставались чувства и мысли, которые по временам все еще ослабляли твердую решимость и показывали состояние колебания. Пока он собирался в Сасимы, в Назианзе он наслышался много толков о немиролюбивом Анфиме, епископе соседнего города Тианы. Действительно, Анфим усиленно домогался присоединить Сасимскую епархию к своей митрополии и у самого Василия отнял лошаков, охраняя пределы своей митрополии. Люди, расположенные к Григорию, по лести или по убеждению с сожалением говорили ему, что он брошен Василием, как самый бесчестный и ничего не стоящий сосуд или как подпорка под сводами, которую, по складке свода, вынимают и считают за ничто. Когда сам Анфим явился в Назианз, то не устыдился высказать несколько угроз новопоставленному Сасимскому епископу, и по отправлении из Назианза он с дерзостью порицал двух Григориев – отца и сына – в письме к ним за приверженность Василию. Все это побуждало Григория отказаться от Сасимской кафедры, несмотря на новые просьбы отца и на письменные упреки Василия. Василий, чтобы побудить Григория к переселению в Сасимы, отказ его от кафедры производил из лености и нерадения о благе Церкви и называл его даже человеком необразованным, грубым, недостойным дружбы, да и самой жизни. Вот ответ на это Григория. «Укоряешь меня в лености и нерадении, потому что не взял твоих Сасимов, не увлекся епископским духом, не вооружаюсь вместе с вами, чтобы драться, как дерутся между собой псы за брошенный им кусок... [но я] столько хвалюсь своей беспечностью, что величие духа в этом почитаю законом для всех и думаю, что если бы все подражали мне, то не было бы беспокойств церквам, не терпела бы поруганий вера, которую теперь всякий обращает в оружие своей любопытности»⁹¹. Св. Григорий говорит еще о себе, что он вовсе не касался данной ему Сасимской церкви, ни однажды не совершал там служения Богу, не молился с народом, не возложил рук ни на одного из клириков⁹². Впрочем, все это не означало, что он решительно прервал дружбу с Василием; напротив, в это же время он помогал Василию в его противодействии Анфиму. Это видно из следующих слов самого Григория. «Устал я, слушая упреки тебе и защищая тебя пред людьми, которым хорошо известны и прежние, и нынешние наши с тобой отношения»⁹³. Он вел длинную беседу и с Анфимом о том, что последний несправедливо приписывал Сасимы к своему округу, и извещением Василия о том, что Анфим желает окончить дело миром на общем совещании с прочими

⁸⁹ Ср.: Там же. С. 164.

⁹⁰ Ср.: *Свт. Григорий Богослов. Слово И* // Там же. С. 167.

⁹¹ *Свт. Григорий Богослов. Письмо 49. К Василию Великому* // *Свт. Григорий Богослов. Творения. Т. 2.* С. 449.

⁹² См.: *Свт. Григорий Богослов. Стихотворение*, в котором святой Григорий пересказывает жизнь свою // Там же. С. 206.

⁹³ *Свт. Григорий Богослов. Письмо 48. К Василию Великому* // Там же. С. 448.

епископами, положил конец полугодным негодованиям, какие были между епископами Кесарийским и Тианским⁹⁴ о Сасимской кафедре. Еще прежде соборного совещания епископов по делу о Сасимской кафедре Григорий оказал важное содействие Василию рукоположением Евлалия в епископа города Доары. Как это было важно, можно судить по тому, что об этом городе особенно спорил Анфим, из-за него приверженцы Анфима готовы были даже наложить на Григория свои руки.

Но, отказавшись от своей епархии, Григорий, можно сказать, остался викарием у отца. Отец его, убедившись в невозможности отправить сына в Сасимы, в самых сильных выражениях склонял его принять на себя попечение о Назианзской церкви. «Подари немногие дни останку моих дней, – сказал он ему, – подари немногие дни, и прочей своей жизнью расплачай, как тебе угодно. Сделай мне эту милость, сделай, или другой предаст меня гробу. Такое наказание определяю за непокорность»⁹⁵. Григорий согласился на требование отца, но согласился не иначе, как с условием, чтобы ему дозволено было сложить с себя попечение о церкви Назианзской немедленно по кончине родителя. Это викариатство Григория продолжалось около двух лет. Из действий его, относящихся к сему периоду времени, известны только два Слова: одно сказано по случаю опустошения полей необычайным градом, а другое – по случаю какого-то возмущения жителей Назианза⁹⁶.

Весной 374 года умер отец Григория, а вскоре после него и мать его. Григорий, воздав им последний долг, думал оставить Назианз и посвятить себя уединенной жизни. Но несколько благоговейных людей с настойчивостью требовали от него и заклинали продолжать попечение о церкви отцовой, говоря, что в противном случае она сделается добычей множества людей богомерзких, то есть еретиков⁹⁷. Отказаться было чрезвычайно трудно, и на краткое время он остался еще в Назианзе, но имел попечение о церкви Назианзской, как человек сторонний о церкви чужой. Между тем вскоре с ним приключилась болезнь, и для излечения от нее он отправился в Тиану. Пока он жил в Тиане, некто Юлиан, товарищ и приятель Григория по школе, получил от начальства повеление произвести народную перепись. Узнав об этом, Григорий, при всей своей болезни, в непродолжительном времени написал Юлиану из Тианы одно за другим три письма. В каждом из этих писем он просил и убеждал Юлиана быть человеколюбивым при обложении налогами жителей Назианза и особенно убеждал освободить от переписи нищих, клириков и монахов. Как скоро Григорий возвратился из Тианы, многие настоятельно просили у него Слова, как долга, и притом обещали полное покорение его наставлениям, почему он сказал Слово о возможном для всех благоугождении Богу различными добродетелями и в этом Слове не раз обращался к Юлиану, вновь прося его освободить от податей нищих, клириков и монахов⁹⁸. Как долго лечился св. Григорий в Тиане, неизвестно. Но во все это время епископы, которых просил Григорий об избрании преемника его отцу, вовсе не думали об исполнении его просьбы. Это его крайне огорчило, и он, нимало не дожидаясь посвящения нового епископа, тайно ушел из Назианза в Селевкию, в монастырь св. Феклы, и провел здесь около четырех лет. Вскоре по удалении в Селевкию св. Григорий получил здесь известие об изгнании Григория Нисского из его епархии арианами; здесь же услышал чрез несколько времени и о смерти Василия Великого⁹⁹. Эти известия и собственная болезнь исполнили его сердце столь глубокой скорбью, что он и сам ждал себе смерти как единственного утешения. Это видно из письма его к ритору Евдок-

⁹⁴ См.: *Свт. Григорий Богослов*. Письмо 50. К Василию Великому // Там же. С. 450.

⁹⁵ Ср.: *Свт. Григорий Богослов*. Стихотворение, в котором святой Григорий пересказывает жизнь свою // Там же. С. 206.

⁹⁶ *Свт. Григорий Богослов*. Слова 16 и 17 // Там же. Т. 1. С. 208–222.

⁹⁷ См.: *Свт. Григорий Богослов*. Слова 16 и 17 // *Свт. Григорий Богослов*. Творения. Т. 1. С. 206.

⁹⁸ См.: *Свт. Григорий Богослов*. Слово 19 // Там же. С. 246–253.

⁹⁹ Это произошло в 379 г.

сию; здесь между прочим читаем: «Наши дела крайне горьки. Не стало у меня Василия, не стало и Кесария, не стало и духовного, и плотского брата; отец и мать оставили меня. Телом я болен, старость над головой, забот скопилось куча, дела задавили, в друзьях нет верности, церкви без пастырей, доброе гибнет, злое наружи; надо плыть ночью, нигде не светят путевые указательные огни. Христос спит. Что мне надобно претерпеть? Одно для меня избавление от зол – смерть, но и тамошнее страшно, если гадать по здешнему»¹⁰⁰.

Глава IV

Состояние церкви Константинопольской. – Восстановление в ней Православия Григорием. – Терпеливое перенесение им оскорблений со стороны ариан. – Коварство Максима Циника. – Напрасная попытка Григория оставить Константинополь. – Прибытие сюда императора Феодосия и отнятие у ариан главного храма. – Покушение на жизнь Григория. – Утверждение его в звании архиепископа Константинопольского. – Взгляд его на церковное имущество, растраченное арианами. – Голос Григория в пользу Павлина Антиохийского. – Отречение от Константинопольской кафедры. – Прощальное слово. – Свидетельство Григория о своей деятельности и образе жизни в Константинополе

К концу четырехлетней жизни Григория в селевкийском монастыре его посетили несколько константинопольских христиан и многие из епископов. Те и другие убедительно просили Григория явиться в Константинополь для защиты Православия. Нельзя было не тронуться жалким положением христиан константинопольских. В новой столице империи сорок лет господствовало арианство (со времен Македония). Сюда стекались сокровища торговли, здесь поселялись люди ученые, здесь начинало образовываться законодательство вкуса и мнений для всего Востока, поэтому утвердившиеся в Константинополе ариане имели очень много средств к распространению своего лжеучения и в отдаленных окрестностях, тем более что здесь были самые искусные в диалектике арианские софисты. Кроме того, в столице было много и македониан, и новациан, и аполлинаристов, православных же так мало, что все они могли поместиться в одном частном доме, который был их молельней. Борьба с арианскими софистами не могла казаться затруднительной для Григория. Впрочем, Григорий сам сознается, что, несмотря на знаменательные сновидения, не по доброй воле, но насильно увлеченный другими¹⁰¹, решился он идти в шумную столицу для защиты учения о Святой Троице.

По прибытии в Константинополь (в 379 году) Григорий поселился у своих родственников, вероятно Никобула и Алипианы. Их благочестивый, боголюбивый и на все щедрый дом был для него, по его словам, тем же, чем дом сонмיתянки для Елисея (см. 4 Цар. 4)¹⁰². Здесь-то сначала в простых беседах раскрывал Григорий православным учение о Святой Троице, разрешал ходячие возражения ариан и предостерегал православных от бесполезных споров с еретиками на площадях и рынках. Вскоре число посетителей стало более и более увеличиваться; тогда Григорий обратил дом своих родственников в церковь, назвал ее Ана-

¹⁰⁰ Свт. Григорий Богослов. Письмо 80. К Евдоксию ритору // Свт. Григорий Богослов. Творения. Т. 2. С. 470.

¹⁰¹ См.: Свт. Григорий Богослов. Стихотворение, в котором святой Григорий пересказывает жизнь свою // Свт. Григорий Богослов. Творения. Т. 2. С. 208.

¹⁰² См.: Свт. Григорий Богослов. Слово 26 // Там же. Т. 1. С. 325.

стасией¹⁰³ и уже с церковной кафедры стал опровергать еретическое учение. Скоро узнали обо всем этом и ариане и тщательно начали наблюдать за его словами и образом жизни. После тайных насмешек над Григорием решились на открытое гонение, возмущали против него народ и побуждали чернь к своевольной расправе. Демофил, арианский епископ, и подчиненные ему священники внушали простонародью, что Григорий – учитель многобожия, и город пришел в сильное волнение; нашлись даже люди, которые из угождения Демофилу не убоялись бросать камнями в Григория, когда видели его проходящим по улице. Потом они повлекли Григория, как убийцу, к таким правителям города, у которых был один закон – домогаться народной к себе благосклонности. Но как-то неизвестным образом Христос (по словам Григория) помог защитительному слову подсудимого и даже прославил его на суде пристрастных судей¹⁰⁴.

Испытав неожиданное содействие Божие, Григорий с твердостью продолжал начатое дело, тем более что люди, дорожившие истинной верой, показывали всевозможные признаки совершенного внимания к его поучениям. В тесном храме Анастасии народ волнами устремлялся к решетке, которая была самым ближайшим местом к кафедре проповедника. Скорописцы со всем усердием спешили записать все, что вылетало из уст Григория. Все это, говорил сам Григорий, достаточно убеждало его в том, что православные имели к нему такое же влечение, какое имеет железо к магниту, и подкрепляло надежду на благодатное содействие успеху проповедания. Слава о подвигах Григория, о его борьбе с еретиками далеко распространилась и за пределы Константинополя. Блаженный Иероним из пустыни сирийской спешил в Константинополь единственно для того, чтобы послушать защитника Православия. Святой Петр, архиепископ Александрийский, заслуживший славу исповедника, прислал Григорию письмо, которое могло служить также немалым для него ободрением. При этом хотя и повторялись нападения и оскорбления со стороны еретиков, но терпеливое перенесение их еще более умножало расположение к защитнику Православия. Так, однажды Григорий вынужден был прекратить тайнодействие¹⁰⁵, потому что в храм ворвались арианские монахи и нищие и начали метать в Григория камнями в то самое время, когда он совершал Таинство. В силу изданного около сего времени указа императора Феодосия¹⁰⁶ можно было с твердой надеждой искать правосудия против еретического самоволия, но, несмотря на это, святитель почитал лучшим отклонять от себя столь буйные нападения еретиков подвигами великодушия. Правда, что такое миролюбивое обращение с еретиками подвергалось нареканию епископов, но только тех, которые незнакомы были с ходом дел в столице арианства. Для вразумления таких Григорий писал: «Случившееся бедственно и верх бедствий... но, конечно, лучше быть великодушным и показать пример великодушия, ибо простой народ не столько убеждается словом, сколько делом – этим безмолвным увещанием. Важным почитаю наказать тех, которые нас обидели, потому что это полезно к исправлению других; но гораздо выше и божественнее сего терпеливо перенести обиду. Первое заграждает уста пороку, а второе убеждает стать добрыми, а это гораздо лучше и совершеннее, чем не быть только злыми»¹⁰⁷. И действительно, в этом же письме Григорий говорит, что оскорбители его уже возымели в нем нужду и уже достаточно приведены в чувство. В это

¹⁰³ «Анастасия» в переводе с греческого означает «воскресение». – *Ред.*

¹⁰⁴ См.: *Свт. Григорий Богослов. Стихотворение, в котором святой Григорий пересказывает жизнь свою // Свт. Григорий Богослов. Творения. Т. 2. С. 209.*

¹⁰⁵ См.: *Свт. Григорий Богослов. Письмо 77. К Феодору, епископу Тианскому // Там же. С. 466.*

¹⁰⁶ Феодосий I (около 346–395) – римский император с 379 г. – *Ред.*

¹⁰⁷ *Свт. Григорий Богослов. Письмо 77. К Феодору, епископу Тианскому // Свт. Григорий Богослов. Творения. Т. 2. С. 466.*

же время произнесены и те пять Слов о богословии, за которые Церковь почтила Григория именем Богослова¹⁰⁸.

При виде столь великого влияния проповедей Григория на жителей Константинополя большая часть православных желали предоставить Григорию архиепископскую кафедру. Но в числе приближенных Григория был один самый негодный человек¹⁰⁹, из самых хитрых честолюбцев. Он жил со св. Григорием под одной кровлей, вкушал с ним пищу за одной трапезой, разделял его мнения и предположения и хотя изгнан был из своего отечества за срамные дела, но уверял, что терпел сие ради Бога. Григорий, обманутый видом строгого благочестия и белой одеждой цинической школы, почтил этого чужестранца даже похвальным Словом¹¹⁰ и отдавал ему первенство в почестях и в сопрестоллии пресвитеров¹¹¹. Между тем этот циник нашел себе приверженцев в клире константинопольском, подкупил семь пришельцев из Египта и некоторых епископов; последние решились тайно посвятить его в епископа Константинопольского, не испросив на то ни у кого никакого согласия. Из храма, где начато было исполнение богопротивного замысла, вскоре эта толпа нечестивцев была выгнана не только православными клириками, но и людьми сомнительной веры, а потому посвящение было dokonчено уже в доме какого-то свирельщика. Весь город скорбел об этом происшествии, все были смущены наглой дерзостью Максима, но были и такие люди, которые готовы были поставить в вину Григорию его непредусмотрительность и из этого случая заключать вообще о его неспособности отличать добрых людей от порочных¹¹². Кроме

¹⁰⁸ Во многих своих беседах св. Григорий излагал догматическое учение и опровергал заблуждения современных ему еретиков, но с древних времен особенной славой пользовались сии пять его Слов о богословии против евномиян и духовборцев (см.: *Свт. Григорий Богослов. Слова 27–31 // Свт. Григорий Богослов. Творения. Т. 1. С. 327–391*). В них с возможной простотой и ясностью определяются свойства христианского богословия и излагается учение о Святой Троице с опровержением благовиднейших возражений против сего учения. В то время как св. Григорий восстанавливал Православие в Константинополе, [известный еретик-арианин] Евномий жил в предместье Константинополя, Халкидоне, и привлекал к себе великое число посетителей. Последователи его, по словам Григория Богослова, пользовались всяким случаем для распространения своего лжеучения; всякая площадь оглашалась их речами, на всяком пиршестве наводили скуку, при всяком сетовании искали утешения в предложении богословских вопросов и во всяком женском тереме нарушали спокойствие посещенностью в слове. При встречах с ними и православные стыдились уклоняться от рассуждения о предметах веры. При этом случалось, что многие слишком поспешно называли друг друга и святыми, и безбожниками, и раскольниками, и еретиками (см.: *Свт. Григорий Богослов. Слово 27 // Свт. Григорий Богослов. Творения. Т. 1. С. 331*). А потому св. Григорий в первом Слове о богословии прежде всего восстает против страсти к спорам, жалуется на то, что все и сами хотят быть богословами, и в других не больше как в один день вдохнуть богословскую ученость. После этих обличений св. Григорий предлагает и правила, когда и с кем можно вступать в собеседование о Боге. Кто читал внимательно четыре Слова св. Афанасия против ариан, а также книгу Василия Великого о Святом Духе и его же пять книг против Евномия, конечно, согласится, что в сих Словах Григория нового или, как говорят, оригинального сказано слишком мало. Здесь решаются обычные арианские возражения, и решаются большей частью так же, как решали св. Афанасий и Василий Великий. Таким образом, весьма несправедливы те писатели, которые утверждают, что св. Григорий Богослов оригинален в каждом слове и в каждой строке. Если эту оригинальность прилагают только к изложению и расположению мыслей, то с этим нужно согласиться. Все Слова Григория носят в себе ясные следы такой строгой отделки в языке и в расположении, какой нельзя найти ни у Василия Великого в книгах против Евномия, ни у св. Афанасия; но содержание всех этих сочинений, за исключением «Слова о богословии», и даже раскрытие сего содержания представляют много сходного. Этого надлежало ожидать и потому, между прочим, что книги Василия против Евномия и о Святом Духе св. Григорий читал еще до отправления в Константинополь. Так говорим потому, что в похвальном Слове Василию, говоренном тотчас по возвращении из Константинополя, Григорий Богослов обо всех сочинениях Василия отзывается как о весьма известных ему творениях, и притом таких, которые и для него, при размышлении о предметах веры, служили руководством и пособием. Но само собой разумеется, что отрицать оригинальность Григория Богослова, приписываемую ему неосмотрительными панегиристами, вовсе не значит посягать на значение его как вселенского учителя. В деле веры, в догматическом учении все отцы Церкви заботились не об оригинальности, а о соблюдении и уяснении точного апостольского учения, преемственно передаваемого от одних другим.

¹⁰⁹ См.: *Свт. Григорий Богослов. Стихотворение, в котором святой Григорий пересказывает жизнь свою // Свт. Григорий Богослов. Творения. Т. 2. С. 211*.

¹¹⁰ *Свт. Григорий Богослов. Слово 25 // Там же. Т. 1. С. 304–316*.

¹¹¹ См.: *Свт. Григорий Богослов. Стихотворение, в котором святой Григорий пересказывает жизнь свою // Там же. Т. 2. С. 212*.

¹¹² См.: *Свт. Григорий Богослов. Стихотворение, в котором святой Григорий пересказывает жизнь свою // Свт. Григорий Богослов. Творения. Т. 2. С. 212*.

сего, Григорий узнал, что враги его, ариане, почитали происшедшее разделение низложением самого учения, и он немедленно решился возвратиться в свое уединение. Но друзья Григория, внимательные к состоянию его духа, вскоре заметили в нем желание тайно оставить Константинополь. Чтобы воспрепятствовать исполнению сего намерения, они составили около него неприметную стражу, охраняя все его движения, выходы и возвращения. Что опасение их было основательно, в этом вскоре уверили события. В последней беседе от скорби отеческого сердца он произнес такие прощальные выражения: «Блюдите Всецелую Троицу, как предал вам, возлюбленным чадам, самый щедрый отец, помните, любезнейшие, и мои труды»¹¹³. Легко было понять, к чему клонится речь, и слушатели, как рой пчел, выгнанный дымом из улья, вдруг поднялись и оглушили криком место собрания, все закипели гневом на врагов Православия и любовью к пастырю и, чтобы достигнуть желаемого, прибегли к сильным заклинаниям и молениям; они стали просить Григория не о принятии на себя бремени пастыреначальничества, но о том, чтобы он только остался у них, помогал им и не предавал паствы на расхищение волкам.

Такое выражение приверженности сделало Григория безгласным. Он почувствовал в себе какое-то омрачение, не в состоянии был ни остановить шума, ни обещать того, о чем просили; но и в своем продолжении зрелище становилось еще умильнее. Женщины в страхе напрягали голос, дети плакали, всякий клялся, что не отступится от своих домогательств, хотя бы храм сделался для него прекрасным гробом, не отступится до тех пор, пока не исторгнет у любимого учителя веры одного желанного слова. Нашелся один человек, который умел подействовать на Григория одной сильной фразой, именно, он сказал ему: «Ты вместе с собой изводишь и Троицу». После сего Григорий Богослов дал слово остаться в Константинополе, но только на время, пока не придут некоторые ожидаемые епископы. Это успокоило народ; после сего все, хотя с трудом, разошлись по домам¹¹⁴.

Дав слово остаться в Константинополе, св. Григорий продолжал по-прежнему своими беседами утверждать в вере почитателей Троицы. «Приявшие на себя узы догматов, – говорит сам святитель, – когда увидели, чему я подвергся, возлюбили меня еще крепче. Одних приводила ко мне проповедуемая Троица, а в иных было уважение к моим словам; другие же притекали ко мне как к терпеливому подвижнику. Иным приятно было видеть меня как дело собственных рук. Но и из разнородных еретиков трудно было отыскать столь упорного, который бы не склонял слуха к моим словам. Одних пленяла сила учения, других делал кроткими образ выражения. Без вражды, не столько с укором, сколько с сдоболием вел я речь, сетовал, а не поражал и не превозносился, как другие, скоротечным и непостоянным временем»¹¹⁵.

Между тем обстоятельства, по-видимому, благоприятствовали исполнению народного желания видеть Григория архиепископом Константинопольским не на краткое только время, но на всю его жизнь. 24 ноября 380 года прибыл сюда сам император Феодосий и обещал немедленно передать православным главный константинопольский храм, а Григорию при первом свидании показал такую почтительность и так благосклонно говорил с ним, что последний ощутил трепетание удовольствия. Это тем замечательнее, что он не дорожил почтительными приемами самодержца. «Слишком было бы стыдно, – писал он впоследствии, – если бы подумали, что такие вещи дорого ценю и я...»¹¹⁶

рий Богослов. Творения. Т. 2. С. 214.

¹¹³ Там же. С. 216.

¹¹⁴ См.: Там же. С. 217.

¹¹⁵ Ср.: Там же.

¹¹⁶ Там же. С. 221.

Обещание государя казалось невероятным. Ариане всеми силами готовились удержать за собой великолепный храм, но в назначенное время действительно последовало исполнение. В то же время, пока еще у всех живо было радостное впечатление, произведенное славословием Бога в великолепном храме, все обратились с просьбой к государю о назначении архиепископом Константинопольским Григория – как восстановителя Православия. Таково было требование и чиновных, и простолюдинов. О сем вопияли и женщины, почти забыв, чего требует от них благоприличие. Все оглашалось какими-то невероятными раскатами грома. Но Григорий очень далек был от мысли воспользоваться подобными обстоятельствами для утверждения за собой кафедры. У него от смущения и страха не стало силы в голосе, он велел встать одному из пресвитеров и его устами проговорил следующие речи: «Удержите ваши крики, теперь время благодарению, после займемся и делами»¹¹⁷. Таким образом, через эти немногие слова еще на несколько дней он искусно уклонился от нежелательной им архиепископской кафедры.

После этого торжества православных еретики, по выражению Григория, прекратили свои грозные рыкания на него, но тайные злоумышления против него все еще не прекращались. Так, однажды, когда Григорий был болен и оставался дома, между несколькими простолюдинами пришел к нему бледный молодой человек, с всклоченными волосами, в печальной одежде, припал к ногам Григория, плакал, рыдал, ломал себе руки, но на все вопросы не мог отвечать ни одного слова. Только от других Григорий узнал, что этот человек, мучимый совестью, приходил просить себе прощения за преднамеренное посягательство на его жизнь. Тронутый ясными признаками раскаяния, Григорий со своей стороны только посоветовал своему врагу благодарить Бога за предохранение от кровопролития. Чем и как остановлен был этот молодой человек в своем злобном намерении лишить Григория жизни, неизвестно. Только это событие вскоре разнеслось по городу стоустой молвой и убедило всех, что Григорий находится под особенным Божиим покровом.

Вскоре после сего, по желанию народа, Григорий назначен был архиепископом Константинопольским самим императором. И теперь сопротивление его сему назначению было столь сильно¹¹⁸, что до крайности огорчало некоторых даже из самых ревностных его почитателей. Впрочем, хотя и против воли назначен был архиепископом, Григорий всей душой предался заботам епархиального управления. «...Я заботился, – говорит он сам, – о нищих и монахах, о девах, служащих при храме, о странниках, о прохожих, об узниках, о псалмопевениях, о всенощных бдениях, о мужах и женах... и обо всем, что веселит Самого Бога, когда совершается благочинно»¹¹⁹.

Противники Григория распустили было слух, что у нового архиепископа неостанет народа для наполнения одних притворов дарованного храма, но при частом проповедании слова Божия Григорий имел утешение видеть полным народ не один только константинопольский храм, но даже несколько храмов. Только распоряжение касательно церковного имущества не нравилось большей части клира и народа, но Григорий уверяет, что при этом имел в виду возвысить святую веру и ее таинства. Вот в чем состояло это распоряжение. Главный храм константинопольский, полученный в управление от ариан, прежде был извештен огромными богатствами и многими драгоценностями; но Григорий, по занятии архиепископского престола, не нашел никакого отчета в этом ни в записях прежних предстоятелей, ни у экономов. При этом иные не только советовали, но и принуждали произвести проверку церковных доходов и имущества, но святитель не стал входить в разыскание, глав-

¹¹⁷ См.: *Свт. Григорий Богослов*. Стихотворение, в котором святой Григорий пересказывает жизнь свою // *Свт. Григорий Богослов*. Творения. Т. 2. С. 222.

¹¹⁸ См.: *Свт. Григорий Богослов*. Слово 26 // Там же. Т. 1. С. 324.

¹¹⁹ *Свт. Григорий Богослов*. Стихотворение, в котором святой Григорий пересказывает жизнь свою // Там же. Т. 2. С. 225.

ным образом из опасения, чтобы не послужило это к оскорблению таинства. А для отражения порицаний за этот поступок Григорий писал: «Кто выше пристрастия к богатству, тот весьма одобрит меня за это. Если же во всяком случае худа ненасытность, то еще хуже быть ненасытным духовному. Если бы все так рассуждали о деньгах, то никогда не было бы такого беспорядка в Церквах»¹²⁰.

Между тем враги Григория не преминули распространить молву, будто он домогался Константинопольского престола, и довести ее до слуха Григориева. Для обличения их св. Григорий в присутствии царя произнес Слово, в котором неопровержимо доказал неверность распространенных толков¹²¹.

В 381 году состоялся в Константинополе Второй Вселенский Собор под председательством Мелетия, Антиохийского архиепископа. Отцы Собора утвердили за Григорием кафедру, предоставленную ему народом и императором. Это утверждение подействовало весьма успокоительно на Григория и даже немало его обрадовало. «...В мечтаниях суетного сердца, – говорил он после, – предполагал я, что, как скоро приобрету могущество этого престола... тотчас приведу в согласие... отделившихся друг от друга»¹²². Сколь ни естественна подобная надежда при самом глубоком смирении, но она не оправдалась, как бы для уверения его в том, что и малейшая самонадеянность неуместна Богу; Григорий вскоре усмотрел, что и в таком святом деле, как соборные совещания епископов, трудно примирить разногласящих. Смерть Мелетия породила чрезвычайные споры о том, кому быть его преемником, тогда как этот вопрос не требовал и совещаний, потому что у Мелетия был достойный его совместник, Павлин, только потому не пользовавшийся уважением восточных епископов, что был избран на Антиохийский престол западными епископами. После многих совещаний по поводу этого вопроса Григорий с твердостью человека, убежденного в истине, сказал отцам Собора: «Мне кажется, друзья, что не все вы равно постигаете дело. Пока находился в живых Мелетий, извинительно еще было несколько и оскорбить западных епископов. Теперь же примите мое предложение – благоразумное, превышающее мудрость юных. Престол пусть будет предоставлен во власть тому, кто владеет им, то есть Павлину. Это будет единственным прекращением неурядиц. Пусть западные победят нас в малом, чтобы самим нам одержать важнейшую победу – быть спасенными для Бога и спасти мир». Так говорил Григорий, но прочие епископы кричали каждый свое; по словам Григория, «это было то же, что стадо галок, собравшееся в одну кучу; буйная толпа молодых людей, общая рабочая, вихрь, клубом поднимающий пыль, и бушевание ветров. Вступать в совещание с такими людьми не пожелал бы никто из имеющих страх Божий и уважение к епископскому престолу. Они походили на ос, которые мечутся туда и сюда и вдруг всякому бросаются прямо в лицо»¹²³. «Немного спустя прибыли еще на собор епископы египетские и македонские. Те и другие сошлись между собой, как веверицы, острия друг на друга свирепые зубы и искошая огненные очи»¹²⁴. Они сочли самое утверждение Григория на Константинопольском престоле несообразным с законами, так как он рукоположен в епископа Сасимского. Как скоро намекнули на это, Григорий с радостью ухватился за предлог к оставлению кафедры и, здесь-то высказав общеизвестное сравнение себя с пророком Ионой, добровольно и решительно отказался от престола. Тотчас же после того он отправился к императору и просил дозволения навсегда оставить Константинополь, чтобы не быть предметом зависти других

¹²⁰ Ср.: Там же. С. 224.

¹²¹ *Свт. Григорий Богослов. Слово 36 // Там же. Т. 1. С. 425–431.*

¹²² *Свт. Григорий Богослов. Стихотворение, в котором святой Григорий пересказывает жизнь свою // Свт. Григорий Богослов. Творения. Т. 2. С. 225.*

¹²³ *Свт. Григорий Богослов. Слово 36 // Там же. Т. 1. С. 425–431.*

¹²⁴ Ср.: *Свт. Григорий Богослов. Стихотворение, в котором святой Григорий пересказывает жизнь свою // Там же. Т. 2. С. 231.*

епископов. Царь в присутствии некоторых сановников с рукоплесканием выслушал последнюю речь Григория, однако же с трудом согласился на его просьбу. Еще труднее было убедить народ, чтобы приняли это равнодушно¹²⁵.

И прежде много было пролито слез о Григории, много высказано было громких восклицаний, жалоб, заклинаний, когда он, по случаю противоречий об Антиохийской кафедре, перестал являться на соборные совещания и объявил желание вести жизнь пустынную¹²⁶; и тогда еще многие говорили: «Уважь труды свои, какими изнурял себя, и останок дыхания своего отдай нам и Богу. Пусть этот храм препроводит тебя из сей жизни». Теперь же еще более можно было ожидать слез, просьб и заклинаний; это потому, что, когда Собор изъявил беспрекословное согласие на увольнение его из Константинополя, многие из епископов, как скоро узнали о решении Собора, потекли вон, как стрелы молнии, затыкали себе уши, всплескивали руками и не хотели даже и видеть, чтобы другой возведен был на престол Константинопольский. При таких обстоятельствах нужно было употреблять ласки, похвалы и рукоплескания людям злонамеренным, чтобы народ не питал к ним гнева, и Григорий дозволил себе то из опасения народного возмущения¹²⁷. Для большего же утешения своих чад по вере св. Григорий в присутствии ста пятидесяти епископов сказал самую трогательную прощальную беседу к константинопольской пастве¹²⁸. В этой беседе он предавал свое дело суду архипастырей, указал, сколько дозволяло смирение, на свои труды для блага Церкви, на слабость своих телесных сил, которые требовали успокоения, объяснил необходимость тех своих действий, которые подвергались пересудам, и повторил сущность проповеданного им здесь учения; в заключение просил отпустить его с молитвами, а на его место избрать такого, который был бы из числа возбуждающих зависть, а не сожаление, из числа не всякому во всем уступающих, но умеющих в ином случае и воспротивиться для большего блага. После этой беседы он вскоре удалился из Константинополя.

И в стихотворении о своей жизни и в некоторых Словах, говоренных в Константинополе, Григорий имел случай довольно яркими чертами изобразить образ своей двухлетней жизни в Константинополе. Чтобы вернее можно было судить об обстоятельствах, благоприятствовавших восстановлению Православия в столице арианства, для сего здесь не только уместно, но и необходимо сделать извлечения из сих сочинений. Вот что сам Григорий говорит о том, что он сделал для Константинополя и какие употреблял для сего средства. «Некогда паства сия была мала и несовершенна, без порядка, без надзора, без точных пределов... Но теперь, кто бы ни был ценителем слов моих, виждь Собор, пресвитеров, украшенных сединой и мудростью, благочиние диаконов, недалеких от того же духа, скромность чтецов, любовь к учению в народе. Посмотри на мужей и жен – все равночестны в добродетели; и из мужей посмотри на любомудрых и простых – все умудрены в божественном; начальников и подчиненных, здесь все прекрасно управляются; на воинов и на благородных, на ученых и любителей учености; все воинствуют для Бога, все в подлинном смысле учены, все служители истинного слова. Иные из них – дело моих слов, порождение и плод моего духа, и я очень уверен, что сие засвидетельствуют признательные из вас или что даже все вы засвидетельствуете это. Смотрите: языки противников стали кротки и вооружившиеся против Божества безмолвствуют предо мною. И это плоды Духа, и это плоды моего делания. Ибо учу не как неученый, не поражаю противников укоризнами, но воинствование свое за Христа доказываю тем, что сражаюсь, подражая Христу, Который смирен и кроток»¹²⁹. «...Был у меня и

¹²⁵ См.: Там же. С. 233.

¹²⁶ См.: Там же. С. 231.

¹²⁷ См.: Там же. С. 233.

¹²⁸ *Свт. Григорий Богослов. Слово 42 // Там же. Т. 1. С. 496–509.*

¹²⁹ Ср.: *Свт. Григорий Богослов. Слово 42 // Свт. Григорий Богослов. Творения. Т. 1. С. 501.*

другой... закон обучения, именно же следующий: не признавать единственным путем к благочестию этого легко приобретаемого и зловредного метания языком, не метать таинственных учений без всякой пощады на зрелищах, на пирах, во время упоения, среди смеха, когда сердце разнежено песнями... но доказывать благочестие более всего исполнением заповедей, тем, чтобы питать нищих, принимать странных, ходить за больными, постоянно проводить время в псалмопениях, молитвах, воздыханиях, слезах, возлежаниях на голой земле, в обуздании чрева, в умерщвлении чувств...»¹³⁰

Когда император Феодосии жил в Константинополе, «все тогда кланялись гордыне сановников, особенно тех, которые имели силу при дворе и неспособны были ни к чему другому, как только собирать деньги; трудно и сказать, с каким усердием и с какими происками припадали тогда к самым вратам царевым, друг друга обвиняли, перетолковывали, употребляли во зло даже благочестие... Один я признавал для себя лучшим, чтобы меня любили, а не преследовали ненавистью. Я хотел снискать себе уважение тем, что меня редко видели, большую часть времени посвящал Богу и очищению, а двери сильных земли предоставлял другим»¹³¹. «Кланялся ли я, изгибался ли, припадал ли к его [императора] деснице? Вымолвил ли пред ним какое просительное слово? Засылал ли ходатаем кого другого из друзей, наиболее сильных при дворе и особенно ко мне расположенных?»¹³² «Скорее можно обвинить нас в грубости и незнании светских приличий, нежели в ласкательстве и раболепстве; даже и к тем, которые весьма к нам привержены, оказываемся иногда суровыми, как скоро они поступают в чем-нибудь, по нашему мнению, незаконно»¹³³. Действительно, «я не говорлив, не забавен, не могу понравиться тем, с которыми бываю вместе, не посещаю народных собраний, не умею повести разговоров и перекинуть слово с кем случится и как случится, так что и речи мои несносны... не хожу из дома в дом ласкательством насыщать чрево, но больше сижу у себя дома угрюмый и печальный, в безмолвии занимаюсь самим собой»¹³⁴; «не тщеславлюсь грузом стола и приправами для бесчувственного чрева, веду себя по старине и по-философски, не запасаясь на завтрашний день и посему мало чем отличаюсь от зверей, у которых нет ни сосудов, ни запасов»¹³⁵; «нет у меня ни богатого стола, ни соответственной сану одежды, ни торжественных выходов, ни величавости в обхождении... Не знал я, что мне надобно ездить на отличных конях, блистательно выситься на колеснице, что и мне должны быть встречи, приемы с подобострастием, что все должны давать мне дорогу и расступаться передо мной, как перед диким зверем, как скоро даже издали увидят идущего»¹³⁶. Вот образ жизни св. Григория в Константинополе; из этих его замечаний, сравнив их с обстоятельствами, легко можно понять, что сильное влияние архипастырей на народ и даже усердие к посещению храмов очень мало зависят от важности и грозной величавости епископов или поражающей обрядности и соединенного с театральностью великолепия при богослужении, о чем особенно заботятся пастыри Римской церкви. Напротив, по мнению Григория Богослова, эти условия больше и чаще бывают нужны только тогда, когда пастырю недостает духа истинного благочестия.

¹³⁰ *Свт. Григорий Богослов. Стихотворение, в котором святой Григорий пересказывает жизнь свою* // Там же. Т. 2. С. 219.

¹³¹ Там же. С. 223

¹³² Там же. С. 232.

¹³³ *Свт. Григорий Богослов. Слово 36* // Там же. Т. 1. С. 426.

¹³⁴ *Свт. Григорий Богослов. Слово 33* // Там же. С. 410.

¹³⁵ Там же.

¹³⁶ *Свт. Григорий Богослов. Слово 42* // *Свт. Григорий Богослов. Творения*. Т. 1. С. 507.

Глава V

Причины удаления Григория из Константинополя. Грусть его о Константинопольской и Назианзской церквях. – Борьба с аполлинаристами. – Огорчения от Елладия Кесарийского. – Объяснение причин, почему не принял приглашения явиться на Собор. – Ходатайственные письма его об умирении дел церковных. – Образ жизни его в Арианзе. – Безмолвие его во время Четырдесятницы и причины сего обета. – Оскорбление от родственника Валентиниана и письмо к нему. – Молитва о смерти. – Внешние черты его лица

Одна из главных причин, по которой Григорий сложил с себя управление Константинопольской церковью, была слабость здоровья. Так, он, еще до прибытия императора в Константинополь, по болезни на несколько времени удалялся отсюда в какое-то селение, лежавшее на берегу моря, и здесь занимался благочестивыми размышлениями, особенно о суете жизни, которые в то же время или после изложил стихотворным языком. Когда единомышленники Максима приступили к посвящению его, Григорий так был болен, что не мог ходить. В таком же положении был он и тогда, когда злоумышлявший на жизнь его пришел к нему с раскаянием в своем ужасном предприятии; и в это время он едва мог свесить ногу со своей постели, на которой лежал, не имея сил переходить с одного места на другое, и, по собственным его словам, не занимался делами; а это и подавало повод завистникам Григория говорить, что он в уединении предается неге¹³⁷. Поэтому и в прощальном Слове он смело указывал пред епископами и пред знавшим его народом на ослабление телесных сил. «Успокойте меня, – говорит он, – от долговременных трудов, уважьте мою седину. Видите, в каком состоянии у меня тело, истощенное временем, болезнью и трудами. На что вам нужен старик робкий, ослабевший, умирающий, так сказать, ежедневно не телом только, но и заботами, – старик, который и это с трудом выговаривать может»¹³⁸. Таким образом, и болезнь достаточно могла оправдывать удаление Григория из Константинополя, но, кроме сего, тем, которые смотрели на сие удаление с подозрением, святитель в свое оправдание указывал и другие причины. «Не слегка и не кое-как, – писал он какому-то Филагрию, – но с большим тщанием рассмотрев обстоятельства, приступил я к решению дела. Утомился я в борьбе с завистливыми епископами, которые нарушают общее единомыслие и дело веры ставят ниже частных распрей. Ты пишешь, что опасно оставлять церковь. Но какую? Если свою, то и я подтверждаю то же; если же церковь, не мне принадлежащую и не мне назначенную, то не подлежу ответственности. Но, может быть, надобно было держаться мне церкви, потому что несколько времени имел я о ней попечение? Правда, в настоящем случае труд достоин награды, но и отказ не подлежит ответственности, тем более что меня возвратили труд и болезнь»¹³⁹.

Убежденный, таким образом, в невинности своего отказа, Григорий с радостью оставлял Константинополь. «Одного ищущего себе, – писал он, – обитать вдали от злых, где мог бы единым умом искать Бога, где питала бы мою старость утешительная надежда горних благ, где избежал бы зависти и бури»¹⁴⁰.

¹³⁷ См.: *Свт. Григорий Богослов*. Стихотворение, в котором святой Григорий пересказывает жизнь свою // Там же. Т. 2. С. 224.

¹³⁸ Ср.: *Свт. Григорий Богослов*. Слово 42 // Там же. Т. 1. С. 505.

¹³⁹ Ср.: *Свт. Григорий Богослов*. Письмо 87. К Филагрию // Там же. Т. 2. С. 473.

¹⁴⁰ Ср.: *Свт. Григорий Богослов*. Стихотворение, в котором святой Григорий пересказывает жизнь свою // *Свт. Григорий Богослов*. Творения. Т. 2. С. 233.

Успокоительна и отрадна была эта надежда, но внимательный читатель творений Григория легко заметит, что и эти утешительные минуты упования не свободны были от прилива грусти. Григорий сам говорит, что по временам все еще проявлялось в нем чувство скорби о сиротеющих духовных детях, и не знал, что будет с народом¹⁴¹. Он задавал себе и такие вопросы: «Как поступила со мной зависть? За что разлучила со священными чадами меня, который подвизался долгое время, озаряя их небесными учениями, и из камня источал им поток? Какое в этом правосудие? Мой был труд, я подвергался опасности, в первый раз напечатлевая в городе благочестие, а теперь другой веселит сердце свое моими трудами, неожиданно вступив на чужой престол, на который я был возведен Богом и добрыми Божиими служителями»¹⁴².

Из Константинополя Григорий счел нужным отправиться прежде всего в Кесарию и здесь почтил похвальным Словом своего умершего друга. Но и по возвращении в отечество Григория не оставляли скорбные мысли и чувства. Церковь Назианзскую уже нельзя было сравнивать с ковчегом Ноевым, спасшимся от потопления в водах еретического учения, как было при отце его; это был народ, страдавший от безначалия подобно кораблю, который, среди глубины лишившись кормчего, обуреваемый волнами. Особенно аполлинаристы немилосердно рвали и расхищали доброе стадо. «А я, хотя принял жезл другого стада, — писал по сему случаю св. Григорий, — однако же болезную, видя уничтожение отеческих трудов»¹⁴³. Григорий желал и употреблял все возможные меры к тому, чтобы в епископа Назианзского был рукоположен пресвитер Евлалий, человек, по его словам, совершенно способный противостать дыханию бури; но многие из назианзян усиленно сему противодействовали. Поэтому, пока соседние епископы медлили рукоположением епископа в Назианз, Григорий и сам имел попечение о пастве отеческой, и хотя жил не в Назианзе, а в Арианзе, но, смотря по известиям, какие получал от пресвитера Кледония, он указывал те или другие меры к прекращению смут церковных. Особенно важными в сем отношении должно признать два послания его к Кледонию, которые значительно могли облегчить борьбу с аполлинаристами. Вскоре Григорий написал и несколько стихотворений, заключавших также опровержение заблуждений аполлинаристов. Эти стихотворения не могли не ослабить уважения к псалтири и стихам, которые написаны были аполлинаристами и почитались у них третьим заветом¹⁴⁴.

В то время, когда Григорий лечился на ксансаридских теплых водах, аполлинаристы поставили в Назианз своего епископа. Узнав об этом, святитель просил управлявшего Второй Каппадокией Олимпия хоть как-нибудь наказать их высокоумие, а Феодора, епископа Тианского, просил употребить все возможные меры к избранию православного епископа в Назианз¹⁴⁵. С облегчением болезни Григорий был утешен избранием Евлалия епископом Назианзским, но в то же время немало был оскорблен тем, что Елладий, архиепископ Кесарийский, входил в исследование о его делах и для сего прибегал не к духовным средствам и целью поставлял не соблюдение церковных правил, но удовлетворение гнева. Это было тем оскорбительнее, что Елладий состоял в дружеской, по-видимому, переписке с Григорием и к праздникам посылал ему или подарки, или поздравительные письма¹⁴⁶. Видно, что Елладию хотелось оставить Григория епископом Назианзским до самой смерти, но святитель всем тем, которые разделяли мысли Кесарийского митрополита, отвечал так: «Если бы я

¹⁴¹ См.: Там же. С. 232.

¹⁴² *Свт. Григорий Богослов*. К константинопольским иереям и к самому Константинополю // Там же. С. 195.

¹⁴³ *Свт. Григорий Богослов*. К самому себе // Там же. С. 280.

¹⁴⁴ См.: *Свт. Григорий Богослов*. Письмо 101. К пресвитеру Кледонию // Там же. С. 485.

¹⁴⁵ См.: *Свт. Григорий Богослов*. Письмо 125. К Олимпию // Там же. С. 496; Письмо 152. К Феодору // Там же. С. 510.

¹⁴⁶ См.: *Свт. Григорий Богослов*. Письмо 172. К Елладию // Там же. С. 519; Письмо 120. К нему же // Там же. С. 494.

имел столько телесного здоровья, чтобы мог править Церковью в Назианзе... то я не столько жалок и несведущ в Божественных постановлениях, чтобы стал или презирать Церковь, или гоняться за удобствами жизни»¹⁴⁷.

Удаляясь в Арианз, св. Григорий хотел, подобно рыбке-кораблику, издали смотреть, как другие терпят поражение или поражают ближних¹⁴⁸. Действительно, он и из своего уединения внимательно наблюдал за современным ходом дел церковных; впрочем, при этом, сколько мог, и сам старался дать им направление, благоприятное для православных. Правда, что он отказался принять участие в совещаниях продолжавшегося Константинопольского Собора, несмотря на двукратное приглашение императора Феодосия, но отказался по причине недоверия к отцам Собора, а еще более по причине опасной болезни. «Если должно писать правду, – писал Григорий сановнику императора, через которого было сделано приглашение, – то моя мысль – уклоняться от всякого собрания епископов, потому что не видал еще ни одного собрания, которое бы имело во всех отношениях полезный конец и более избавляло от зол, нежели увеличивало их. Любопытность и любоначалие... выше всякого описания...»¹⁴⁹ Теперь же побуждает меня к такому решению и болезнь, от которой всегда я почти при последнем издыхании и ни на что не могу употребить себя»¹⁵⁰. Впрочем, хотя Григорий отказался быть на Соборе, но своими письмами немало содействовал обузданию своеволия еретиков. Так, в письме к преемнику своему на Константинопольской кафедре просил ходатайствовать пред царем о запрещении еретикам, особенно аполлинаристам, иметь свои собрания¹⁵¹. Через несколько времени Григорий узнал о предполагаемом Соборе в 385 году, и в это время он убедительно просил тогдашних консулов, Постумиана и Сатурнина, а также двоих сильных при дворе сановников, Мардария и Виктора¹⁵², принять возможные меры к умирению церквей во время Собора. Вот как заканчивается письмо к Постумиану: «...ничего не почитай столько приличным твоему начальствованию, как это одно, чтобы под твоим начальством и твоими трудами умирены были церкви, хотя бы для сего нужно было с особенной строгостью наказать мятежных. А если я кажусь тебе странным, что, удалившись от дел, не покидаю заботы, не дивись этому. Хотя уступил я престол и высоту сана желающим, однако же не уступил с этим и благочестия, но думаю, что теперь и покажусь для тебя более достойным доверия, как служащий не собственно своему, но общему благу»¹⁵³. Советы Григория в самом деле были уважены, как видно из того, что император Феодосий повторил прежний свой указ, которым еретикам запрещалось иметь свои собрания, но который дотоле оставался без исполнения.

Какую строгую подвижническую жизнь вел Григорий по удалении из Константинополя, это можно видеть из некоторых его стихотворений: «Один неразумный человек, – так пишет Григорий в одном стихотворении, – богатый и высокомерный, вздумал недавно утверждать, что я роскошествую; сверх прочего говорит он и то, что я богат, потому что свободен от дел, имею у себя сад и небольшой источник. На это отвечал я ему: „Умалчиваешь

¹⁴⁷ *Свт. Григорий Богослов. Письмо 183. К Феодору епископу // Там же.*

¹⁴⁸ *См.: Свт. Григорий Богослов. Письмо 87. К Филагрию // Свт. Григорий Богослов. Творения. Т. 2. С. 473.*

¹⁴⁹ Говоря таким образом, свт. Григорий, по-видимому, очень мало полагался на добросовестное и основательное рассуждение о предметах веры и благочиния даже на соборах, при честолюбии епископов. Но в настоящем случае легко понять, что такой отзыв о соборах есть следствие или слишком живой впечатлительности Григория, или неверного умозаключения его из одного или двух случаев обо всех или большей части случаев.

¹⁵⁰ *Свт. Григорий Богослов. Письмо 130. К Прокопию // Свт. Григорий Богослов. Творения. Т. 2. С. 498. См. также: Он же. Письмо 131. К Олимпию // Там же. С. 499.*

¹⁵¹ *См.: Свт. Григорий Богослов. Письмо 202. К Нектарию // Там же. С. 537.*

¹⁵² *См.: Свт. Григорий Богослов. Письмо 133. Виктору // Там же. С. 499; Письмо 136. К Мардарию военачальнику // Там же. С. 501.*

¹⁵³ *Свт. Григорий Богослов. Письмо 173. К Постумиану // Там же. С. 520. См. также: Он же. Письмо 132. К Сатурнину // Там же. С. 499.*

ты, несчастный, о слезах, об узде, наложенной на чрево, о язвах на коленях и о ночном бдении»¹⁵⁴. В другом стихотворении, оплакивая страдания души своей, Григорий так описывает образ своей жизни: «Я умер для жизни, едва перевожу дыхание на земле; бегаю городов и людей, беседуя со зверями и утесами; один вдали от других обитаю в мрачной и необделанной пещере, в одном хитоне, без обуви, без огня; питаюсь только надеждой... ляжем у меня – древесные ветви, постелею – власяница и пыль на полу, омоченная слезами. Многие воздыхают под железными веригами... иные, осыпаемые зимними снегами, по сорок дней и ночей стоят как деревья... имея в мыслях единого Бога. Иной замкнул себе уста и на язык свой наложил узду, которую... ослабляет только для одних песнопений... Другой смежил очи и к слуху приставил двери, чтобы не уязвило его откуда-нибудь неприметным образом жало смерти. Такие способы уврачевания и я употреблял против неприязненной плоти»¹⁵⁵. Особенно замечательна заботливость Григория об обуздании языка. В 382 году Григорий налагал на себя молчание на всю Четыредесятницу. Цель своего подвига он сам объясняет так: «...приметив, что стремительность беглого слова не знает ни веса, ни меры... я совершенно удержал слово в высокоумном сердце, чтобы язык мой научился наблюдать, что ему можно говорить и чего нельзя»¹⁵⁶; молчание «укротит и раздражительность, которая не высказывает себя, но сама в себе поглощается»¹⁵⁷. Быть может, что наложенным на себя молчанием он хотел и других сколько-нибудь предостеречь от суетного, а еще более от пагубного празднословия. Конечно, такой обет безмолвия казался многим даже странным, особенно тем, которые приходили к святителю в это время и не могли добиться от него ни одного слова, кроме каких-нибудь мин и жестов, более необходимых для ответа. Слушать других Григорий соглашался, если только они говорили при этом о чем-нибудь добром и нужном, но сам не давал ни на что ясных ответов¹⁵⁸. В это время посещал Григория назианзский градоначальник Келевсий, но и для него не допущено было нарушение обета. Градоначальник обвинял Григория в грубости и неучтивости, но в ответ на это получил письмо, в котором Григорий со всюю смелостью писал: «Мое безголорье лучше твоего красноглаголанья» – и напомнил ему пословицу: «Тогда запоют лебеди, когда замолчат галки»¹⁵⁹. Самые письма, какие писал он во время своего безмолвия и которых дошло до нас до семи, отличаются чрезвычайным лаконизмом. В это же время написал святой безмолвник и два стихотворения: «На гневливость» и «Разговор на часто клянувшихся»; здесь отчасти объясняются и те причины, которые побудили Григория дать обет безмолвия¹⁶⁰.

Не более как за год до смерти св. Григорию причинил еще великое оскорбление какой-то его родственник по имени Валентиниан.

В Арианзе, против места, где Григорий проводил свою безмолвную жизнь, Валентиниан поселил женщин зазорного поведения. Григорию по той его сердечной чистоте, какую он полюбил с самого детства, конечно, нечего было опасаться, но, несмотря на это, Григорий с приближенными ему людьми поспешно убежал из своей пустыни, хотя она была для него очень любезна и по родственным воспоминаниям, и потому, что здесь были погребены его родители и здесь же почивали мощи назианзских мучеников, в честь которых ежегодно совершалось празднество 29 октября. Положение добровольного изгнанника было чрезвычайно горестное. Великость скорби ясно выразилась в стихотворении, написанном по этому

¹⁵⁴ Ср.: *Свт. Григорий Богослов*. Стихотворение 44. На лицемерных монахов // Там же. С. 294.

¹⁵⁵ *Свт. Григорий Богослов*. Плач. О страданиях души своей // *Свт. Григорий Богослов*. Творения. Т. 2. С. 298.

¹⁵⁶ *Свт. Григорий Богослов*. На безмолвие во время поста // Там же. С. 285.

¹⁵⁷ *Свт. Григорий Богослов*. Письмо 107. К Кледонию // Там же. С. 490.

¹⁵⁸ См.: Там же. С. 491.

¹⁵⁹ См.: *Свт. Григорий Богослов*. Письмо 114. К Елевсию // Там же. С. 493.

¹⁶⁰ См.: *Свт. Григорий Богослов*. Письма 111–118 // Там же. С. 491–494; Стихотворения богословские, 24 и 25 // Там же. С. 124–143.

случаю. Здесь он говорит о себе следующее: «Оставалась у меня одна родина, но и оттуда изгнал меня злобный демон, воздвигнув против меня черные волны. Теперь я одинокий странник, скитаюсь на чужой стороне, влача скорбную жизнь и дряхлую старость, не имею у себя ни престола, ни града, ни чад, хотя обременен заботами о чадах...»¹⁶¹. И в письме к Валентиниану содержится подобная же жалоба, именно здесь он так выговаривает своему обидчику: «Самым нечестивым образом гонят нас из отчизны не словом, но делом, и весьма жестоко; гораздо лучше было бы объявить приказ об удалении явным предписанием, нежели нарушать святость нашей жизни поселением женщин прямо против нас. Если не смело будет сказать, то чрез Еву изверг ты и нас из рая. Правда, что нетрудно найти благовидную отговорку и сказать, что ты оказываешь нам честь чрез такое соседство, желаешь принимать нас дружески и родственно, однако же слово – не дело. Когда вы приходите на это место, мы принимаем вас и лобызаем, но от домоуправления женщин так же спешим удалиться, как и от набега ехидн. Поэтому дело наше кончено. Мы перехитрены, предались бегству, оставив и труды рук своих, и надежды и принесли немало оправданий пред святыми мучениками. Конечно, это тяжело и невыносимо, однако же входит в любомудрие избранной нами жизни»¹⁶². Из этого письма ясно видно, как бдителен и строг к себе был св. Григорий даже при встрече с такими соблазнами, которых ему вовсе нечего было опасаться, и как несправедливы жалобы на строгость древних правил о поведении иноков в подобных сему обстоятельствах.

Письмо произвело в Валентиниане раскаяние, и св. Григорий последние дни своей жизни мог проводить в Арианзе. Обстоятельства его кончины неизвестны. Обыкновенно полагают, что он умер в 389 или 390 году. Смерть для него была так нестрашна, что он сам в молитвах своих часто просил ее у Бога. Незадолго до смерти он написал в стихах и надгробие себе; здесь он кратко исчислил скорбные и радостные события своей жизни, упомянул и о своих трудах для славы имени Божия, а также и о том, что он от юности носил в душе своей чистые стремления¹⁶³.

В Прологах сохранилось описание внешнего вида св. Григория. Именно, об этом здесь говорится следующее: св. Григорий росту небольшого, бледноват, брови имел прямые, взгляд кроткий и ласковый; правый глаз, который в одном углу сократила рана, прищурен; борода была недлинная, но довольно густая, конец бороды представлялся с темным отливом; волос на голове было очень мало, в молодости они были белокурые, а в старости совершенно седые. Мощи его из Назианза в Константинополь перенесены в 950 году по желанию и при участии императора Константина Порфирородного, а теперь они хранятся в Риме в базилике св. Петра; сюда они перенесены греческими монахинями во время крестовых походов¹⁶⁴.

Глава VI

Некоторые черты характера св. Григория, извлеченные из его писем. – Уважение к нему в Древней Церкви и сравнение его с Василием Великим

В дополнение к жизнеописанию св. Григория находим нужным познакомить читателя с некоторыми чертами нравственного его характера, о которых не было повода говорить при

¹⁶¹ Свт. Григорий Богослов. Стихотворение 43. К себе самому. В вопросах и ответах // Там же. С. 294.

¹⁶² Ср.: Свт. Григорий Богослов. Письмо 203. К Валентиниану // Там же.

¹⁶³ См.: Свт. Григорий Богослов. Эпитафия к себе самому // Свт. Григорий Богослов. Творения. Т. 2. С. 323, 324.

¹⁶⁴ См.: Муравьев А. Н. Римские письма: В 2 т. М., 1846.

последовательном изложении событий его жизни и подвигов служения Церкви. Сведения об этом заимствуем из писем Григория¹⁶⁵.

Богомыслие так было постоянно в Григории, что он без всякого сомнения позволяет о себе такие выражения: «О Пресвятой Троице я чаще говорю, нежели дышу, говорю среди опасностей и когда нет опасностей»¹⁶⁶.

Подобно другу своему Василию, он утешением для себя считал ходатайствовать за несчастных, и его ходатайство, сколько можно судить по письмам, было по большей части уважаемо. Правители Второй Каппадокии, к которой принадлежал Назианз, весьма уважали Григория, хотя некоторые из них были и язычниками, например Немезий. Это особенно видно из тех благодарственных писем, которые Григорий писал к градоправителям при известии о перемещении их на другие должности. Известно еще, что по его ходатайству назианзянам дважды даровано было прощение, несмотря на то что за возмущение, произведенное ими, предполагалось до основания разрушить самый город. Всех ходатайственных писем св. Григория дошло 67, но из них в 24 испрашиваются милости родственникам Григория, особенно племяннику Никовулу¹⁶⁷. Воспитанием его так был озабочен Григорий, что внимания к нему и надзора за ним просил чрез свои письма у всех софистов и риторов, бывших при тех училищах, в коих в разное время обучался Никовул. Это было тем необходимее, что Никовул, при очень хороших способностях, не отличался должным прилежанием. Набожный дядя просил иногда и епископов позаботиться об отыскании квартиры для его племянника, только поближе к церкви¹⁶⁸.

Бескорыстие было так любезно душе Григория, что, продавая Адамантию свои риторические книги, он опасался, чтобы покупатель не почел его корыстолюбивым; и потому, не назначая цены за книги, он объявил только, что какая бы ни была плата, она поступит к нищим. «Пришли только деньги, – писал он, – а возражение решат нищие»¹⁶⁹.

В письмах своих часто упоминает Григорий о большом числе своих друзей, но в то же время замечает: «Когда называю кого друзьями, то разумею людей прекрасных, добрых, соединенных со мною узами добродетели»¹⁷⁰. Поэтому же, когда он рекомендовал какому-то Стратигию одного сопресвитера Сакердота, то прибавлял: «Увидев [Сакердота], скажешь: „Григорий подлинно любитель всего прекрасного“»¹⁷¹. Большая часть друзей Василиевых были, как видно, и друзьями Григория. Таковы магистр Софроний, св. Григорий Нисский, Воспорий Колонийский, св. Амфилохий Иконийский. От последнего Григорий получил до тысячи писем. «Бодрствую ли я или сплю, у меня не прекращается попечение о твоих делах, – так пишет Григорий Палладию, – и ты стал добрым смычком и стройной лирой, поселившись в душе моей после того, как, пища ко мне тысячи писем, усовершился в позна-

¹⁶⁵ Всех писем Григория Богослова дошло до нас 243. Многие из них более замечательны по учености и красноречию, чем по раскрытию предметов христианской веры и деятельности. Впрочем, есть и такие, в коих рассматриваются догматы веры и вопросы нравственные. Важнейшие по содержанию суть два письма Кледонию против аполлинаристов. Эти послания заслужили высокое одобрение и отцов Ефесского и Халкидонского Соборов. Из писем нравственного содержания в одном излагается учение о клятвах, в других св. Григорий увещевает иногда к единодушию в деле веры, иногда к поступлению в монашеское звание, или к прощению обид, или к благодушному перенесению скорбей, а также к исполнению завещания родителей. Есть письма, в коих обличает и за преступления, запрещает развод и дает наставление, как праздновать христианские браки. Есть довольно писем ходатайственных.

¹⁶⁶ *Свт. Григорий Богослов. Письмо 100. К Гигантию // Свт. Григорий Богослов. Творения. Т. 2. С. 478.*

¹⁶⁷ *См.: Свт. Григорий Богослов. Письмо 175. К Евдоксию ритору // Там же.*

¹⁶⁸ *См.: Свт. Григорий Богослов. Письмо 157. К Феодору, епископу Тианскому // Свт. Григорий Богослов. Творения. Т. 2. С. 513.*

¹⁶⁹ *Свт. Григорий Богослов. Письмо 235. К Адамантию // Там же. С. 556.*

¹⁷⁰ *Свт. Григорий Богослов. Письмо 39. К Софронию // Там же. С. 442.*

¹⁷¹ *Свт. Григорий Богослов. Письмо 169. К Стратигию // Там же. С. 518.*

нии моей души»¹⁷². Особенно много приобрел Григорий для себя друзей, и притом из числа первых сановников империи, живя два года в Константинополе. Таковы были, например, два консула, к коим он обращался с просьбами об умиротворении дел церковных. Но первым и искренним другом, так же, как и Василия, св. Григорий называет Софрония. Дружба Григория с Василием, по случаю отказа от Сасимской кафедры, по-видимому, недалеко была от разрыва: с одной стороны сыпались резкие и колкие упреки в лености, а с другой – в гордости, но действия, единовременные этим письмам, в том и другом показывали высокое взаимное расположение и уважение. О глубокой преданности Григория своим друзьям ясно говорит и письмо к Амазонию, писанное вскоре по удалении из Константинополя. Вот как оно читается: «Если кто из общих наших друзей (а их, как уверен я, много) спросит у тебя: „Где теперь Григорий, что делает?“ – смело отвечай, что любомудрствует в безмолвии, столько же думая об обидчиках, сколько и о тех, о ком неизвестно ему, существовали ли когда на свете. Так он непреодолим! А если тот же человек еще спросит тебя: „Как же он переносит разлуку с друзьями?“ – то не отвечай уже смело, что любомудрствует, но скажи, что в этом очень малодушествует. Ибо у всякого своя слабость, а я слаб в отношении к друзьям и дружбе...»¹⁷³. В числе друзей Григория было немало софистов и риторов. При всяком удобном случае он убеждал их оставить занятие софистикой¹⁷⁴, а одного из них, именно ритора Евдоксия, склонял и к монашеской жизни по следующим причинам: «...во-первых, у тебя, как мне представляется, есть свои правила жизни, нрав тихий и нехитростный, неспособный к изворотливости в свете; во-вторых, у тебя душа даровитая, возвышенная и легко вдающаяся в умозрения; в-третьих, болезненность и телесная немощь, а это и Платону немаловажным кажется в деле любомудрия. Сверх того, ты в таком возрасте, когда страсти начинают покоряться»; «язык у тебя не зол... род у тебя не худой, и вовсе ты человек не для народной площади... Поэтому... не соглашайся иметь превосходство между галками, когда ты в состоянии быть орлом!.. Долго ли играть с детьми в куклы и приходить в восторг от рукоплесканий?»¹⁷⁵. Уверенность, что исполнение сего совета принесет много утешительных плодов, эта сильная уверенность побудила Григория заключить письмо такими словами: «И очень знаю, похвалишь меня теперь не много, а вскоре несравненно больше, когда увидишь себя в том состоянии, какое обещаю, и когда найдешь, что это не пустое блаженство, не вымыслы ума, но самая действительность»¹⁷⁶.

Весьма замечательно по искусству и по чувству письмо Григория, писанное в защиту своей племянницы Алипианы (которая была дочерью Горгонии). Муж Алипианы порицал ее за малый рост. Посему св. Григорий писал: «Осмеиваешь у нас Алипиану, будто бы она мала и недостойна твоей великости, длинный и огромный великан и ростом, и силой. Теперь только узнал я, что и душа меряется, и добродетель ценится по весу, что дикие камни дороже жемчужин и вороны предпочтительнее соловьев. Возьми себе величину и рост в несколько локтей и ни в чем не уступай Церериным жницам. Ты правишь конем, мечешь копье, у тебя забота – гоняться за зверями, а у ней нет таких дел; не большая нужна крепость сил владеть челноком, обходиться с прялкой и сидеть за ткацким станом, – а это преимущество женщин. Но если присовокупить, как Алипиана до земли преклонена в молитве и высокими движениями ума всегда беседует с Богом, то пред этим что значат твоя высота и твой телесный рост? Посмотри на ее благовременное молчание; послушай, когда говорит; рассуди, как

¹⁷² Ср.: *Свт. Григорий Богослов*. Письмо 171. К Палладию // Там же. С. 519. В других изданиях это письмо подписывается «К Амфилохию». Впрочем, данные слова св. Григория можно понимать и не столь буквально, а как просто указывающие на многочисленность этих писем. Тем более что эти письма св. Амфилохия к св. Григорию до нас не дошли. – *Ред.*

¹⁷³ *Свт. Григорий Богослов*. Письмо 94. К Амазонию // *Свт. Григорий Богослов*. Творения. Т. 2. С. 476.

¹⁷⁴ См.: *Свт. Григорий Богослов*. Письмо 190. К Евстохию-софисту // Там же. С. 529–530.

¹⁷⁵ *Свт. Григорий Богослов*. Письмо 178. К Евдоксию ритору // Там же.

¹⁷⁶ *Свт. Григорий Богослов*. Письмо 178. К Евдоксию ритору // *Свт. Григорий Богослов*. Творения. Т. 2. С. 523.

не привязана к нарядам, как по-женски мужественна, как радуется о доме, как любит мужа; и тогда скажешь словами одного лакедемонянина¹⁷⁷: „Подлинно, душа не меряется, и внешнему человеку должно иметь у себя в виду и внутреннего“. Если примешь это во внимание, то перестанешь шутить и смеяться над малым ее ростом, а назовешь себя счастливым за супружество с ней»¹⁷⁸.

Скажем теперь о том уважении, каким Григорий пользовался в Древней Церкви. В произведениях древней церковной письменности не дошло до нас ни одного похвального Слова Григорию Богослову, но одно наименование его Богословом, с пятого века¹⁷⁹ усвоенное ему Церковью и одинаковое с именованием возлюбленного ученика Иисусова, одно это имя лучше всех похвальных Слов говорит о высоком уважении к нему. По уверению пресвитера Григория (жившего в VIII веке), это название дано Григорию Назианзскому, потому что никто ни прежде, ни после не увлекался так своими догматическими беседами, не заставлял так полюбить богословие, как Григорий Назианзин. Действительно, в один год незнакомому пришельцу восстановить Православие в такой столице, в которой сорок лет пред сим господствовало арианство, — это истинно изумительный подвиг, который несомненно свидетельствует о великом обилии благодатных даров в проповеднике. Св. Василий Великий писал Евсевию, Самосатскому епископу: «Если бы Григорию нужно было поручить в управление церковь, соответствующую его дарованиям, то таковой была бы вся Церковь, собранная под солнцем»¹⁸⁰. События показали, что эти слова для своего понимания не требовали больших ограничений. Еще когда Григорий не был посвящен в пресвитера, св. Василий называл его в письме к кесарийским монахам¹⁸¹ сосудом избранным, глубоким кладезем и устами Христовыми. А что сказал бы Василий о Григории, если бы дожил до 381 года? И на Западе имя Григория Богослова было в великой славе. Блаженный Иероним думал немало возвысить себя чрез то, что своим учителем в изъяснении Писания называл Григория Богослова. Руфин был враг Иерониму, но и он так почитал Григория, что несогласие в чем-нибудь с учением Григория Богослова признавал несомненным признаком отклонения от Православия. Православная наша Церковь в одном из песнопений (именно кондаке) называет Григория Богослова «умом крайнейшим».

Известно, что ни на чьи отеческие творения не писано так много толкований, как на сочинения Григория Назианзина. Так, в V веке писал толкования на св. Григория Нонн Пентапольский, в VII веке — св. Максим Исповедник, в VIII — Илия, митрополит Критский, Григорий пресвитер, описавший его жизнь, и многие другие в X, XI и XII веках. Все это, конечно, была дань искреннего уважения к вселенскому учителю и следствие высоты его учения, а отнюдь не темноты изложения мыслей, хотя правда и то, что сочинения, исполненные глубокомыслия, требуют больших трудов для понимания, чем те сочинения, которые поражают более цветами ораторского красноречия.

После этого не излишним еще представляется коснуться вопросов: что есть сходного и различного между Василием Великим и Григорием Богословом? Есть ли какое преимущество у одного пред другим, или они во всем равны между собой? Эти вопросы занимали некоторых и в древности. Ближайшие, например, ко времени Василия Великого и Григория Богослова церковные писатели затруднялись, которому из них отдать преимущество. Вот слова о сем церковного историка Сократа: «Память о Василии и Григории, сохраняемая

¹⁷⁷ Т. е. спартамца.

¹⁷⁸ *Свт. Григорий Богослов. Письмо 12. К Никоволу // Свт. Григорий Богослов. Творения. Т. 2. С. 427.*

¹⁷⁹ Произведение преп. Нила Синайского «О восьми помыслах».

¹⁸⁰ Ср.: *Свт. Василий Великий. Письмо 98. К Евсевию, епископу Самосатскому // Свт. Василий Великий. Творения. Т. 2. С. 601.*

¹⁸¹ См.: *Свт. Василий Великий. Письмо 8. К кесарийским монахам // Там же. С. 456.*

всеми людьми, и ученость написанных ими книг уже достаточно свидетельствуют о знаменитости того и другого; в свое время они принесли много пользы церквям, их считали пламенниками веры. Но если бы кто захотел сравнить Василия с Григорием, представить душевные свойства, образ жизни того и другого и свойственные каждому добродетели, тот затруднился бы, которого из них предпочесть, ибо по образу жизни и по образованию, то есть по своим познаниям в эллинских науках и в Священном Писании, они были равны друг другу»¹⁸². Сам Григорий Богослов пишет о себе, что он всегда предпочитал себе великого Василия и потому письма его клал наперед, а свои за ними; Василий же, по его словам, предпочитал себе Григория¹⁸³. В XII веке, в царствование Алексея Комнина, в Константинополе дошло дело даже до споров по сему предмету. Одни почтенные и добрые люди ставили выше Василия, тогда как иные особенно преданы были Григорию Богослову, говоря, что он по изяществу и разнообразию изложения, по звучности слов и по цветистости выражений превосходит всех знаменитых ученых, как языческих, так и наших. Третьи возвышали Златоуста как более человеческого в поучениях своих и за множество медоточных слов и силу мысли. Одни по сему назывались василианами, другие григорианами, иные иоаннитами. Спустя немалое время после этих споров святители сии явились Иоанну, епископу Евхаитскому, сперва поодиночке, а потом все, и сказали ему: «Мы, как видишь, едино пред Богом; каждый из нас в свое время, руководимый Божественным Духом, составил учение для спасения человеческого. Нет между нами ни первого, ни второго. Поэтому, вставши, прикажи спорящим прекратить споры из-за нас. Соедини нас во один день и, как тебе покажется приличным, совершай праздник во имя наше и потомкам передай, что мы равны пред Богом. И мы непременно будем содействовать спасению тех, которые будут совершать праздник в общую память нашу». Следствием этого видения было, как известно, установление праздника в честь трех святителей 30 января¹⁸⁴.

Несомненное различие между Григорием и Василием состоит только в том, что первый был гораздо чувствительнее последнего; потому Григорий, лишь только замечал завистливое нерасположение к себе некоторых, желал уклоняться от поприща своего служения, чтобы не подать повода к несправедливым о себе толкам. И Василию не менее приходилось терпеть от своих завистников, и особенно от евстафиан, но, призванный однажды на чреду своего служения, он с твердостью защищал свои права, а клеветы и обвинения отражал только частными письмами, не оставляя самой должности. С нравственной стороны то и другое, конечно, законообразно. Но где больше самопожертвования, трудно решить. Немало нужно, конечно, терпения и тогда, когда остаются при своих должностях, несмотря на то что иные неизменную ревность о благе Церкви называют гордостью или упрямством. И такие подвиги, очевидно, соединяются с самопожертвованием, так как наша честь и слава составляют часть нашего благополучия. А эта твердость и сила есть преимущественно достояние Василия. Как проповедники и ораторы, Василий и Григорий истинно неразличимы. Действительным оттенком различия между ними представляется то, что в проповедях Григория чаще можно встретить речь более сжатую, чем живописно подробную и общепонятную. Вообще же совершенства их красноречия очень единообразны; так должно быть и потому, что, при единообразии направления, они слушали одних наставников и имели одинаковые успехи во всех науках. Правда, что более изящества и законченности в пяти Словах Григория о богословии, чем в пяти книгах Василия против Евномия, но это различие объясняется самой целью сочинений. Василий опровергал апологию Евномия применительно к порядку ее слов и мыслей, а Григорий занимался решением устных возражений, которым он, есте-

¹⁸² Сократ Схоластик. Церковная история. IV, 26.

¹⁸³ См.: *Свт. Григорий Богослов. Письмо 53. К Никоволу // Свт. Григорий Богослов. Творения. Т. 2. С. 452–453.*

¹⁸⁴ 12 февраля по новому стилю. — Ред.

ственно, должен был усвоить порядок, более приличный церковным беседам. При этом хотя последний замечает, что он не хочет строить свои беседы на чужом основании, но нередко повторяет мысли Василия почти его же словами¹⁸⁵.

¹⁸⁵ В Прологе под 30 днем января говорится: «Если нужно, чтобы между людьми был некоторый образец и монумент, сложенный из всех по частям добродетелей, это был великий Григорий. Чистотой жизни превосходя всех отличавшихся своей деятельностью, он столько преуспел в богословии, что мудростью своей превзошел всех как по силе слова, так и по знанию догматов, почему и получил название Богослова». Но здесь же и о Василии Великом сказано: «Он красноречием превзошел не только современников, но и живших прежде него. Изучивши все науки, он в каждой был первым. Будучи столько же совершен и в исполнении правил любомудрия, он достиг чрез это созерцания сущего». Такой отзыв, видимо, высказан в соответствие видению о трех святителях Иоанна Евхаитского. (Из ежемесячного «Журнала душеполезного чтения», 1864.)

Неизвестный автор

Два друга. Василий Великий и Григорий Богослов¹⁸⁶

Христианская религия в лице Константина Великого возшла на престол кесарей и сделалась господствующей в Римской империи, а потому и в Афинах. Но афиняне еще не забывали шумных празднеств прежнего своего язычества; идолопоклонство и побежденное еще продолжало воспламенять воображение их различными воспоминаниями. Оно напоминало им о славе их героев, поэтов, ораторов и философов книгами и памятниками, изящными произведениями наук и искусств, языческими обычаями и нравами.

В Афинах в это время учились и обращали особенное на себя внимание два каппадокийца – Василий из Кесарии и Григорий из Назианза. Решившись обогатить себя сокровищами мирской мудрости, они посещали школы Кесарии, Александрии, Византии и наконец пришли в Афины. Здесь они сблизились и сделались друзьями. При всей своей любви к мирским наукам, в городе просвещеннейшем и развращеннейшем они чуждались всякого светского развлечения; их узнавали по важной и скромной поступи, отличали от сверстников и называли «двумя христианами»; между тем их любили, им удивлялись, их уважали. Василия почитали как старца в юношеском теле: человеческая философия не имела для него непостижимостей, но он был проникнут высшей, неземной философией, и его ожидало служение апостольское. На Григория смотрели как на поэта, исполненного силы и приятности, но он готовился петь величие Нового Завета и проповедовать тайны Откровенного богословия. Тогда же и в Афинах же отличался юный грек, под философской одеждой скрывавший порфиру кесарей: то был Юлиан, внук Константина Великого, одаренный счастливейшими способностями, но развращенный до крайнего сумасбродства платониками того времени. Сохраняя наружность христианина, он тайно предан был язычеству, а введенный в Елевсинские таинства¹⁸⁷, дал обещание восстановить языческую религию на место христианской.

Но каппадокийским юношам пришло, наконец, время оставить Афины и возвратиться в отечество. Друзья и учителя не хотели разлучиться с ними и просили их остаться. «Город видит в вас будущих своих ораторов, – говорили им. – Он предназначает вам венки и торжественные колесницы, на вашей стороне будет мнение всего народа». Василий не поколебался, но, приметив, что убеждения друзей и наставников колеблют его друга и он слабо им противится, сказал Григорию: «Оставайся, если хочешь, но я с тобой оставляю половину самого себя». Выговорив это, он исторгся из объятий дружбы и поплыл к берегам Азии – в свою Кесарию.

Расставшись с другом, Григорий, однако же, был безутешен: разлука доказала ему, что никакое общество не может заменить ему искренних чувствований дружбы, столь чистой, столь искренней и столь крепкой, какая соединяла его с Василием. Посему спустя немного времени и он оставил знаменитые Афины почти как беглец. С ним в одно время прибыл в Назианз и меньший брат его Кесарии, учившийся медицинским наукам в Александрии.

В своих семействах Василий и Григорий были приняты с радостью. Эмилия, мать Василия, и Макрина, старшая его сестра, забыли все скорби своего вдовства. Григорий нашел отца своего епископом своего небольшого города Назианза. Отец благословлял Бога, возвратившего ему, на утешение его старости, двух сыновей, обогатившихся познаниями и добродетелями. Но, чтобы скорее прервать связи с миром и не увлечься примером брата

¹⁸⁶ Печатается по: Христианское чтение. СПб., 1838. № 2. С. 94–110.

¹⁸⁷ Елевсинские таинства или Елевсинские мистерии – древний языческий культ в честь богинь Деметры и Персефоны в Елевсине (недалеко от Афин), возникший около 1500 г. до Р. Х. и закрытый императором Феодосием Великим в 392 г. Культ носил эзотерический характер и подразумевал специальное посвящение. – *Ред.*

Григория – Кесария, которого император Констанций взял ко двору, оба они – Василий и Григорий – в разных местах, но почти в одно и то же время приняли Святое Крещение, имея каждый от роду около тридцати лет. Василий тотчас стал искать убежище, в котором они оба могли бы посвятить себя благочестивым занятиям монашеской жизни, и между тем писал к Григорию, приглашая его к пустынножительству, как сей обещал ему. Но Григорий, удерживаемый старостью отца своего, извинялся и отвечал следующим письмом: «Признаюсь, я не сдержал своего слова – соединить свою жизнь с твоей в школе новой философии, не сдержал обещания, данного еще в Афинах, где дружба, если достаточно мое выражение, слила наши души в одну. Так, я не исполнил своего обещания – но не по своей воле. Одна обязанность налагает молчание на другую: закон дружбы должен уступить закону сыновней любви. Впрочем, если угодно, я не вовсе отступаюсь от своего слова и готов провести у тебя несколько времени, но и ты заплатишь мне тем же – наведишь меня, и сия малая жертва, принесенная дружбе, будет взаимна; твое посещение будет приятно моим родителям»¹⁸⁸.

Но Василий не согласился на предложение, которое так мало соответствовало его намерениям. Он в другой раз удалился из Каппадокии и посетил Египет, страну древних чудес и убежище великих пустынножителей.

В Фиваиде, среди необозримых пустынь, которые пересекались обнаженными холмами, иссохшими потоками и развалинами городов, ревностные последователи Евангелия нашли первое безопасное убежище от преследований языческой нетерпимости. Сии отшельники были людьми, которых мир ужасал и гнал от себя своими преступлениями, постыдными удовольствиями и нечестивыми обычаями. Имея волю крепкую, как смерть, они терпеливо переносили зной солнца, неослабно умерщвляли чувственные пожелания, всегдашней строгостью жизни постепенно ослабляли в себе владычество плоти, чтобы духу своему приобрести свободу чад Божиих. Василий увидел их – и положил усвоить себе их образ жизни: решился проводить жизнь в лощении, молитвословии, бдении и телесных трудах – словом, во всех упражнении, покоряющих плоть духу.

Через два года после того Василий, стараясь ввести в Каппадокии обычаи и правила жизни пустынножеской, удалился в глубину лесов, отделяющих с северной стороны Каппадокию от Понта. В этом руководителем для него было домашнее предание. В сих непроходимых лесах во время последнего гонения укрывался его прадед (христианин твердый и один из высших правителей Неокесарии) в продолжение двух лет с женой, детьми и рабами. Он и его домочадцы жили здесь ловлей зверей; скала источала чистую воду для утоления жажды; столетний дуб предлагал им гостеприимную тень свою; пещеры, поросшие мхом, служили им местом ночного отдыха и сна. Приятность сего уединенного убежища радовала душу Василия. Он остановился на берегу реки Ирис, впадающей в Эвксинский Понт¹⁸⁹, в таком месте, которое окружено было водой, лесом и скалами, как будто тройной оградой. С ним было несколько друзей. На другой стороне реки построили себе хижину или, лучше, основали монастырь его мать и сестра с несколькими прислужницами. Между тем Григорий жил все еще в Назианзе, и Василий, после бесполезных сношений с ним, через одного из своих братьев писал к нему следующее.

«Хотя брат мой Григорий¹⁹⁰ писал мне, что ты давно хочешь жить вместе со мной, и хочешь решительно, но, обманываясь много раз в своей надежде, я переставал уже тому верить, а за делами даже не имел времени и думать о том; тогда я собирался идти к Понту, имея, если будет угодно Богу, намерение положить там конец своим странствованиям. С

¹⁸⁸ *Greg. Nazianz. Operum editio. Paris, 1630. Т. 1. Ep. 4, 8. P. 769 (далее – Greg. Nazianz. Opera). Ср.: Свт. Григорий Богослов. Письмо 1. К Василию Великому // Свт. Григорий Богослов. Творения. Т. 2. С. 417.*

¹⁸⁹ Черное море. – *Ред.*

¹⁹⁰ Свт. Григорий Нисский.

трудом отказывался я от надежды касательно тебя; справедливо сказал кто-то: надежды суть грезы бодрствующих. Ныне я уже в Понте и начал новую жизнь; тут указал мне Бог убежище, сообразное с моей целью. То, что мы часто воображали себе в приятные минуты отдыха, я увидел теперь на самом деле. Вот высокая гора, одетая густым лесом и с северной стороны орошаемая светлыми прохладительными водами! У подошвы ее простирается ровная долина, напояемая горными источниками и окруженная лесом разнородных деревьев, без искусства рассеянных и служащих ей как бы оградой. Мне кажется, что не так прекрасен был и остров Калипсо, хотя Гомер удивляется ему более всего. Притом и моя пустыня почти также остров, потому что закрыта со всех сторон: с двух – глубокими оврагами, с третьей – низвергающейся с высот рекой, которая сама по себе есть как бы непрерывная и непроходимая стена, а с четвертой – горой, которая преграждает все пути в долину, так что в нее один только вход – и тот мне одному известен. Сверх того, к моему убежищу примыкают и другие высоты, смело возносящиеся своими вершинами и господствующие над окрестностью; с них взор обнимает всю мою долину и все повороты реки, доставляя зрителю такое же удовольствие, какое чувствуешь, смотря из Амфиполиса на Стримон. Но Стримон, по причине медленности течения и сонливости вод своих, почти не стоит имени реки; напротив, моя, и сама по себе будучи быстрее других, какие я видывал, еще свирепее становится, когда ударяется о ближнюю скалу и, отразившись от нее, низвергается в мрачную бездну. Это рисует мне и всякому зрителю прекрасную картину, а туземцам доставляет величайшую пользу, ибо бездны, изрытые водой, питают бесчисленное множество рыб. Говорить ли тебе о воздухе моей долины и о прохладе, веющей с реки? Пусть другие удивляются множеству цветов и пению птиц – мне нет времени сим заниматься. Лучшим преимуществом моего убежища можно было бы почестъ то, что оно, по своему выгодному положению, богато всякого рода плодами, но для меня всего приятнее в нем тишина и спокойствие, ибо оно не только удалено от городского шума, но и недоступно путешественнику; одни только охотники, преследуя зверя, иногда заходят к нам. Кстати, эта страна производит и зверей, только не медведей и волков, как у вас, а оленей, диких коз, зайцев и подобных животных. Итак, не думай, что я, как неразумный, иду навстречу опасности, меняя ваш Тиверин, пучину мира, на столь прекрасную страну, но одобри предпринятый мной путь. И Алкмеон положил свой страннический посох, когда нашел острова Эхинадские»¹⁹¹.

По сему первому письму Григорий не пришел к Василию, но отвечал ему письмом в тоне почти отрицательном¹⁹². Когда же Василий во втором своем письме¹⁹³ изобразил ему внутреннее состояние пустынножительства как училища труда и добродетели, то Григорий, тронувшись таким изображением, наконец прибыл к отшельнику Ириса и нашел его среди многолюдного общества христиан. Это благочестивое общество возрасло со дня на день, принимая в свое недро людей, гонимых пороками и страстями язычников. Христианское любомудрие увлекало их в тишину пустыни надеждой безмятежного поклонения Господу. Там забывалась всякая собственность; пришельцы именовались братьями и подчинялись одному уставу, согласному с духом Нового Закона, по которому вся жизнь христианина должна быть служением Господу, упражнением благочестия и приготовлением к смерти. Трудолюбие служило им полезным развлечением после молитвословия, и смена телесных и духовных занятий делали приятнейшими те и другие. Вскоре гора была очищена от лишнего леса и сделана удобной для земледелия, овраги уровнены, и в местах, прежде непро-

¹⁹¹ Basilii Caesariensis Cappadociae Archiepiscopi opera omnia. Paris. 1750. Т. 3. Ep. 14. P. 93 (далее — *Basil. Caesar. Opera*). Ср.: *Свт. Василий Великий*. Письмо 14. К Григорию, другу // *Свт. Василий Великий*. Творения. Т. 2. С. 473–475.

¹⁹² См.: *Greg. Nazianz. Opera*. Т. 1. Ep. 6, 10. P. 770. Ср.: *Свт. Григорий Богослов*. Письмо 2. К Василию Великому // *Свт. Григорий Богослов*. Творения. Т. 2. С. 417.

¹⁹³ См.: *Христианское чтение*. СПб., 1827. Ч. 27. С. 174; *Basil. Caesar. Ep.* 2. P. 70. Ср.: *Свт. Василий Великий*. Письмо 2. К Григорию Богослову // *Свт. Василий Великий*. Творения. Т. 2. С. 442–448.

ходимых, явился сад, богатый плодами и необходимыми овощами. Григорий с радостью принял участие в пустынных занятиях и, одаренный воображением изобретательным, умел сообщать им вид изящный. Он и Василий сделали для себя особую усадьбу, дабы она была памятником их пустынного трудолюбия. В сие-то время Василий, пользуясь советами своего друга, написал аскетические правила, впоследствии принятые в монастырях Востока и Запада. Пробыв с Василием несколько месяцев, Григорий, отозванный своим отцом, оставил пустыню и потом свою любовь к пустынножительству и воспоминание о нем выразил в следующем письме к Василию.

«Кто возвратит мне те прошедшие месяцы, в которые разделял я тяжелые труды твои? Тогдашняя произвольная скорбь гораздо лучше настоящей невольной радости. Кто возвратит мне те псалмопения и бдения, те возношения сердца к Богу на крылах молитвы, ту жизнь, как бы бестелесную и бесплотную, то общество братий, проникнутых единодушием, как бы одуховленных и отторгнутых тобой от земли, те подвиги добродетели, побуждения к которой изложили мы в правилах и постановлениях, то упражнение в Священном Писании и свет, открываемый в нем под руководством Святого Духа? Но сойдем к низшим нашим занятиям. Кто возвратит мне ту смену ежедневных трудов: ношение дерев, сечение камней, насаждение и поливание растений? А наша золотая усадьба? Она драгоценнее Ксерксовой: под ее тенью сидит не этот славный царь, утомленный удовольствиями, а неизвестный отшельник, изнуренный трудами. Я насадил ее, Аполлос, то есть ты, напоил, а Бог возрастил как памятник нашего труженичества (ср. 1 Кор. 3:6). Но желать нам легко, а получать желаемое трудно. Помоги и содействуй мне, вдохни в меня твою добродетель и, если мы приобрели что-нибудь полезное, сохрани это твоими молитвами, чтобы наше полезное не исчезло, как тень на закате солнца. Я дышу тобой более, нежели воздухом, и жизнь свою услаждаю всегдашней о тебе мыслью»¹⁹⁴.

Но уединенная жизнь для сих двух высоких душ была только отдыхом и приготовлением к поприщу более обширному. Здесь они испытывали, упражняли и укрепляли свои силы, как предызбранные орудия Промысла, как будущие светильники Христовой Церкви. Вскоре, оставив пустыню, они должны были принять сан священства, а потом, когда один из них находился в Кесарии, а другой в Назианзе, народ единодушно призывал их на епископские престолы. Умилительно читать письма их, относящиеся к этому времени; в них дружба говорит языком утешения и поощрения. Вот письмо Григория к Василию.

«Мне понравилось начало твоего письма – и что твое не понравится мне? Ты был взят – и я также; оба мы принуждены были вступить на степень пресвитерства. Но к этому ль стремились наши души? Мы свидетели друг другу, свидетели достовернее всех других, что только уединенное и скромное любомудрие занимало наши мысли. Но не оставаться нам в сем состоянии, видно, было лучше; по крайней мере, я не знаю, что сказать об этом, пока не объяснится Домостроительство Святого Духа. Теперь, когда дело уже кончено, надобно, как думаю, покориться необходимости, а особенно в нынешнее время...»¹⁹⁵

На престоле римских кесарей в это время восседал Юлиан!

¹⁹⁴ Greg. Nazianz. Opera. Ep. 9, 13. P. 774. Ср.: *Свт. Григорий Богослов. Письмо 6. К Василию Великому // Свт. Григорий Богослов. Творения. Т. 2. С. 420.*

¹⁹⁵ Greg. Nazianz. Opera. Ep. И, 15. P. 775. Ср.: *Свт. Григорий Богослов. Письмо 8. К Василию Великому // Свт. Григорий Богослов. Творения. Т. 2. С. 422.*

Иеромонах Пантелеймон Три Богослова: апостол Иоанн Богослов, святой Григорий Богослов и преподобный Симеон Новый Богослов¹⁹⁶

Общие черты их учения вообще и богопознания в частности

Когда мы глядим на ясное звездное небо или входим в большой роскошный цветник, дивное зрелище тогда представляется нам. Какое здесь разнообразие и в то же время единство, какая разбросанность и в то же время гармония! Нечто подобное представляется и мыслителю, когда он пытается умственным взором окинуть мир святоотеческой письменности. Как трудно бывает зрителю, глядя на небо или находясь в цветнике, остановить свой взор на чем-либо одном! Но ему совершенно легко будет это сделать, когда он станет всматриваться в звезды какой-либо одной определенной величины и блеска или станет, например, выбирать цветы какого-либо одного названия. То же затруднение испытывает и всякий, кто пожелал бы остановиться вниманием в святоотеческой литературе на одном или нескольких отцах. Но это затруднение быстро исчезнет, когда мы обратимся, например, к отцам, получившим какое-либо общее и особенное наименование. В настоящем очерке мы и хотели бы остановить свое внимание на тех отцах, которые в исключительном смысле названы Богословами. Человеку мыслящему, и в особенности богослову, так естественно заинтересоваться именно этими отцами и спросить себя: по какой причине они так названы и существуют ли между ними какое-либо соотношение и связь? Такая любознательность ничуть не будет праздной. Напротив, от решения заданных вопросов богослов вправе ожидать для себя выяснения столь важной для него проблемы об истинном богословствовании и об истинном богослове. В лице тех отцов, которые по преимуществу наименованы Богословами, он и найдет идеал, а в самом их учении – идеал истинного богословствования.

Первый из отцов Церкви, получивший имя Богослова, есть один из трех каппадокийцев – св. Григорий Назианзин, живший и писавший в золотую пору расцвета святоотеческой мысли. Другой же отец, которому также усвоено наименование Богослова, жил совсем в другое время, много позднее Григория, в период упадка и оскудения богатой раньше святоотеческой письменности. Это преп. Симеон Новый Богослов, живший в конце X и начале XI века. В литературе о св. Григории Назианзине нередко говорится, что наименование Богослова присвоено ему главным образом за его знаменитые пять Слов о богословии¹⁹⁷. Что же касается до преп. Симеона, то о нем хотя мы и не встречали такого указания, но и у него, как и у Григория, также находим три богословских Слова¹⁹⁸, весьма сходных с Григориевыми по содержанию, по глубине и высоте созерцания, хотя и различных по языку и стилю. Было бы легкомысленно удовлетвориться таким внешним и случайным основанием для объяснения столь почетного и столь редкого титула. Ввиду этого мы поищем более глубоких оснований

¹⁹⁶ Печатается по: Богословский вестник. 1913. № 1. с. 77–103. Настоящая статья представляет собой пробную лекцию, читанную в заседании Совета профессоров Московской Духовной Академии 19 сентября 1912 г.

¹⁹⁷ См.: Фаррар Ф. В. Жизнь и труды святых отцов и учителей Церкви. 2-е изд. СПб., 1902. Т. 1. С. 554 (далее – Фаррар. Жизнь и труды...); Виноградов Н., свящ. Догматическое учение св. Григория Богослова // Свт. Григорий Богослов. Творения. Т. 1. С. 658; Богословская энциклопедия. СПб., 1903. Т. IV. Столб. 624 и др.

¹⁹⁸ См.: Слова преп. Симеона Нового Богослова. 2-е изд. Вып. 2. М., 1890. С. 75–108. (Далее – Преп. Симеон Новый Богослов. Слова. Вып. 2.)

и с этой целью займемся детальным анализом и сличением богословской системы Григория и Симеона. Но к названным отцам нам не только не бесполезно, но и прямо необходимо присоединить еще одного величайшего мужа, не отца Церкви, но возлюбленного ученика Христова, святого апостола и евангелиста Иоанна, коему еще прежде Григория и Симеона усвоено наименование Богослова. Легко можно догадываться, что и тому и другому отцу имя Богослова дано не без отношения к первому и великому Богослову.

I

Итак, приступая к сличению учения «трех Богословов», мы расположим его по естественной и простой схеме: учение о Боге, о мире и о человеке.

Раскрывая общее понятие о Боге как Существо невидимом и непостижимом (Ин. 1:18; 1 Ин. 4:12)¹⁹⁹ безначальном (1 Ин. 2:14; Ин. 1:1; 8:25), вечно сущем и живом (Ин. 8:58; Откр. 1:4, 8, 17–18; 4:8–9, 11; 21:6; 22:13), Богослов-Тайнозритель дает самое краткое, но в то же время и самое глубоко содержательное определение существа Божия. *Бог есть свет*, говорит он (1 Ин. 1:5; Ин. 1:7–9)²⁰⁰. *Бог есть любовь* (1 Ин. 4:8; 4:16). А о Христе Спасителе Иоанн по преимуществу учит как о предвечном Слове Божиим – Логосе (Ин. 1:1–2; 1:14; 1 Ин. 1:1; Откр. 19:13). То же самое учение о Боге, только более подробно, раскрывается и у двух других Богословов. Изображая Бога Существом беспредельным, превысившим всего, невидимым и неименуемым²⁰¹, и Григорий, и Симеон с одинаковым вниманием останавливаются на понятии непостижимости Божией. «Как никто и никогда не вдыхал в себя всего воздуха, так ни ум не вмещал совершенно, ни голос не обнимал Божией сущности», – говорит Григорий Богослов²⁰². Не менее удачно выражает ту же мысль и преп. Симеон, говоря: Бог «столько познается нами, сколько может кто увидеть безбрежного моря, стоя на краю его ночью с малой в руке зажженной свечой»²⁰³. Между тем понятие безначальности более оттеняется у преп. Симеона²⁰⁴, а понятие вечности – у Григория Богослова²⁰⁵. Что же касается до учения о Боге как о Свете, то и у того и у другого отца оно развито с замечательной полнотой, ясностью и раздельностью²⁰⁶, тогда как о Боге-Любви чаще и настойчивее говорит

¹⁹⁹ Излагая учение Богослова-Евангелиста, мы в равной мере пользуемся как Посланиями его, в которых более всего, конечно, отразилась личность апостола, так и Евангелием, излагающим собственно речи и учения Спасителя, равно и Апокалипсисом, изображающим видения и откровения, показанные Тайнозрителю, потому что и в этих двух величайших памятниках новозаветной апостольской письменности также не могли не отразиться индивидуальные черты и личные особенности возлюбленного ученика.

²⁰⁰ Ср.: Ин. 8:12; 9:5; 12:46; 12:35–36.

²⁰¹ См.: *Свт. Григорий Богослов*. Слова 28, 38, 34, 22, 22, 6 // *Свт. Григорий Богослов*. Творения. Т. 1. С. 336, 444, 419, 283, 283, 136; О душе // Там же. Т. 2. С. 27; *Преп. Симеон Новый Богослов*. Слова. Вып. 2. С. 105; *Symeon. N. Theol. Divinorum amorum liber singularis*, cap. 2, 8, 9, 13, 15, 19, 20, 22, 25, 32, 37 ets. // PG. T. 120. Col. 51 °C, 519AD, 521A, 526AC, 530D, 545D-547A, 550BC, 558C-559A, 561D-562B, 582B, 592B-593A (далее – *Divinorum amorum...*).

²⁰² *Свт. Григорий Богослов*. Слово 30 // *Свт. Григорий Богослов*. Творения. Т. 1. С. 372.

²⁰³ *Преп. Симеон Новый Богослов*. Слова. Вып. 2. С. 100. Ср.: Вып. 2. С. 554–555. См. также: Слова преп. Симеона Нового Богослова. 2-е изд. Вып. 1. М., 1892. С. 260 (далее – *Преп. Симеон Новый Богослов*. Слова. Вып. 1); Вып. 2. С. 78, 80–81; *Divinorum amorum...*, cap. 15, 20, 32 ets. Col. 529C-530D, 550B-551AB, 582B.

²⁰⁴ См.: *Свт. Григорий Богослов*. Слово 31 // *Свт. Григорий Богослов*. Творения. Т. 1. С. 385; *Преп. Симеон Новый Богослов*. Слова. Вып. 2. С. 80–82, 102, 104; *Divinorum amorum...*, cap. 19, 22, 25 ets. Col. 545C, 558D, 562B-563B.

²⁰⁵ См.: *Преп. Симеон Новый Богослов*. Слова. Вып. 2. С. 93; *Divinorum amorum...*, cap. 22, 25 Col. 559B, 562B-563B; *Свт. Григорий Богослов*. Слова 30, 38, 45 // *Свт. Григорий Богослов*. Творения. Т. 1. С. 372, 445, 560 и др.

²⁰⁶ «Бог есть свет высочайший, неприступный, неизглаголаный», – говорит свт. Григорий Богослов (*Свт. Григорий Богослов*. Слово 40 // *Свт. Григорий Богослов*. Творения. Т. 1. С. 462); Бог – первый и чистейший свет (Там же. С. 481) и пр. Весьма часто повторяя свое учение о Боге как свете (см., напр.: *Свт. Григорий Богослов*. Слова 3, 21, 30, 32, 40 // Там же. Т. 1. С. 28, 260, 367, 398, 480; Похвала девству // Там же. Т. 2. С. 49 и др.) и о Троичном Свете (*Он же*. Слова 31, 33, 39, 40 // Там же. Т. 1. С. 377, 412, 455, 479; О Святом Духе // Там же. Т. 2. С. 16 и др.), Григорий мог с полным правом сказать: «Мы ныне узрели и проповедаем краткое... богословие Троицы, от Света Отца приив Свет Сына во Свете Духе» (*Он же*.

преп. Симеон²⁰⁷, а о Слове-Логосе, о Боге как о первом, чистейшем и всецелом Уме, выразительнее учит св. Григорий²⁰⁸.

Переходя далее к важнейшему христианскому догмату Святой Троицы, о Григории Назианзине, не боясь преувеличения, можно сказать, что едва ли кто из отцов так глубоко проник в этот догмат и изложил его с такой ясностью и отчетливостью, как великий каппадокиец²⁰⁹. «Слова его, – говорит о нем архиепископ Филарет, – с изумительной точностью выражают боговдохновенные мысли о Триипостасном» Божестве²¹⁰. Вот, например, как кратко и ясно формулирует этот догмат Григорий: «Бог разделяется, так сказать, неразделимо и сочетается разделенно, потому что Божество есть единое в Трех и Едино суть Три»²¹¹. Но и Новый Богослов в этом отношении весьма близок к Назианзину и, быть может, даже ничуть не уступает ему. «Три Лица Божества, – читаем мы в одном месте у Симеона, – Единый есть Бог, Который разделяется нераздельно по Ипостасям и единится неслиянно по единности единого естества – весь Единый в Трех Ипостасях и весь Троимый в Пресущной Единости»²¹². Обращаясь после сего к первому Богослову и припоминая слова его о том, что *трие суть свидетельствующий на небеси: Отец, Слово и Снятый Дух, и Сии три едино суть* (1 Ин. 5:7)²¹³, должно спросить: у кого из евангелистов и апостолов можно найти более краткую и в то же время более точную формулировку приведенного догмата? Если бы даже вопрос о подлинности этих слов решать в отрицательном смысле, то и тогда следовало бы сказать, что они наилучшим образом выражают учение Иоанна о Святой Троице, потому что первое его Послание, и в особенности почти все его Евангелие, представляют собой полное

Слово 31 // Там же. Т. 1. С. 377). Но едва ли менее, если не более, такое же богословие развито и у преп. Симеона, который говорит, например: «Бог свет есть, и те, которые сподобляются узреть Его, все видят Его как свет, и те, которые прияли Его, прияли как свет... и без света Ему невозможно явить Себя» (*Преп. Симеон Новый Богослов. Слова. Вып. 2. С. 318*); или еще: «Бог есть свет, и свет беспредельный, и что в Боге, свет есть... Отец есть свет, Сын свет и Дух Святой свет, три – един Свет... и то, что от Бога, свет есть» и пр. (*Он же. Слова. Вып. 2. С. 106–107*). См. также: *Он же. Слова. Вып. 2. С. 51, 556; Divinorum amorum...*, cap. 3, 18, 32 ets. Col. 522C, 543AB, 582A-583BC.

²⁰⁷ См.: *Свт. Григорий Богослов. Слова 6, И, 23 // Свт. Григорий Богослов. Творение. Т. 1. С. 131, 169, 286 и др.* У преп. Симеона мы читаем: Бог «наименовался и есть самосушая и ипостасная Любовь» (*Преп. Симеон Новый Богослов. Слова. Вып. 2. С. 367; ср.: Divinorum amorum...*, cap. 40 ets. Col. 60 °C). И о Сыне Божиим святой отец говорит: «Христос есть совершенная любовь» (*Ibid.*, cap. 6. Col. 5181). Также и о Духе Святом он утверждает, что «Божественный Дух есть любовь» (*Ibid.*, cap. 27. Col. 536B, 539A). См. также у преп. Симеона: *Ibid.*, cap. 15, 17, 18, 20. Col. 529D, 530A, 534CD, 544C, 551C ets.

²⁰⁸ См.: *Преп. Симеон Новый Богослов. Слова. Вып. 1. С. 260; Вып. 2. С. 94–98; Divinorum amorum...*, cap. 17, 30, 31. Col. 539B, 575C, 578CD. Свт. Григорий Богослов, называя себя учеником и служителем Слова (см.: *Свт. Григорий Богослов. Слово 41; Стихотворение, в котором святой Григорий пересказывает жизнь свою // Свт. Григорий Богослов. Творения. Т. 1. С. 487; Т. 2. С. 209*), о Боге весьма часто говорит как о всецелом, великом и бесконечном Уме (см.: *Он же. Слова 3, 14, 18 // Там же. Т. 1. С. 49, 194, 224; Письмо 101. К пресвитеру Кледонию (Послание 3); Стихотворения богословские 1, 4, 5 // Там же. Т. 2. С. 483; 12, 16, 18 и др.*). Иоанна Предтечу Григорий называет не иначе, как гласом Слова и светильником Света (см.: *Он же. Слова 21, 28, 29, 38 // Там же. Т. 1. С. 261, 343, 362, 448 и др.*). И вообще, святой отец мыслит о Христе главным образом как о Слове Божиим (см.: *Он же. Слова 29, 30, 39 // Там же. Т. 1. С. 360, 374, 455 и др.*).

²⁰⁹ Недаром Святая Церковь называет Григория «таинником Троицы» и «Троическим богословом». См. службу на 25 января, 1-й тропарь 4-й песни первого канона и 4-й тропарь 8-й песни того же канона.

²¹⁰ «Посему-то, – замечает святитель, – и святой Дамаскин более чем кем-либо руководствовался [Григорием] Богословом в своем изложении веры» (*Архиепископ Филарет (Гумилевский). Историческое учение об отцах Церкви: В 3 т. СПб., 1859. Т. 2. С. 190–191 (далее – Филарет, архиеп. Историческое учение...)*). Ср.: *Свт. Григорий Богослов. Слово 40 // Свт. Григорий Богослов. Творения. Т. 1. С. 482*.

²¹¹ См.: *Свт. Григорий Богослов. Слова 39, 40 // Там же. Т. 1. С. 455–456, 482; Стихотворение, в котором святой Григорий пересказывает жизнь свою // Там же. Т. 2. С. 209*.

²¹² *Преп. Симеон Новый Богослов. Слова. Вып. 2. С. 104*. См. также: *Он же. Слова. Вып. 1. С. 260; Вып. 2. С. 72–74, 80; Divinorum amorum...*, cap. 19, 31, 32 ets. Col. 547A, 578BCD, 582BC.

²¹³ Проникновенный истолкователь Апостола любви, Новый Богослов уже в самом начале Евангелия Иоанна усматривает учение о Троице. Приведя первые пять стихов из пролога четвертого Евангелия, преп. Симеон утверждает: «Говоря так, Иоанн Богослов открывает таинство Нераздельной Троицы и Богом называет Отца, Словом – Сына, Жизнью – Духа Святого...» (*Преп. Симеон Новый Богослов. Слова. Вып. 2. С. 43*).

и точное раскрытие учения именно о равенстве, единосущии и нераздельности Лиц Святой Троицы, и главным образом Отца и Сына²¹⁴.

Обращаясь, наконец, к еще более частному догмату о Лице Христа, мы видим, что все сплошь Евангелие Иоанна доказывает истину о Божественном достоинстве Христа: оно для того и написано, чтобы люди уверовали, что *Иисус есть Христос, Сын Божий* (Ин. 20:31). Но с наименьшей выразительностью апостол Иоанн доказывает и ту истину, что Христос пришел во плоти и был совершенным человеком (Ин. 1:14; 1 Ин. 1:1–3; 5:6; Откр. 1:5, 18 и др.), и при этом с особенной силой и ревностью восстает против того, кто *не исповедует Иисуса Христа во плоти пришедша* (1 Ин. 4:2–3; 2 Ин. 1:7). Не удивительно, если и у последнего Богослова, преп. Симеона, жившего уже много позже несторианских и монофизитских споров, мы встречаем отчетливое и ясное учение о «двух совершенных естествах Божества и человечества, соединенных неслиянно и неизменно» во Христе²¹⁵. Но нельзя не удивляться тому, что и Григорий Богослов еще при самом возникновении христологических споров, своим проникновенным и глубоко созерцающим умом верно постигая истину, совершенно ясно и точно изложил православное учение о двух естествах во Христе Богочеловеке при единстве Его Ипостаси²¹⁶.

Рассматривая далее учение «трех Богословов» о мире, мы прежде всего должны оговориться, что будем говорить не о мире – космосе, но о мире как всей совокупности проявлений жизни падшего человека. В данном случае преп. Симеону, как строгому, самоуглубленному монаху-подвижнику, вполне естественно было высказать мрачный взгляд о суетности мира и всего находящегося в мире²¹⁷. Говоря, что «мир есть смерть»²¹⁸, и призывая людей любить и веровать во Единого Господа, святой отец учит ненавидеть мир сей и бежать от него²¹⁹. Однако и св. Григорий Богослов, чистая и святая душа которого постоянно стремилась в пустыню, к иному горнему миру, к безмолвию и созерцанию²²⁰, противопоставляя мир Христу, то есть Церкви Христовой²²¹ и жизнь мирскую жизни духовной²²², необычайно яркими чертами изображает суетность, непрочность и тленность всего находящегося в мире сем²²³ и таким образом подтверждает мысли Симеона. Наконец, и возлюбленный ученик Христов своим апостольским авторитетом утверждает нас в том взгляде на мир, который принято ныне считать узким и односторонним. Противопоставляя мир с его князем мира сего (Ин. 12:31; 14:30), мир, весь лежащий во зле (1 Ин. 5:19), не принимающий Духа Святого (Ин.

²¹⁴ См.: 1 Ин. 1:2; 2:23. В Евангелии от Иоанна см. особенно: 10:30; 14:7–11; 15:26; 16:13–15; 17:10–11, 21–23 и мн. др.

²¹⁵ Преп. Симеон Новый Богослов. Слова. Вып. 1. С. 261. Ср.: *Он же*. Там же. С. 202 и др. Преп. Симеон говорит, что Христос, воплотившись, показал в Своем Лице двоякое чудо – видимого и невидимого, держимого и недержимого (*Divinorum amorum...*, cap. 17. Col. 536C), и изумляется тому, как невидимый, неуловимый, непостижимый и неизменный Бог соделался видимым, доступным, осязаемым (*Ibid.*, cap. 13. Col. 526AB; cap. 15. Col. 530D–531A).

²¹⁶ См.: *Свт. Григорий Богослов*. Письмо 101. К пресвитеру Кледонию (Послание 3); О заветах и о пришествии Христовом // *Свт. Григорий Богослов*. Творения. Т. 2. С. 480; 29; Слова 3, 38, 40 // Там же. Т. 1. С. 34, 447–448, 478; Стихотворение, в котором святой Григорий пересказывает жизнь свою // Там же. Т. 2. С. 208 и др. Отцы Ефесского и Халкидонского соборов, доказывая истинность православного учения о Лице Иисуса Христа, приводили выдержки из сочинений Григория Богослова (см.: *Богословская энциклопедия*. Т. IV. Столб. 622–623).

²¹⁷ См.: *Divinorum amorum...*, cap. 35. Col. 587C.

²¹⁸ *Ibid.*, cap. 39. Col. 595B.

²¹⁹ См.: *Ibid.*, cap. 5. Col. 516C; cap. 6. Col. 518A; cap. 12. Col. 524D; Преп. Симеон Новый Богослов. Слова. Вып. 2. С. 28, 510, 563–565 и др.

²²⁰ См.: *Свт. Григорий Богослов*. Слова 3, 18, 20, 24 // *Свт. Григорий Богослов*. Творения. Т. 1. С. 29, 242, 254, 295; О малоценности внешнего мира; Стихи о самом себе; О суетности и неверности жизни // Там же. Т. 2. С. 119; 183; 281; *Виноградов*. Догматическое учение св. Григория Богослова // Там же. Т. 1. С. 654.

²²¹ См.: *Свт. Григорий Богослов*. Слово 3 // Там же. Т. 1. С. 44.

²²² См.: *Свт. Григорий Богослов*. Сравнение жизни духовной и жизни мирской // Там же. Т. 2. С. 85–90.

²²³ «Все здешнее, – говорит св. Григорий, – смех, пух, тень, призрак, роса, дуновение, перо, пар, сон, волна, поток, след корабля, ветер, прах» и пр. (*Свт. Григорий Богослов*. Стихотворение 16. О путях жизни // *Свт. Григорий Богослов*. Творения. Т. 2. С. 121 и др.).

14:17), ненавидящий и гонящий Христа и всех избранников Божиих (Ин. 7:7; 15:18–19; 17:14), противопоставляя этот мир Царству не от мира сего, Царству Господа и Христа Его (Ин. 18:36; Откр. 11:15; ср. Ин. 8:23; 14:27; 16:20; 1 Ин. 3:13; 4:4–5; 5:4–5), Апостол любви в конце концов так ясно учит: *Не любите мира, ни того, что в мире... Ибо все, что в мире, похоть плоти, похоть очей и гордость житейская...* (1 Ин. 2:15–16)²²⁴.

Касаясь учения о человеке, мы также найдем немало сходных черт, и прежде всего у двух Богословов – отцов Церкви. Как Григория, так и Симеона одинаково поражает дивное сочетание в человеке духа и плоти, ума с прахом плотским, сочетание земли, персти с Царским образом или с образом Божиим²²⁵. Будучи, с одной стороны, червем, тенью и прахом²²⁶, узником плоти, однодневной тварью, немощнейшим существом²²⁷, человек, однако, силой благодати Духа Святого, чрез сочетание со Христом (о чем особенно подробно говорит преп. Симеон)²²⁸ являясь обоженным, христоносным и богоносным, земным ангелом и небесным человеком, делается чадом, сыном и другом Божиим, братом и сонаследником Христу, малым светом и богом по благодати, имеющим ликовствовать окрест великого Света и соцарствовать с Богом²²⁹. Встречая и у Богослова-Апостола противоположение духа и плоти, рожденных от плоти и от Духа (Ин. 3:6; 6:63), мы находим у него особенно развитое учение о единении верующих с Богом и со Христом²³⁰ и изображение благодатно возрожденного и прославленного состояния рожденных от Бога чад Божиих²³¹. Проникновенным усвоением и развитием именно этих сторон учения Апостола любви особенно близким к нему является Симеон Новый Богослов.

Кроме этих основных черт, мы находим у «трех Богословов» и другие, более частные черты сходства. Если в 10-й главе Евангелия от Иоанна нарисован прекрасный образ доброго пастыря, знающего своих овец и полагающего за них душу свою (Ин. 10:1–14), то и Григорий Богослов, и в особенности преп. Симеон также прекрасно изображают нам идеал пастыря, высоту и ответственность пастырского служения²³². О тесной связи богословской системы Симеона с богословием *сына грома* (Мк. 3:17) говорит еще их одинаково настойчивое учение о любви как о важнейшей для христианина заповеди, являющейся необходимым усло-

²²⁴ Учению Иоанна Богослова о троякой похоти отвечает параллельное же учение Симеона Нового Богослова о трех основных страстях, которые он называет «узами мира». «Всякий человек, рождающийся в мир сей, – говорит преп. Симеон, – трем бывает раб страстям: сребролюбию, славолюбию и сластолюбию» (*Преп. Симеон Новый Богослов. Слова. Вып. 1. С. 208–209, 213 и след.*). Определяя отношение человека к собственному телу, к внешнему миру и к себе как личности, эти страсти или похоти действительно исчерпывают собой всю сумму возможных для человека в сем мире греховных отношений.

²²⁵ См.: *Свт. Григорий Богослов. Слова 3, 14, 20 // Свт. Григорий Богослов. Творения. Т. 1. С. 43, 53; 175, 177; 259; Он же. О душе // Там же. Т. 2. С. 26, 27; Divinorum amorum..., сар. 25. Col. 563A. Ср.: Преп. Симеон Новый Богослов. Слова. Вып. 2. С. 558.*

²²⁶ См.: *Divinorum amorum..., сар. 21, 29. Col. 554B, 571C–573BC.*

²²⁷ См.: *Свт. Григорий Богослов. Слово 24 // Свт. Григорий Богослов. Творения. Т. 1. С. 300; Он же. Стихотворения 5 и 15 // Там же. Т. 2. С. 20; 117, 180, 120.*

²²⁸ Когда души наши, по словам преп. Симеона, бывают девственны и чисты, тогда Бог Слово Отчее входит в нас, как в утробу Приснодевы (*Преп. Симеон Новый Богослов. Слова. Вып. 1. С. 395*). Тогда обоженный человек, нося в себе всего Христа (*Он же. Слова. Вып. 2. С. 10; Вып. 1. С. 305*) и являясь обителью Пресвятой Троицы (*Он же. Слова. Вып. 2. С. 59, 395*), бывает так тесно соединен со Христом, как Сын Божий с Отцом и Отец с Сыном, или, по другому сравнению, как муж с женой и жена с мужем (*Он же. Слова. Вып. 1. С. 387, 229, 385*). Это учение о единении душ человеческих со Христом преп. Симеон называет «таинством браков» (*Он же. Слова. Вып. 1. С. 394, 399*).

²²⁹ См.: *Свт. Григорий Богослов. Слова 2, 18, 30 // Свт. Григорий Богослов. Творения. Т. 1. С. 25, 245, 365; Он же. На лукавого; О бренности естества человеческого // Там же. Т. 2. С. 308, 113 и др.; Преп. Симеон Новый Богослов. Слова. Вып. 1. С. 174, 375–376; Вып. 2. С. 46, 67, 419, 369; Divinorum amorum..., сар. 21, 36. Col. 555ABC, 556D–557A, 590D–591A.*

²³⁰ Ин. 6:56; 14:20, 23; 15:1–6, 17, 11, 21; 1 Ин. 2:5–6; 3:6, 24; 4:12; Откр. 3:20; 7:15; 19:7 и др.

²³¹ Ин. 1:12–14; 10:34–35; 15:14; 1 Ин. 3:1–2, 9, 14; 5:18; Откр. 1:6; 3:5, 21; 22:5.

²³² См.: *Свт. Григорий Богослов. Слово 3 // Свт. Григорий Богослов. Творения. Т. 1. С. 28, 31, 34, 49; Преп. Симеон Новый Богослов. Слова. Вып. 2. С. 321–323, 378–380, 459–470; Divinorum amorum..., сар. 14. Col. 528A–529A.*

вием жизни в Боге²³³, неоднократно восхваляемой Симеоном в качестве главы добродетелей, госпожи и царицы их²³⁴. О той же связи Нового Богослова с новозаветным Тайнозрителем свидетельствует частое цитирование первым последнего и постоянное заимствование им своих излюбленных идей у Иоанна Богослова²³⁵. Что касается до отношения Григория Богослова к возлюбленному Апостолу, то здесь еще раз следует указать на то, что как у евангелиста Иоанна ключом богословия является учение о воплощении Бога Слова²³⁶, так и у Григория Назианзина его мысль в особенности обращена была к Предвечному Слову²³⁷. А близость между Григорием Богословом и преп. Симеоном, кроме всего вышесказанного, видна из того еще, что Новый Богослов с особенной любовью и чаще всех других отцов цитирует великого каппадокийца²³⁸. О ней говорит и то обстоятельство, что оба святых отца, как поэтически одаренные натуры, писали стихи и, таким образом, были не только богословами-проповедниками, но в то же время и христианскими поэтами²³⁹.

Такое близкое сходство у «трех Богословов» в решении ими важнейших вопросов богословия побуждает нас поискать причины этого сходства в личных свойствах и качествах трех этих мужей. Однако с первого взгляда мы больше, пожалуй, заметим различия в их индивидуальных чертах, чем сходства. И в самом деле, Иоанн Богослов, как самовидец Господа, как возлюбленный ученик Христов и избраннейший из избранных апостолов, является настолько великой и единственной в своем роде личностью, настолько яркой звездой, что в этом отношении сравнивать его нельзя не только с каким-либо отцом Церкви, но даже и с апостолом²⁴⁰. Великий каппадокиец – Григорий Назианзин, величайший из великих учителей христианства²⁴¹, пастырь и святитель, всю жизнь ревностно боровшийся за истину Православия, блестяще образованный по своему времени богослов-философ и красноречивый оратор²⁴², – также является своеобразной и почти неподражаемой величиной среди всех

²³³ Ин. 13:34; 15:12, 17; 1 Ин. 3:11, 16, 18, 23; 4:7, И, 19–21; 2 Ин. 1:5.

²³⁴ См.: *Преп. Симеон Новый Богослов*. Слова. Вып. 1. С. 206–207; Вып. 2. С. 5–7; *Divinorum amorum...*, cap. 17. Col. 537A, 538CD, 540D и др.

²³⁵ См. особенно: *Преп. Симеон Новый Богослов*. Слова. Вып. 1. С. 229, 247, 384, 482–485; Вып. 2. С. 70, 448–449 и др. Некоторые оригинальные мысли преп. Симеона – о том, например, что пришествие дня Господня и Суд будут только для грешников, а не для праведников, что одно явление Божественного Света будет уже судом для первых и прославлением для последних (*Он же*. Слова. Вып. 2. С. 35–37, 53, 319–320; Вып. 1. С. 412), что греховно падший человек утратил образ Божий и начал быть по образу и подобию диавола (*Он же*. Слова. Вып. 1. С. 251, 45), и пр., – являются не чем иным, как проникновенным комментарием и последовательным развитием соответствующих мест главным образом из Евангелия от Иоанна (см.: Ин. 3:18–21, 36; 5:24; 8:41, 44; ср. 1 Ин. 3:8, 10). Недаром поэтому некий панегирист Василий, говоря о Симеоне, восклицает: «Ὁποῖος δ' ἄλλος βροντῆς υἱὸς ὁράζῃ μετὰ τὸν πρῶτον τὸν μέγαν Ἰωάννην» (*Notitia* // PG. T. 120. Col. 308D); рус. пер.: «Какой еще иной из смертных являлся [равным] первому великому Иоанну?».

²³⁶ См.: *Богословская энциклопедия*. Т. VI. Столб. 821.

²³⁷ См.: *Филарет, архиеп.* Историческое учение... С. 190.

²³⁸ В двух выпусках «Слов» преп. Симеона мы насчитали восемь случаев, когда Новый Богослов ссылается на Григория Богослова, например: Вып. 1. С. 55, 389, 429–430; Вып. 2. С. 27, 53 и др., тогда как Василия Великого и Иоанна Златоуста Симеон цитирует только по два раза, всех же почти других упоминаемых им отцов – только по разу.

²³⁹ Григорий Богослов написал до 408 стихотворений (см.: *Виноградов Н., свящ.* Догматическое учение св. Григория Богослова // *Свт. Григорий Богослов*. Творения. Т. 1. С. 157; см. еще исследование Говорова «Св. Григорий Богослов как христианский поэт»), представляющих собой, по словам Фаррара, «исповедь прекрасного духа, вздохи святой души, которая ни в чем не может находить себе удовлетворения, кроме как в своем Боге» (*Фаррар*. Жизнь и труды... С. 557–558). И преп. Симеон, по свидетельству упомянутого панегириста, сложил стихов числом 10 752 (*Notitia*. Col. 309C). Это стихи политические, ямбические и анакреонтические. Ими главным образом и написаны те «Божественные гимны» Симеона (*Ibid.* Col. 303A), которые мы весьма часто цитируем здесь по изданию Миня (в латинском переводе надписанные: *Divinorum amorum...*). Эти гимны полны высоких созерцаний и самых чистых и возвышенных излияний святой и пламенно любящей Бога души.

²⁴⁰ См. исследование иеромонаха (ныне епископа) Евдокима [(Мещерского)]: *Иеромонах Евдоким*. Святой апостол и евангелист Иоанн Богослов. Сергиев Посад, 1898. С. 11, 125.

²⁴¹ См.: *Говоров А. В.* Св. Григорий Богослов как христианский поэт // *Свт. Григорий Богослов*. Творения. Т. 2. С. 571.

²⁴² См.: *Виноградов Н., свящ.* Догматическое учение св. Григория Богослова // *Свт. Григорий Богослов*. Творения. Т. 1. С. 676, 680, 166–168.

отцов Церкви. Что касается до Симеона Нового Богослова, то и он представляет из себя весьма оригинальную и выдающуюся личность, но совсем в другом роде – как самоуглубленный аскет, весьма строгий монах, величайший мистик, глубокий созерцатель и оригинальный богослов-проповедник²⁴³. Но при всем этом указанные различия и своеобразность «трех Богословов» являются внешними, обусловленными главным образом разнообразием их служений и положений, но отнюдь не внутренним различием душевных качеств. В этих именно качествах мы, напротив, видим у них глубокое сродство и полное сходство.

Общими для всех «трех Богословов» являются следующие черты. Во-первых, полная отрешенность от мира, от всего временного, земного, неудовлетворенность настоящим и обращенность к небу, к будущему, духовному, вечному, как бы всегдашний полет в мир горний, в мир таинственной Истины и бесконечной Любви. Недаром символом Иоанна Богослова как евангелиста является парящий орел. Черта эта настолько характерна для всех «трех Богословов», что они еще при жизни были более небожителями, чем обитателями земли²⁴⁴.

Второй отличительной чертой наших Богословов являются чистота и девственность души, цельность натуры и высокое благородство нрава. Это такие качества, которые присущи не только возлюбленному ученику и великому Богослову, но в такой же почти мере и двум другим Богословам²⁴⁵. Наконец, третьей общей чертой для «трех Богословов» являются несокрушимая вера, всецелая преданность Богу и горячая, пламенная любовь ко Христу. Эта любовь привлекла к апостолу Иоанну преимущественную любовь Господа, сделала его возлюбленным учеником и наперсником Спасителя и удостоила усыновления Богоматери (Ин. 19:26–27). Изображая эту любовь сына Зеведеева ко Христу Иисусу, М. Д. Муретов говорит: «Христос составлял центр, основу и светоч всего духовного и физического существа Богослова. Христос был для Иоанна все: начало, конец, середина универсума – альфа и омега

²⁴³ См.: Kurtz J.H. Handbuch der allgemein Kirchengeschichte. Mitau, 1858. Bd. I, Abth. 3. S. 132 (далее – Kurtz. Handbuch...); Holl K. Enthusiasmus und Bussgewalt beim griechisch. Monchtum. Eeipzig, 1898. S. 36 (далее – Roll. Enthusiasmus...); Krumbacher K. Geschichte der Byzantinischen Eitteratur. Munchen, 1897. S. 152; Аникеев П. Мистика преп. Симеона Нового Богослова. С. 126–127, 132.

²⁴⁴ Иоанн Златоуст говорит об Апостоле любви: «Вещает муж с небес и издает глас сильнее грома» (Творения святого отца нашего Иоанна Златоуста, архиепископа Константинопольского, в русском переводе: В 12 т. СПб., 1895–1906. Т. 8. С. 6; ср.: С. 8; далее – *Свт. Иоанн Златоуст*. Творения). Ср.: *Августин, блж.* Творения. Ч. 10. Киев, 1906. С. 6, 9 (далее – *Августин, блж.* Творения). См. также: Муретов М. Д. Подлинность бесед и речей Господа в четвертом Евангелии. Оттиск из «Православного обозрения» за 1881 год. С. 22–24; *Иеромонах Евдоким*. Святой апостол и евангелист Иоанн Богослов. С. II–IV, 140. В последней книге между прочим говорится об Иоанне Богослове: «Он как бы был на самом небе и с неба, как бы небожитель, вещал о Боге и жизни небесной» (с. 144). См. также: Богословская энциклопедия. Т. VI. Столб. 821. Такими же чертами обладал и свт. Григорий Богослов, что видно из его творений (см.: *Свт. Григорий Богослов*. Слова 18, 20, 33 // *Свт. Григорий Богослов*. Творения. Т. 1. С. 242, 254, 412; Стихотворение, в котором святой Григорий пересказывает жизнь свою // Там же. Т. 2. С. 232). «Моя жизнь в ином мире», – говорит однажды Григорий (Свт. Григорий Богослов. Стихотворение 1. Стихи о самом себе // *Свт. Григорий Богослов*. Творения. Т. 2. С. 183). Что и преп. Симеон отличался теми же качествами, ясно уже из того, что он ушел из мира и, предавшись полному уединению, был в истинном смысле слова монахом (см. в вып. I «Слов» Симеона житие его. С. 4–6, 9, 14, 19; см. также: *Divinorum amorum...*, cap. 19. Col. 545BCD–546A). Монах Иерофей говорит, что Симеон поставил себя выше земного: «...ἀνώτερον ζεντα σε των ευκόσμιων» (Notitia // PG. T. 120. Col. 307B). А по словам другого панегириста, вышеупомянутого Василия, он, совершенно удалившись умом от вещественного пристрастия к земному, представил себя Богу в жилище: «Καὶ τῆς προσβλῶν προσπαζείας των κάτω το του νοος φρόνημα πάντῃ χωρίσας θεωπαρέσχες σαυτὸν εἰς κατοικίαν» (Ibid. Col. 309A).

²⁴⁵ Характеристику Иоанна Богослова с этой стороны см. в цитируемом сочинении Муретова (с. 26–27); в Богословской энциклопедии (т. VI, столб. 820). Церковное предание и литургическая письменность вместе с другими наименованиями усваивают Апостолу любви и наименование девственника. См., например, службу на 26 сентября, стихире после Евангелия и др. Чистота и девственность для Григория Богослова были особенно излюбленными и часто восхваляемыми им добродетелями. Они же, конечно, осуществлены были им и в жизни (см.: *Свт. Григорий Богослов*. Слова 8, 37 // *Свт. Григорий Богослов*. Творения. Т. 1. С. 152, 436; *Он же*. Плач о страданиях души своей; Похвала девству // Там же. Т. 2. С. 301; С. 49–65 и др.). По словам церковных песнопений, Григорий избрал себе супружницей и споспешницей боговидную чистоту и целомудрие, которыми он был украшен в жизни (см. службу на 25 января, 2-й тропарь 3-й песни второго канона и 4-й тропарь 6-й песни первого канона). О преп. Симеоне мы читаем у его панегиристов, что он, поставив целью своих подвигов всесовершенное очищение чувств (Notitia // PG. T. 120. Col. 309C), действительно очистился душою, разумом, умом и мыслями (Ibid. Col. 307D).

всего бытия»²⁴⁶. А Григорий и Симеон сами с замечательной силой и выразительностью свидетельствуют о своей любви ко Христу. «Я люблю Христа, – говорит Григорий Богослов, – не знаю меры в сей любви и хвалюсь ею»²⁴⁷. «Христе Царю! – восклицает он однажды. – Ты – мое отечество, моя крепость, мое блаженство, мое все!»²⁴⁸ «Я уязвлен любовью к Нему, – заявляет преп. Симеон, – и доколе не получил Его, сокрушаюсь духом и истаеваю...»²⁴⁹ «Я стараюсь ненасытно любить, – говорит о той же любви преподобный, – я принуждаю свою природу любить и выше природы»²⁵⁰. «Оставьте меня одного, – умоляет святой отец, – я не хочу более видеть свет мира сего, ибо я вижу Господа моего... позвольте мне не только запереть келлию и сидеть внутри ее, но если даже я, вырывши яму, сокроюсь там и буду проводить жизнь вне всего мира, созерцая бессмертного Создателя и Господа, желая умереть из-за любви к Нему...»²⁵¹

II

Анализируя сходные черты в учении «трех Богословов», мы опустили у них еще одну наиболее интересную для нас сторону. Это именно идеальное изображение богослова и богословствования. Опускание это сделано нами умышленно, дабы обследовать эту сторону более обстоятельно.

Итак, обратимся прежде всего к Григорию Богослову, которым сделано отчетливое изображение идеального богослова, ввиду того что в его время крайне злоупотребляли высоким именем и делом богослова. «Любомудрствовать о Боге можно не всякому... – заявляет великий святитель. – Это приобретается не дешево и не пресмыкающимися на земле!»²⁵² Пока не преодолено в человеке вещественное и не очищены слух и мысли, небезопасно вдаваться в богословствование²⁵³. Говоря с иронией о производящих «в один день» в богословы и делающихся богословами²⁵⁴, св. Григорий с силой восстает против тех, которые «составили из нечестия науку»²⁵⁵ и христианское учение – это «великое наше таинство» – пытаются обратить «в низкое ремесло»²⁵⁶. В противовес таким ложным богословам Григорий, по его собственному фигуральному выражению, как бы изваяние, иссекает идеального богослова во всей его красоте²⁵⁷. «Хочешь ли со временем стать богословом?... – спрашивает святой отец и сам же отвечает: – Соблюдай заповеди и не выступай из повелений. Ибо дела, как ступени,

²⁴⁶ Муретов. Подлинность бесед и речей Господа... С. 27. «Из всех апостолов, – читаем мы там же, – только один Иоанн с первого момента знакомства с Иисусом на берегах Иордана и до Голгофы и вознесения Христа на небо ни на минуту не сомневался в своем Учителе и ни разу не колебался в своей вере в Него».

²⁴⁷ Свт. Григорий Богослов. Слово 24 // Свт. Григорий Богослов. Творения. Т. 1. С. 295.

²⁴⁸ Свт. Григорий Богослов. К себе самому. В вопросах и ответах // Там же. Т. 2. С. 294. Ср.: Он же. Плач и моление ко Христу // Там же. Т. 2. С. 304; Стихотворение, в котором святой Григорий пересказывает жизнь свою // Там же. Т. 2. С. 199. Или вот еще замечательные фразы святого пастыря: «Забота моя о Тебе единственно, моя Троица!», «...Которой и неясные тени приводят меня в восторг» (Он же. Стихотворение, в котором святой Григорий пересказывает жизнь свою // Там же. Т. 2. С. 231, 233; ср.: Он же. На безмолвие во время поста // Там же. Т. 2. С. 284 и др.). Уже в двух этих словах – «моя Троица» – выражена вся несокрушимость веры св. Григория, его беззаветная преданность и любовь к Богу.

²⁴⁹ Divinorum amorum..., cap. 16. Col. 533C. Ср.: Ibid., cap. 21, 29. Col. 556A, 572D.

²⁵⁰ Ibid., cap. 20. Col. 552AB. Ср.: Ibid., cap. 26. Col. 563D.

²⁵¹ Ibid., cap. 19. Col. 545BD-546A.

²⁵² Свт. Григорий Богослов. Слово 27 // Свт. Григорий Богослов. Творения. Т. 1. С. 328.

²⁵³ См.: Свт. Григорий Богослов. Слово 20 // Там же. С. 328.

²⁵⁴ См.: Свт. Григорий Богослов. Слово 27 // Там же. С. 331.

²⁵⁵ Свт. Григорий Богослов. Слово 21 // Там же. С. 265.

²⁵⁶ Свт. Григорий Богослов. Слово 27 // Там же. С. 327.

²⁵⁷ См.: Там же. С. 330.

ведут к созерцанию»²⁵⁸. «Восходи посредством дел»²⁵⁹, потому что к Богу мы приближаемся жизнью и делами²⁶⁰. «Любомудрствовать о Боге, – говорит еще святитель, – способны... люди, испытавшие себя, которые провели жизнь в созерцании, а прежде всего очистили, по крайней мере очищают, и душу и тело»²⁶¹. Богослову «должно быть, сколько можно, чистым, чтоб свет приемлем был светом»²⁶². Наконец, для богослова безусловно необходимо еще «иметь руководителем Духа» Святого²⁶³, потому что «при одном содействии» Его «и можно только о Боге и мыслить, и говорить, и слушать»²⁶⁴. Итак, очищение себя, соблюдение заповедей, созерцание и руководство Духа Святого, возможное, конечно, только в Церкви, – вот необходимые условия для того, чтобы стать богословом.

Если таков должен быть богослов, то и на дело богослова – на богословствование – св. Григорий Назианзин смотрит так же высоко. Ведение Бога, говорит Григорий, есть совершеннейшее из всего существующего²⁶⁵. Будущее блаженство, по мысли святого отца, будет состоять не в чем ином, как в совершенном познании Троицы²⁶⁶. Истинное богословие²⁶⁷ настолько неразрывно соединено для Григория с деятельной верой, с христианской жизнью в лоне Православной Церкви, что он не разделяет их даже и в мыслях. Поэтому православное богословие везде он называет «благочестием»²⁶⁸, которое противопоставляет злочестию и нечестию или богохульству²⁶⁹, разумея при этом ариан и других современных ему еретиков и их «излишнее, сладкоречивое и ухищренное богословствование»²⁷⁰. Себя же святой отец называет «недерзновенным богословом»²⁷¹, который всякий раз, когда говорит о Боге, имеет «трепетный язык, и ум, и сердце»²⁷². А о богословии своем Григорий замечает, что он излагает его «по способу рыбарей, а не Аристотеля, духовно, а не хитросплетенно, по уставам Церкви, а не торжища, для пользы, а не из тщеславия»²⁷³.

Обращаясь к преп. Симеону Новому Богослову, мы видим, что идеал богослова и условия для богословствования рисуются у него в тех же чертах, что и у Григория, только более подробно. По словам преп. Симеона, ведение Бога в Троице есть жизнь²⁷⁴. Отсюда ясна важность богословия как истинного боговедения. А как высоко смотрел Симеон на богослова, видно из того, что богословствующий, по его представлению, это тот, кто находится как бы

²⁵⁸ Свт. Григорий Богослов. Слово 20 // Там же. С. 259.

²⁵⁹ Там же.

²⁶⁰ Там же. С. 254.

²⁶¹ Свт. Григорий Богослов. Слово 27 // Там же. С. 328.

²⁶² Свт. Григорий Богослов. Слово 28 // Там же. С. 333. Ср.: Он же. Слово 20 // Там же. С. 254.

²⁶³ Свт. Григорий Богослов. Слово 31 // Там же. С. 391.

²⁶⁴ Свт. Григорий Богослов. Слово 3 // Там же. С. 38.

²⁶⁵ См.: Свт. Григорий Богослов. Слово 20 // Там же. С. 259.

²⁶⁶ См.: Свт. Григорий Богослов. Слово 33 // Там же. С. 415.

²⁶⁷ Термин «богословие» имеет у Григория, как и у многих других отцов Церкви, весьма узкий смысл. Св. Назианзин обозначает им учение о Боге в тесном смысле, не включая сюда даже и учения о Домостроительстве нашего спасения (см.: Свт. Григорий Богослов. Слова 31, 38 // Свт. Григорий Богослов. Творения. Т. 1. С. 387, 445 и др.). Кстати сказать, в этом отношении и нам необходимо возвратиться поближе к временам Григория Богослова, потому что в настоящее время и понятие «богословие», и самое звание «богослов» сделались настолько расплывчатыми и неопределенными, что ими означаются часто вещи и лица, совершенно далекие от истинного значения этих слов.

²⁶⁸ Святой отец говорит, например, о «слове благочестия», о «речениях благочестия» и пр. См.: Свт. Григорий Богослов. Слова 3, 28 // Свт. Григорий Богослов. Творения. Т. 1. С. 40, 333. Ср.: Он же. Слова 3, 20 // Там же. С. 38, 256 и др.

²⁶⁹ См.: Свт. Григорий Богослов. Слово 21 // Там же. С. 275.

²⁷⁰ Свт. Григорий Богослов. Слово 21 // Свт. Григорий Богослов. Творения. Т. 1. С. 265.

²⁷¹ Свт. Григорий Богослов. Слово 20 // Там же. С. 259.

²⁷² Свт. Григорий Богослов. Слово 39 // Там же. С. 455.

²⁷³ Свт. Григорий Богослов. Слово 22 // Там же. С. 283.

²⁷⁴ См.: *Divinorum amorum...*, cap. 1. Col. 515B.

в царских палатах, близ Самого Царя – Бога и беседует с Ним²⁷⁵. Поэтому-то святой отец и говорит: «Удивляюсь я тем... которые прежде рождения от Бога... не трепещут богословствовать и беседовать о Боге. Когда слышу, как многие... будучи исполнены грехов, богословствуют о Боге... без благодати Святого Духа... трепещет, ужасается и некоторым образом из себя выходит дух мой»²⁷⁶. «Что может быть нечистее того, – восклицает Симеон, – кто... покушается учить и тех, яже Духа суть, без Духа? И что сквернее того, кто... приступает богословствовать с одним лжеименным знанием и внешней мудростью?»²⁷⁷ Прицкая современных ему легкомысленных богословов, занимавшихся богословием не для пользы духовной и извращавших своими мудрованиями догмат Святой Троицы, святой отец называет их «суесловами и нескладными богословами», противопоставляя им апостола Иоанна как самого глубокого Богослова²⁷⁸.

Но какие же условия необходимы для истинного богословствования? Мы видели уже, что преп. Симеон упомянул о благодати Святого Духа как необходимейшем условии для этого. Для получения же благодати необходимо сперва чрез покаяние²⁷⁹, разгоняющее наше неведение, очистить свое сердце²⁸⁰. «Прежде надобно очистить сосуд от всякой скверны, – говорит Симеон, – и потом вложить в него миро»²⁸¹. Но помимо этого необходима еще вера, ради которой Бог дает нам ведение²⁸², и соблюдение заповедей²⁸³ или добродетели, коими также открывается нам дверь ведения²⁸⁴. Или, говоря образным языком Симеона, должно сперва положить основание веры и создать из добродетелей дом внутреннего благочестия души, чтобы возложить потом на него кровлю – ведение Бога²⁸⁵. Невозможно, говорит святой отец, чтобы не исполняющий заповедей Божиих «верно возвещал божественные догматы и богословствовал»²⁸⁶. Соблюдающий же заповеди и тем доказывающий свою любовь к Богу облачается благодатью Святого Духа²⁸⁷, Который «отверзает ум наш» и «всему научает» нас²⁸⁸. Благодать Божия – этот сокровенный и умный свет – так же необходима для духовного ведения, по словам Симеона, как чувственный свет для того, чтобы видеть видимые твари

²⁷⁵ См.: *Преп. Симеон Новый Богослов*. Слова. Вып. 2. С. 552.

²⁷⁶ Там же. Ср.: *Divinorum amorum...*, сар. 37. Col. 593C и след.

²⁷⁷ *Преп. Симеон Новый Богослов*. Слова. Вып. 2. С. 85.

²⁷⁸ См.: Там же. С. 76, 79.

²⁷⁹ Если мы не разорим между нами и Богом стену грехов наших, говорит Симеон, «то не только Бога не возможем познать, но и не познаем даже и того, что мы человеки» (*Преп. Симеон Новый Богослов*. Слова. Вып. 2. С. 84).

²⁸⁰ См.: Там же. С. 86.

²⁸¹ *Преп. Симеон Новый Богослов*. Слова. Вып. 1. С. 89. Ср.: *Он же*. Вып. 2. С. 329–330, 560–561. Сын Божий не для того пришел, учит святой отец, чтобы богословствовали, но «да разрушит дела диавола», то есть грехи. В ком они будут разрушены, «тому можно верить и тайны богословия и православных догматов» (*Он же*. Слова. Вып. 1. С. 89–90).

²⁸² См.: *Преп. Симеон Новый Богослов*. Слова. Вып. 2. С. 82.

²⁸³ «Иного способа к тому, чтобы Бог открылся в ком-либо, – говорит святой отец, – не может быть, кроме точного исполнения заповедей Его» (*Преп. Симеон Новый Богослов*. Слова. Вып. 2. С. 101).

²⁸⁴ См.: *Преп. Симеон Новый Богослов*. Слова. Вып. 1. С. 444. Ср.: *Он же*. Слова. Вып. 1. С. 446–447; *Divinorum amorum...*, сар. 20. Col. 551A и др.

²⁸⁵ См.: *Преп. Симеон Новый Богослов*. Слова. Вып. 2. С. 343.

²⁸⁶ *Преп. Симеон Новый Богослов*. Слова. Вып. 1. С. 91.

²⁸⁷ См.: Там же. С. 173–174. Путь для получения благодати Святого Духа более подробно описывается у преп. Симеона в таких чертах: вера, возрастая, восходит в любовь (см.: *Преп. Симеон Новый Богослов*. Слова. Вып. 2. С. 82–83); также и добродетели приводят к любви, потому что когда они бывают все вместе, тогда, по словам Симеона, среди них, как древо, произрастает страх Божий, который приносит иной, совершенно новый плод – любовь (см.: *Divinorum amorum...*, сар. 17. Col. 535BCD). А любовь уже и есть Божественный Дух и Христос (см.: *Ibid.* Col. 536B; сар. 6. Col. 518D). Таким образом, страх Божий, как начало премудрости, является одним из посредствующих условий для стяжания боговедения. То же мы видим и у Григория Богослова (см.: *Преп. Симеон Новый Богослов*. Слова. Вып. 1. С. 322; Вып. 2. С. 27; *Divinorum amorum...*, сар. 5 ets. Col. 517B; *Свт. Григорий Богослов*. Слова 21, 39 // *Свт. Григорий Богослов*. Творения. Т. 1. С. 262, 454).

²⁸⁸ См.: *Преп. Симеон Новый Богослов*. Слова. Вып. 2. С. 70; *Divinorum amorum...*, сар. 31. Col. 579A. Ср.: *Divinorum amorum...*, сар. 20. Col. 550D–551A; *Он же*. Слова. Вып. 2. С. 83.

или читать книги²⁸⁹. Или как без солнечной теплоты не может созреть плод земной, так и без молитвы, без благодати, без теплоты умного Солнца – Христа – невозможно получить зрелого плода духовного от чтения Священного Писания²⁹⁰, то есть от всякого вообще теоретического богословствования. Силой же веры и благодати ум наш, поврежденный грехом и больной, очищаясь, делается здоровым²⁹¹, соединяется с Богом, со Христом²⁹² и постигает истину²⁹³.

Итак, если ты примешь Христа в себя, говорит преп. Симеон, то, не припадая к персям Спасителя, как Иоанн, «но имея внутри персей своих все Слово Божие, будешь ты богословствовать богословие новое и ветхое и добре поймешь все богословия»²⁹⁴. Имея в себе Бога – вдохновителя Писаний, ты «сам... будешь вдохновенной книгой, носящей новые и древние тайны»²⁹⁵. Без соединения же с Богом, без просвещения божественной благодатью никакая добродетель не доставит нам «слова премудрости, или знания, или рассуждения», потому что все добродетели – только путь к свету, а не самый свет²⁹⁶: никакая мудрость мира не сообщит нам истинного знания и понимания Божественных Писаний²⁹⁷. А в этом именно понимании и заключается, без сомнения, основа для всякого богословия. Если бы кто, выучив наизусть Священное Писание, все его имел как бы в устах²⁹⁸, то и тогда без благодатного откровения Духа Святого оно было бы для него закрытой и запечатанной книгой или являлось бы полным неизреченного богатства, но крепко-накрепко замкнутым сундуком, которого нельзя открыть никакой человеческой мудростью²⁹⁹. Итак, для того, чтобы богословствовать, по словам Симеона, надо прежде перейти от смерти в жизнь, приять семя Бога Живого – благодать Святого Духа, родиться духовно, стать чадом Божиим – и тогда уже беседовать о Боге³⁰⁰. Резюмируя же все вышеизложенное, следует сказать, что для истинного богословствования, по учению преп. Симеона, необходима высоконравственная, добродетельная жизнь в благодатной атмосфере Церкви и ее таинств.

²⁸⁹ См.: *Преп. Симеон Новый Богослов*. Слова. Вып. 1. С. 83, 222–223. Ср.: *Divinorum amorum...*, cap. 21. Col. 558B.

²⁹⁰ См.: *Преп. Симеон Новый Богослов*. Слова. Вып. 1. С. 75, 76.

²⁹¹ См.: Там же. С. 147–148, 174. Не обладающие же здоровым умом, по словам Симеона, «не имеют чувств и рассуждения для различения даже дел человеческих» (*Он же*. Слова. Вып. 2. С. 326).

²⁹² См.: *Преп. Симеон Новый Богослов*. Слова. Вып. 1. С. 173. Ср.: *Divinorum amorum...*, cap. 89.

²⁹³ См.: *Divinorum amorum...*, cap. 307. Истина, говорит здесь Симеон, утерянная нами чрез грехопадение, «в слове Божиим содержится и благодатью Христовой постигается. Благодать во Христе Иисусе своей недомыслимой силой раздробленные и многосплетенные воззрения упростила, исправила и объединила некоторым, как бы физическим и непоколебимым, единством, показав тем, что все другие к тому способы недействительны, непрактичны и бесполезны».

²⁹⁴ *Преп. Симеон Новый Богослов*. Слова. Вып. 2. С. 366–367.

²⁹⁵ Там же. С. 551.

²⁹⁶ Там же. С. 455.

²⁹⁷ Читать Божественное Писание «в нашей состоит власти, – говорит святой отец, – то же, чтобы понимать читаемое, есть дело благодати Божией» (*Преп. Симеон Новый Богослов*. Слова. Вып. 1. С. 75). Оттого только немногие из людей могут правильно разуместь смысл Божественных Писаний, прочие же при толковании постоянно ошибаются (*Он же*. Слова. Вып. 2. С. 525). Поэтому, предостерегает Симеон, «не следует никому прежде причастия Божественной благодати восходить на учительскую кафедру... так как из мудрых в слове, но не принявших Божественной благодати иные сделались начальниками ересей, другие побеждены были словами еретиков» (*Он же*. Слова. Вып. 1. С. 466).

²⁹⁸ Полагающие надежду своего спасения в одном изучении Писания, по словам Симеона, будут осуждены еще более других. См.: *Преп. Симеон Новый Богослов*. Слова. Вып. 1. С. 445.

²⁹⁹ См.: *Преп. Симеон Новый Богослов*. Слова. Вып. 1. С. 442–444, 446–447. Если бы «познание истинной премудрости и боговедения» подавалось посредством «внешней премудрости, то для чего бы, – спрашивает преп. Симеон, – требовалась вера? или Божественное Крещение? или Причастие Святых Тайн?» (*Он же*. Слова. Вып. 2. С. 328).

³⁰⁰ См.: *Преп. Симеон Новый Богослов*. Слова. Вып. 2. С. 92–93. Не просвещенным же благодатью, по строгому взгляду святого отца, нельзя не только богословствовать и учить других, но «не позволено даже читать Божественные Писания», тем более входить в храм и стоять с верными; по апостольским правилам, им должно стоять за дверями храма, как оглашенным (Там же. С. 334–335, 453).

Но найдем ли мы что-либо подобное у Иоанна Богослова? Правда, у него нет изображения идеального богослова и богословствования, но, однако, никто иной из новозаветных писателей, как именно он – Апостол любви, так ясно и полно развил ту теорию богопознания, которую мы видели у Григория и Симеона. «Апостол Иоанн, – читаем мы в одном месте о нем, – не допускает никакой противоположности между теоретическим и практическим, знанием и делом, верой и жизнью. Одно интеллектуальное познание истины (с его точки зрения) не имеет никакого значения»³⁰¹. И в самом деле, в Евангелии Иоанна Христос Спаситель говорит, что познание единого истинного Бога и посланного Им Сына Божия есть уже *жизнь вечная* (Ин. 17:3), что истину Его учения познает только тот, кто хочет творить волю Божию (Ин. 7:17); а в Посланиях Иоанна не об изучении истины говорится, но о «хождении во истине» (2 Ин. 1:4; 3 Ин. 1:3) и о том, что согрешающий не видел Бога и не познал Его (1 Ин. 3:6; ср.: 3 Ин. 1:11). Что касается частных условий богопознания, то, по Иоанну Богослову, для него прежде всего необходима вера как основание (Ин. 7:38; ср.: Ин. 5:38; 3:36; 6:47; 17:3), затем очищение (1 Ин. 3:3) и главным образом любовь (1 Ин. 4:7–8; ср.: 2 Ин. 1:3), неразрывно связанная с соблюдением заповедей и проявляющаяся в нем³⁰². Чрез соблюдение заповедей дается познание истины и боговедение (Ин. 8:31–32; 1 Ин. 2:3–4). Но не непосредственно, а чрез особое «священие» во истину (Ин. 17:17–19), чрез рождение от Бога (Ин. 1:12–13), чрез пребывание в Боге во Христе (Ин. 17:21, 23; 1 Ин. 2:5; 3:6; 4:12–13 и др.), Который есть свет истинный, просвещающий всякого человека (Ин. 1:9). Он именно есть путь, истина и жизнь (Ин. 14:6), и Он дал нам свет и разум (1 Ин. 5:20). Наконец, познание истины, по писаниям Иоанна, дается чрез благодать Христову (Ин. 1:17) или чрез Утешителя – Духа истины (Ин. 14:17; 15:26; 1 Ин. 5:6), Который научает нас всему и наставляет на всякую истину (Ин. 14:26; 16:13). Это и есть то истинное и неложное «помазание», пребывающее в котором человек не требует, чтобы кто учил его (1 Ин. 2:20–21, 27).

Вот как согласно говорят об условиях истинного боговедения и в каких сходных чертах изображают нам идеального богослова все наши «три Богослова». Богословие, таким образом, по их представлению, есть не свободная профессия, которую легко можно взять на себя кому угодно и так же легко и бросить. Богословствование есть «путь религиозно-нравственного опыта – путь трудный, требующий нравственного подвига и самоотвержения»³⁰³. Чтобы стать богословом, недостаточно поступить в духовную школу, обучиться в ней наукам и получить соответствующий диплом. При всем этом необходимо еще опытно пройти богословское знание – верой, жизнью, делами, необходимо личным подвигом углубить это знание и чрез благодатное озарение Духа Святого одухотворить и оживотворить его.

После того, что сейчас сказано, невольно напрашивается вопрос: приложим ли этот идеал к современному богослову? Если все дело сводится к добродетельной жизни, то нужно ли при этом еще научное богословствование? В ответ на это надо сказать: доколе мы живем в теле и наше богопознание является *якоже зеркалом в гадании* (1 Кор. 13:12), доколе существуют ереси и разномыслия и доколе не все пришли *в единство веры и познания Сына Божия* (Еф. 4:13), до тех пор необходимы будут и наука, и научное богословие. Доказательство этого мы видим почти у всех отцов и учителей Церкви, которые в целях апологетических и полемических пользовались философией, диалектикой, естествоведением и всеми доступными им научными методами и средствами для защиты и утверждения христианской истины. И один из наших «трех Богословов» – Григорий Назианзин – высказывает со своей

³⁰¹ Богословская энциклопедия. Т. VI. Столб. 820.

³⁰² Ин. 14:15, 21, 23–24; 1 Ин. 5:3 и др. И наоборот, соблюдение заповедей является необходимым условием для пребывания в любви Божией (Ин. 15:9–10).

³⁰³ Религиозно-философская библиотека. Вып. 26. М., 1912. Нравственные условия богопознания. С. 44–45.

стороны весьма высокое уважение к образованию и науке³⁰⁴. Вообще отцы Церкви отдавали науке известную дань внимания и уважения, но не как самоцели, каковой не по праву наука желает стать ныне, не как самостоятельной ценности, но как хорошему средству, которым можно и должно пользоваться для хороших, конечно, целей.

Таким образом, не о необходимости научного богословия надо говорить, а о безусловно необходимом сочетании веры и жизни с задачами этого богословия. Стоя на уровне современной науки и отвечая потребностям времени и Церкви, ныне еще более обуреваемой еретическими, рационалистическими и атеистическими учениями, современный богослов в то же время должен стремиться к воплощению в себе того идеала, который так ясно начертан у «трех Богословов»³⁰⁵. Отступление от этого идеала ведет к саморазложению богословия, делает его мертвым, безжизненным, схоластичным, обращает богословие в чисто рационалистическое, мнимое знание, а богослова лишает живой души и, создавая для него фальшиво-противоречивое положение, превращает его в того, против кого всякому богослову необходимо направлять свое оружие. Оторвавшись от здоровой церковной жизни и не сдерживаемая никакими внешними авторитетами, значительнейшая часть западной протестантской богословской науки пришла уже к полному саморазложению: богословие там, можно сказать, сделалось антибогословием и своими собственными руками вырыло себе могилу³⁰⁶, тогда как эпоха непосредственной живой связи богословской науки с благодатной жизнью Церкви, «века великих образцов нравственного совершенства были в то же время золотыми веками в истории христианского просвещения, веками особенно широкого развития христианского богословия»³⁰⁷.

Заканчивая настоящий очерк, мы снова обратим свои взоры к «трем Богословам». Замечательно, что в их лице мы видим полное совпадение теории и практики, идеала и действительности. Припомним, что особенно характерными чертами «трех Богословов» являются созерцательная настроенность, чистота сердца и пламенная любовь к Богу. А эти

³⁰⁴ Науку и красноречие Григорий Богослов считал первым благом после первейшего и Божественного, то есть после высочайшего Блага – Бога. См.: *Свт. Григорий Богослов. Слова* 43, 4 // *Свт. Григорий Богослов. Творения*. Т. 1. С. 516, 95. См. также: *Он же*. Слово 43 // Там же. Т. 1. С. 517, 521; От Никовула-отца к сыну // Там же. Т. 2. С. 341–352; Еф. 4:11 и др. Об отношении Григория Богослова к образованию и науке см.: *Виноградов Н., свящ.* Догматическое учение св. Григория Богослова // *Свт. Григорий Богослов. Творения*. Т. 1. С. 675–677.

³⁰⁵ Всякая научная работа, а тем более научно-богословская складывается обыкновенно из следующего процесса: первоначально и независимо от всего, сознательно или несознательно, всякий исследователь ставит себе такие или иные, ясные или неясные, правые или неправые принципы, положения, идеалы и цели, к раскрытию, обоснованию и достижению которых он и приспособляет затем имеющийся у него научный материал, пользуется теми или иными средствами, употребляет ту или иную эрудицию. Таким образом, центральный нерв научной работы, ее основная идея, так сказать, душа ее всегда стоит в непосредственной зависимости от внутреннего духовного существа исследователя, которое создается и определяется главным образом верованием и нравственностью человека. Отсюда ясно, что идеал богослова никогда не может быть только теоретическим, но необходимо должен быть и религиозно-практическим. При эрудиции и отвлеченно-теоретических познаниях богослов необходимо должен еще обладать полнотой и целостностью духа, богатством внутренней, духовной жизни, которая давала бы надежную опору для его верования, действия и учения.

³⁰⁶ Что это действительно так, стоит вспомнить немецких богословов-мифологистов во главе со Штраусом, научный произвол историко-критической школы Бауэра и, наконец, новомодное ричлианское богословие, которое есть не что иное, как «либеральный рационализм, только надевший на себя личину веры» (История христианской Церкви в XIX веке. Приложение к «Страннику». Т. 1. СПб., 1900. С. 486). «Лютеранское богословие, – читаем мы в цитированной книге, – идя... по пути последовательного развития основных своих начал, пришло в конце его к выводам, отрицательным не только для самого лютеранства, но и для всего христианства, даже для религии вообще» (с. 488) (хорошо богословие!). См. еще брошюру А. П. Лопухина «Современный Запад в религиозно-нравственном отношении» (СПб., 1885), где ясно изображено постепенное разложение религиозной мысли в англиканском протестантизме (с. 44–61). См. также специальное исследование Керенского «Школа ричлианского богословия в лютеранстве» (Казань, 1903). В самое последнее время в Германии стало возможным такое явление, как участие официальных представителей Протестантской церкви и богословия – пасторов-богословов – в антихристианском союзе монахов и защита ими нелепых идей Дрекса (см.: *Свящ. Сахаров*. Союз монахов и борьба с ним в Германии // *Богословский вестник*. 1911. Т. 3. С. 486, 782).

³⁰⁷ Религиозно-философская библиотека. Вып. 26. С. 43.

именно качества, по учению наших же Богословов, составляют основные условия для истинного богословствования. Таким образом, мы имеем полное оправдание того высокого и исключительного титула, который усвоен «трем Богословам». Каково бы ни было происхождение и каковы бы ни были основания для усвоения им столь почетного титула³⁰⁸, для нас теперь несомненным является то, что эти три великих мужа названы Богословами не случайно, но что это высокое наименование прилично именно им, как истинным и величайшим богословам, которые не только начертали нам идеал богослова, но чрез свою жизнь и благодаря своим высоким нравственным качествам и осуществили его в себе – в своем поразительно глубоком и возвышенном богословствовании. В учении «трех Богословов» поражают именно высота созерцания и необычайная глубина проникновения в тайны боговедения, о чем свидетельствуют все их исследователи³⁰⁹. А эта высота и глубина богословствования у «трех Богословов» объясняется тем, что они за святость жизни, чистоту сердца и пламенную любовь к Богу получили особенно обильную благодать Духа Святого, Духа премудрости и разума, Духа ведения и благочестия (Ис. 11:2). О возлюбленном ученике Христовом св. Иоанн Златоуст говорит, что горние Силы дивятся благообразию души его, разуму и красоте его добродетели, которой он привлек к себе Христа и получил благодать духовную; настроив же душу свою, подобно благозвучной лире, он возгласил чрез нее Духом нечто великое и возвышенное³¹⁰. А Святая Церковь, называя Иоанна Богослова «храмом Духа и светоносными устами благодати»³¹¹, поет о нем: «Полн сый любви, полн бысть и богословия»³¹². Она же и о Григории Богослове – этом «органе Духа Святого» и «боговещанной цевнице благодати»³¹³ – свидетельствует, что он, очистив божественными деяниями душу и тело и мысль, восшел на гору добродетелей³¹⁴, посему и привлек к себе Духа премудрости и, «полн благодати быв, божественная возгремел... учения»³¹⁵. Наконец, подобное же свиде-

³⁰⁸ Присвоенное возлюбленному ученику имя Богослова указывает главным образом «на основной и существенный пункт его учения», каковым является у Иоанна «последнее слово Откровения относительно Бога Слова» (Богословская энциклопедия. Т. VI. Столб. 821). Григорий же Богослов, называемый в церковных песнопениях «другим сыном громовым», «вторым богословом и наперсником» (см.: Служба на 25 января, 1-я стихира на стиховне; 1-й тропарь 1-й песни 1-го канона и славу стихир на хвалитех), почтен этим титулом потому, что после Богослова-Апостола он «первый постигал столько высокими и вместе точными помыслами глубины Божества, сколько постигать их можно человеку при свете Откровения» (Филарет, архиеп. Историческое учение... С. 190; ср.: Фаррар. Жизнь и труды... С. 554). Что же касается до преп. Симеона, который, как говорит его жизнеописатель, богословствовал, не зная наук, как возлюбленный ученик, то, по словам того же Филарета, он назван так потому, что преподавал такие глубокие тайны, о каких давно не слышали (Историческое учение... С. 402, 404). По замечанию же Курца, титул Богослова уравнивает Симеона с Григорием Назианзиным (Kurtz. Handbuch... S. 132). Вслед за немецким историком то же повторяет и наш церковный историк А.П. Лебедев (Лебедев А. П. Очерки внутренней истории Византийско-Восточной Церкви в IX–XI веках. Изд. 2. М., 1902. С. 212).

³⁰⁹ Об Иоанне Богослове см.: Свт. Василий Великий. Творения. Т. 1. С. 228; Свт. Иоанн Златоуст. Творения. Т. 12. С. 380. Августин выразительно замечает о новозаветном Тайнозрителе, что «он от персей Господа» как бы «вкусил таинство Божества». В цитированном сочинении епископа Евдокима читаем об Апостоле любви: «Его писание глубоко, как необъятное море, и возвышенно, как высокое звездное небо» (с. 141); «Он проникает в сокровеннейший дух учения своего великого тела...» (с. 160). О Григории Богослове Церковь поет: «До дна испытав глубины Божия...» (служба на 25 января, 1-й тропарь 6-й песни второго канона); или: «Благодати Божественныя глубине, высотонебесных разумений» (та же служба, 3-я стихира на «Господи, воззвах» на малой вечерне). О нем же см. цитированное сочинение архиеп. Филарета (с. 190). Преп. Симеону панегирики приписывают ведение тайных догматов и называют его посвященным в таинства Божественного Духа (см. PG. Т. 120. Col. 308C, 309A). Аникеев в вышеупомянутой брошюре говорит, что все исследователи отмечают у Нового Богослова «глубину духовного постижения, дар исчерпывающе рассматривать самые сокровенные вопросы богословия...» (Аникеев. Мистика преп. Симеона Нового Богослова. С. 126, 127, 132; см. также: Roll. Enthusiasmus... S. 36 и др.).

³¹⁰ См.: Свт. Иоанн Златоуст. Творения. Т. 8. С. 7.

³¹¹ Служба на 26 сентября, 2-я стихира на хвалитех.

³¹² Та же служба, слава в стихирах на «Господи, воззвах». Весьма картинны и выразительны еще эти слова: «Мудрости ты бездну почерпал еси, всемудре, возлег... на премудрости Источнице» (в той же службе 3-й тропарь 3-й песни 1-го канона).

³¹³ Служба на 25 января, 3-я стихира на стиховне, 3-й тропарь 3-й песни 1-го канона.

³¹⁴ Та же служба: слава стихир литийных; 3-й тропарь 4-й песни 1-го канона; 2-й тропарь 8-й песни того же канона.

³¹⁵ В той же службе 1-я стихира на литии.

тельство мы находим и относительно преп. Симеона. Это именно стихи некоего панегириста, который говорит о Симеоне, что он не был лишен ни одного из добродетельных деяний, но получил столько дарований, сколько ни один из святых³¹⁶. По словам того же автора, Бог «скоро исполнил его обильного причастия седмочисленных даров Духа»³¹⁷. Итак, справедливо великий Апостол-Тайнозритель наименован Церковью «начальником богословия»³¹⁸, а св. Григорий Назианзин – «источником богословия»³¹⁹. Мы не ошибемся, если и преп. Симеона Нового Богослова назовем проникновенным истолкователем первого и великого Богослова и весьма сродным и близким по духу каппадокийскому Богослову.

Да сияют же своим небесным светом пред мысленным взором всякого православного богослова эти «три Богослова», как три путеводные звезды. Да будут они для него как предмет подражания по своей жизни и высоким нравственным качествам, так и надежными руководителями в решении основных вопросов богословия и во взгляде на самое богословствование.

³¹⁶ ...πράξεων ενάρετωνΚαι δη περ αυτώνμίας ουκ άπεσφάλιςΑλλά τόσον ετυχες των χαρισμάτων,Όσον περ ουδείς των άπ' άρχης άγων.(PG. T. 120. Col. 308D)

³¹⁷ 'Επλασεν εύζύς άφθόνου μετουσίαςΤων επταϊϋμων Πνεύματος χαρισμάτων(Ibid. Col. 309B).Несколько ниже говорится о Симеоне, что он приобрел обитающую в нем благодать Всемошного Духа.

³¹⁸ Служба на 26 сентября, слава в стихирах на «Господи, воззвах».

³¹⁹ Служба на 25 января, слава в стихирах на «Господи, воззвах» на малой вечерне.

И. Е. Троицкий

Последние годы жизни святого Григория Богослова³²⁰

*О, если бы мне в великий, прекрасный и цветущий виноградник
Божий взойти с раннего утра и понести больший пред другими труд,
а награду и славу получить наравне хотя с последними!*
Свт. Григорий Богослов

В 382 году в Арианзе, небольшом селении, лежавшем близ каппадокийского города Назианза, обращал на себя всеобщее внимание один дряхлый, больной старец, с челом, лишенным волос, седой, сгорбленный, одетый очень бедно. Он только что прибыл сюда из дальнего путешествия и поместился в своем родовом домике. Этого дряхлого старца, печального и одинокого, видали здесь и резвым малюткой, и стройным юношей с умной выразительной физиономией, и полным сил и крепости мужем. Он давно здесь – свой. Он принадлежал к уважаемому в селении семейству: имел отца-епископа, мать, известную всем своим благочестием и добрым, любящим сердцем, сестру и брата. Но много уже прошло лет, как члены этого замечательного семейства разошлись в разные стороны и все уже умерли. Остался в живых один он, одинокий старец, возвратившийся теперь в родное селение доживать исполненную трудов и горестей жизнь. Но не столько печальной наружностью обращал на себя внимание жителей этот старец, сколько странной судьбой. В то время как он, удрученный старостью и болезнью, прибыл в свое родное село, бедный, одинокий, о нем говорил весь тогдашний мир, его уважали цари, слушались епископы, благословлял народ и боялись многочисленные враги и завистники. К печальному уединению знаменитого старца прикованы были взоры и друзей, и недругов: одних – с любовью и надеждой, других – с ненавистью и опасениями. Этим старцем был св. Григорий Богослов.

Шумно начался Константинопольский Собор 381 года³²¹. Личные страсти и интересы далеко отодвинули от собравшихся цель, с которой они собрались. Св. Григорий, находясь в центре этого шумного круговорота страстей, мелких расчетов и интриг, с горестью видел необходимость жертвы со своей стороны и принес ее. С благородной простотой и достоинством он сказал своим собратьям-епископам: «Вы, которых собрал Бог для совещания о делах богоугодных, вопрос обо мне почитайте второстепенным. Чем ни кончится мое дело, хотя осуждают меня напрасно, это не заслуживает внимания такого собора. Устремите мысли свои к тому, что важнее, соединитесь, скрепите наконец взаимные узы любви. Долго ли будут смеяться над нами как над людьми неукротимыми, которые научились одному только – дышать ссорами? Подайте с усердием друг другу десницу общения. А я буду проком Ионой и, хотя невиновен в буре, жертвую собою для спасения корабля. Возьмите и бросьте меня по жребию. Какой-нибудь гостеприимный кит в морских глубинах даст мне убежище. А вы с этой минуты положите начало своему единомыслию, потом простирайтесь и к прочему. Пусть место сие назовется местом *пространства* (Быт. 26:22). Это и для меня обратится в славу. А если на мне остановитесь, то сие будет для меня бесчестьем. Даю закон стоять за законы. Если вы станете держаться такого образа мыслей, ничто для вас не будет

³²⁰ Печатается по: Христианское чтение. СПб., 1863. Ч. 2. № 6. С. 147–193.

³²¹ Собор этот был собран вообще для устройства дел церковных. Между ними первое место занимали дела церкви Антиохийской и Константинопольской. В Антиохии в это время было два епископа – Мелетий и Павлин, а в Константинополе св. Григорий занимал престол временно. Таким образом, собор должен был решить спор между Мелетием и Павлином об Антиохийском престоле и утвердить св. Григория на престоле Константинопольском.

трудно. Я не радовался, когда восходил на престол, и теперь схожу с него добровольно. К тому убеждает меня и телесное мое состояние.

Один за мною долг – смерть; все отдано Богу. Но забота моя о Тебе единственно, моя Троица! О, если бы иметь Тебе защитником какой-нибудь язык благообученный, по крайней мере исполненный свободы и ревности! Прощайте и воспоминайте о трудах моих!»³²²

Но и простившись с добровольно оставленным престолом и удалившись в свой Арианз, св. Григорий не мог забыть Константинополь, храм Анастасии и своих тамошних друзей и почитателей. Мысль добровольного изгнанника часто возвращалась к месту и свидетелям его подвигов, к памятным сердцу сценам, приветствовала из дальнего уединения знакомые местности, дорогие лица. В этих воспоминаниях часто изливается вся скорбь и боль благородной, любящей души, незаслуженно оскорбленной в самых лучших своих привязанностях. Эта скорбь восходит до высокой поэзии в знаменитом «Сне о храме Анастасии», который был для св. Григория дороже всего на свете³²³.

Жгучее чувство скорби по оставленным друзьям и дорогим местам не покидало св. Григория до конца жизни, хотя своим недругам и завистникам он давно простил нанесенную ему обиду. В довольно обширной переписке со знакомыми и друзьями он постоянно возвращается с чувством грустного сожаления к доброму былому времени, когда он жил вместе с покинутыми друзьями в дорогом для него Константинополе. «Если кто, – пишет он к одному из своих друзей, – из общих наших друзей (а их, как уверен я, много) спросит у тебя: „Где теперь Григорий, что делает?“ – смело отвечай, что любомудрствует в безмолвии, столько же думая об обидчиках, сколько и о тех, о ком неизвестно ему, существовали ли когда на свете. Так он непреодолим! А если тот же человек еще спросит тебя: „Как же он переносит разлуку с друзьями?“ – то не отвечай уже смело, что любомудрствует, но скажи, что в этом очень малодушествует. Ибо у всякого своя слабость, а я слаб в отношении к дружбе и друзьям, в числе которых и достойный удивления Амазонию. Одним только, может быть, услужишь мне и сделаешь, что менее буду скорбеть о тебе, а именно – если станешь обо мне помнить и уверишь письмами, что это действительно так»³²⁴.

Печальное настроение духа св. Григория усиливал еще тот прием, который он встретил на родине. Ни высокий нравственный характер, ни великие заслуги его перед Церковью вообще и Назианзской в особенности не спасли св. Григория от участи всех великих людей, добровольно или поневоле сходящих с того пьедестала, на котором привыкла видеть их толпа. Она мгновенно отворачивается от них и вместо прежней лести и раболепства награждает их или полным равнодушием, или – что еще хуже – обидным состраданием и покровительством, за которыми скрывается худо маскируемое злорадование. По-видимому, она мстит им таким образом за их неизмеримое превосходство перед ней. Та же участь постигла и св. Григория по возвращении его на родину. «Прекрасное и подлинно Божественное слово изрек некогда Бог, что всякий пророк кажется достойным чести только на чужой стороне, а известное всего чаще не признается достойным и чести (ср. Мк. 6:4). То же самое, и еще большее, очевидным образом случилось теперь и со мной»³²⁵. «Спрашиваешь, каковы мои дела, – пишет он Прокопию. – Отвечу тебе, рассказав одну историю. Говорят, что афиняне, когда притесняли их тираны, отправили посольство к лакедемонянам [спартанцам], и целью посольства было возбудить там к себе некоторое человеколюбие. Потом, когда послы возвратились и некто спросил их: „Каковы к нам лакедемоняне?“ – они отвечали: „Как к рабам

³²² Свт. Григорий Богослов. Стихотворение, в котором святой Григорий пересказывает жизнь свою // Свт. Григорий Богослов. Творения. Т. 2. С. 231. – Ред.

³²³ См.: Свт. Григорий Богослов. Сон о храме Анастасии // Там же. С. 267.

³²⁴ Свт. Григорий Богослов. Письмо 94. К Амазонию // Там же. С. 476.

³²⁵ Свт. Григорий Богослов. К себе самому // Свт. Григорий Богослов. Творения. Т. 2. С. 278.

– весьма милостивы, а как к свободным – весьма надменны“. Это и я должен написать. Со мной обходятся человеколюбивее, нежели с людьми отверженными, но презрительнее, нежели с людьми, готовящимися предстать пред Богом»³²⁶.

Время добровольного изгнанника в Арианзе делилось между заботами о своем крайне расстроенном здоровье и обычными занятиями: аскетическими подвигами, сочинениями и перепиской с разными лицами, преимущественно с друзьями и знакомыми.

Давно уже постоянные труды и подвиги, и административные, и аскетические, в соединении с постоянными же горестями жизни потрясли здоровье св. Григория. А последние перенесенные им испытания вместе с преклонными годами довершили дело прежних лет. Старцем, разбитым физически и нравственно, прибыл он в свой Арианз. Для поддержания угасающей жизни необходимо было лечиться, и св. Григорий не пренебрегал доступными в его положении средствами к поправлению здоровья. Первым и самым действенным лечебным средством считал он молитву. И потому почти все написанное им в это время или прямо заключает в себе молитвенное обращение к Единому Врачу душ и телес, или отпечатлено духом молитвенного настроения.

«Стражду от болезни и изнемогаю телом... Расслабли мои члены и ноги ходят не твердо... Но запрети болезни, запрети словом Своим; Твое слово для меня спасение! А если не запретишь, дай мне терпение все переносить. Пусть тление и достанется тлению; соблюди образ: тогда будешь иметь во мне и совершенного раба»³²⁷.

«Укрепи меня, Христе! Отчего расслаб я – Твой служитель? Бездействен язык, Тебя песнословящий; и Ты допускаешь сие? Восстанови меня и не отринь Своего священника!»³²⁸

Но не пренебрегал знаменитый страдалец и обыкновенными средствами для облегчения болезненных страданий. С этой целью он, если позволяло время года и стояла хорошая погода, удалялся в поле или в лес, чтобы пользоваться чистым воздухом и спокойствием от всех житейских тревожений, а то и другое ему в его положении было очень полезно: после этих прогулок он чувствовал себя свежее и спокойнее и с удвоенным усердием принимался за свои обычные труды. «Я провожу время среди поля вдали от жилых мест и там поправляю телесное свое здоровье», – писал он в письме к Виктору³²⁹. «Вчера, сокрушенный своими скорбями, – говорит он в другом месте, – сидел я один, вдали от людей, в тенистой роще и снедался сердцем. В страданиях люблю я такое врачевство и охотно беседую наедине со своим сердцем. Ветерки жужжали и вместе с поющими птицами с древесных ветвей ниспосылали добрый сон даже и слишком изнемогшему духом. А на деревьях любимцы солнца, сладкозвучные кузнечики, из музыкальных гортаней оглашали весь лес своим щебетаньем. Неподалеку была прохладная вода и, тихо струясь по увлажненной ею роще, омывала мои ноги. Но мною так же сильно, как и прежде, овладевала скорбь. Ничто окружающее не развлекало меня, потому что мысль, когда обременена горестями, нигде не хочет встретить утешения. И я, увлекаемый кружением парящего ума, видел в себе такую борьбу противоположных помыслов»³³⁰.

Тенистая роща навевала на св. Григория скорбные думы о коловратности всего земного и непроницаемом мраке, скрывающем от ума человеческого тайну этой коловратности, о крайней бедности, бессилии и ничтожестве самого человека. Эти мрачные думы были рассеяны светлой, успокаивающей мыслью, что непроницаемая тьма, скрывающая от человека и мир, и его самого в неразрешимом сплетении противоречий, разрешится наконец в тот вели-

³²⁶ Свт. Григорий Богослов. Письмо 90. К Прокопию // Там же. С. 474.

³²⁷ Свт. Григорий Богослов. Молитва в болезни // Там же. С. 314.

³²⁸ Свт. Григорий Богослов. Молитва больного ко Христу // Там же. С. 275.

³²⁹ Свт. Григорий Богослов. Письмо 133. К Виктору // Там же. С. 500.

³³⁰ Свт. Григорий Богослов. О человеческой природе // Свт. Григорий Богослов. Творения. Т. 2. С. 114.

кий день, когда будут сняты покровы со всех тайн. «К чему приведешь ты меня, зломудренный язык? Где прекратятся мои заботы? Остановись. Все ниже Бога. Покорствуй Слову. Не напрасно (возобновлю опять песнь) сотворил меня Бог. От нашего малодушия такая мысль. Теперь мрак, а потом дастся разум, и все уразумеешь, когда будешь или созерцать Бога, или гореть в огне.

Как скоро воспел мне сие любезный ум, утолилась моя скорбь. Поздно пришел я домой из тенистой рощи; и иногда смеюсь над рассуждающими иначе, а иногда, если ум в борьбе с самим собой, томлю скорбью сердце»³³¹.

Кроме этих прогулок по полям и лесам, св. Григорий предпринимал более отдаленные путешествия – на ксанксаридские воды³³² и в одну обитель, где тоже была купальня³³³. Крайнее расслабление, которое он чувствовал, особенно в ногах, не позволяло ему совершать эти путешествия иначе, как на носилках. В подобных случаях за ним ухаживал кто-нибудь из немногих оставшихся у него родных³³⁴. А дома во время болезненных припадков прислуживала ему одна благочестивая женщина, посвятившая себя, как видно из письма св. Григория к Кастору³³⁵, вообще делам милосердия.

Но и во время болезни, как и в минуты облегчения от нее, св. Григорий жил не для себя, а для других. Из его довольно большой и довольно разнообразной переписки с разными лицами, которую он вел в последние годы жизни, мы видим, что он постоянно откликался на все важнейшие вопросы своего времени и спешил принимать участие во всех нуждах и близких, и неблизких ему лиц. Первое место между всеми его заботами принадлежало Святой Церкви, как ей же принадлежало и первое место в его сердце. Зорко следил он за всеми ее врагами и чутко отзывался на каждую ее нужду.

Так, вскоре по прибытии своем в Арианз он принял на себя управление Назианзской церковью³³⁶. Очень немного дошло до нас сведений о действиях св. Григория во время этого последнего временного управления его Назианзской церковью³³⁷, но мы уверены, что и теперь, как в былое время крепкого мужества, он не упускал из виду ни одной полезной меры, которая могла бы содействовать благу его церкви. Из писем его мы узнаем, что в это время он вел деятельную борьбу с аполлинаристами, которые особенно начали распространяться и усиливаться к концу его жизни. Ловкие и решительные еретики, воспользовавшись одной из поездок св. Григория на ксанксаридские воды, добыли себе своего епископа в Назианз. Им подслужились этой услугой два проезжавших мимо епископа, «низложенные на Вселенском Восточном и Западном Соборе», как выражается св. Григорий в письме к Олимпию³³⁸. И св. Григорий вступил с ними в решительную борьбу. Но эта борьба в соеди-

³³¹ Там же. С. 116–117.

³³² См.: *Свт. Григорий Богослов. Письмо 125. К Олимпию* // Там же. С. 496.

³³³ Обители этой св. Григорий не называет по имени. См.: *Свт. Григорий Богослов. Письмо 126. К Олимпию* // *Свт. Григорий Богослов. Творения. Т. 2. С. 496.*

³³⁴ См.: Там же.

³³⁵ См.: *Свт. Григорий Богослов. Письмо 210. К нему же [К Кастору]* // Там же. С. 543.

³³⁶ Из писем св. Григория видно, что он не сразу по возвращении из Константинополя в Арианз принял на себя управление Назианзской церковью. В письме к епископу Тианскому Феодору он говорит: «Поелику вы изъявляли свое неудовольствие, порицая мое удаление, и сам я не мог перенести упреков, какие делал мне всякий, время было тяжелое, угрожало нам нашествием врагов к общему вреду всей Церкви; то наконец побежден я и сознаю над собою победу, болезненную для тела, но не худую, может быть, для души. Отдаю Церкви это смиренное тело, пока будет оно в силах, признавая для себя лучшим скорее потерпеть что-нибудь во плоти, нежели страдать духом и приводить в страдание многих, которые возымели обо мне худое мнение, потому что сами страдают» (*Свт. Григорий Богослов. Письмо 139. К епископу Феодору* // *Свт. Григорий Богослов. Творения. Т. 2. С. 502–503*).

³³⁷ В первый раз он управлял ею при жизни отца, в качестве его помощника, а после его смерти (374 г.) и до отбытия своего в Константинополь (378 г.) самостоятельно.

³³⁸ См.: *Свт. Григорий Богослов. Письмо 125. К Олимпию* // *Свт. Григорий Богослов. Творения. Т. 2. С. 496.* Это был Второй Вселенский Собор.

нении с неприятностями, которые заставил его испытать епископ Кесарийский Елладий, и интригами, которые вели против него его ближайшие помощники и сослуживцы, слишком тяжело отозвалась на больном и дряхлом старце, и он стал просить епископов, чтобы сняли с него бремя управления этой церковью, сделавшееся ему не по силам.

«Свидетельствуюсь пред Богом и пред избранными Ангелами, – пишет он к епископу Тианскому Феодору, – что сия паства Божия несправедливо страждет, оставаясь без пастыря и без епископа по причине моего омертвления, потому что меня держит болезнь, которая вдруг удалила от дел церковных, и теперь ни к чему я не годен, непрестанно нахожусь при последнем дыхании и еще более обременяюсь делами... Позаботься о своей³³⁹ церкви, как сам заблагорассудишь, и не презри ее в расстроенном состоянии, которого она не заслужила. Не говорю уже о прочем; что сделали ей и чем угрожают восставшие ныне аполлинаристы, осведомись об этом от господ сопресвитеров моих, от хореепископа Евлалия и от Келевсия, которых с намерением послал я к твоему благоговению. Остановить это не моим уже летам и не моей немощи...»³⁴⁰ «Да престанет входить, – пишет он в другом письме к тому же Феодору, – в исследование о моих делах господин мой боголюбивейший епископ Елладий, ибо доискивается сего не духовными средствами, но околичностями, показывающими сварливость, не по строгости церковных правил, но в удовлетворение гневу, что обнаруживают время и многое вместе со временем приведенное в действие без всякого к тому основания... Если бы я имел столько телесного здоровья, чтобы мог править церковью в Назианзе... то я не настолько жалок и несведущ в божественных постановлениях, чтобы стал или презирать церковь, или гоняться за удобствами жизни, имея в виду награды, какие уготованы трудящимся по Богу и употребляющим в дело вверенный им талант»³⁴¹. «Когда, оставив чужую сторону, – говорит св. Григорий в одной заметке для самого себя, написанной после того, как он окончательно сложил с себя управление Назианзской церковью, – возвратился я в отечество и с удовольствием увидел родную землю и любезный мне народ, тотчас пришел мне на мысль ковчег, который один избежал потопления в справедливо погибшем мире; потому что и отечество мое, когда в нем оскудевало уже почти правое учение, спас древом великий отец мой, соделав его всецелым читателем Всецелой Троицы. Сей-то народ, страждущий от безначалия, подобно кораблю, который, среди глубин лишившись кормчего, обуревается волнами, хотел я спасти от величайших бед... но... Во-первых (кто бы мог ожидать этого?), были ко мне недобры занимающие вторые степени престола, старейшины, председатели народа, это прекрасное сонмище. Иные, кого удерживал еще малый остаток стыда, люди, подобно иным хитонам, двуличные и двуцветные, наружно стояли за меня, а внутренне были худо ко

³³⁹ Епископ Тианский был митрополитом церковного округа, к которому принадлежала и Назианзская церковь, вот почему св. Григорий называет ее его церковью.

³⁴⁰ *Свт. Григорий Богослов. Письмо 152. К Феодору, епископу Тианскому // Свт. Григорий Богослов. Творения. Т. 2. С. 510–511.*

³⁴¹ *Свт. Григорий Богослов. Письмо 183. К Феодору, епископу // Там же. С. 526.* Сравнивая довольно неопределенные намеки в этом письме на интригу, которую вел против св. Григория Елладий, с другими местами в сочинениях святого отца, можно догадываться, что Елладий не верил в расстройство здоровья св. Григория и тайно разузнавал, действительно ли он так болен, как говорит и как можно заключать по его частым отлучкам на теплые воды. Притом есть причины думать, что св. Григорий едва ли не из Арианза управлял Назианзской церковью. Это было тем легче, что Арианз был очень близко от Назианза, а для больного и расстроенного святителя было тем удобнее, что здесь у него были родительский дом, садик, вблизи роши и источники... По крайней мере, ни в одном письме, ни в одном сочинении, написанном св. Григорием за последние семь лет его жизни, он не говорит, чтобы жил в Назианзе, тогда как он часто говорит о своем доме в Арианзе. Притом сохранилось одно письмо к епископу Тианскому Феодору, в котором св. Григорий приглашает этого епископа на праздник мучеников и «для рассуждения о делах церковных» в Арианз. Во всяком случае, несомненно, что св. Григорий чаще жил в Арианзе, чем в Назианзе (см.: *Свт. Григорий Богослов. Письма 122 и 123. К Феодору, епископу Тианскому // Свт. Григорий Богослов. Творения. Т. 2. С. 495*). Все это вместе взятое подавало повод многочисленным недоброжелателям св. Григория, в том числе и Елладия, толковать, что он под предлогом болезни заботится только об удобствах жизни и вовсе не радит о церкви, управление которой на себя принял.

мне расположены... Другие же не тайно, но слишком явно были ко мне неприязненны; они устыдились бы показаться ничего не значащими в своей злобе»³⁴².

Просьба знаменитого труженика была уважена, и Назианз получил епископа в лице Евлалия. Радость свою по случаю назначения этого достойного епископа св. Григорий выразил в письме к св. Григорию Нисскому³⁴³. Из этого письма видно, что отношения между св. Григорием Богословом и Евлалием были самые дружественные. «...Вашими молитвами, – выражается он в этом письме, – дан пастырь, достойный вашего благочестия: это достоуважаемый Евлалий, боголюбивый епископ, на руках которого желал бы я умереть»³⁴⁴.

Но не об одной Назианзской церкви заботился св. Григорий в это время. Общая судьба Христовой Церкви занимала его еще более. Враги ее были его врагами, где бы он их ни находил. А их было очень много и вблизи, и вдали. Ариане, македоняне, евномияне, аполлинаристы всевозможных оттенков были на каждом шагу. Дерзость всех этих еретиков равнялась их многочисленности. Особенно опасны были аполлинаристы, как более сближавшиеся с общим сознанием, чем утонченные ариане и духоборцы. На них вообще и правительство, и народ смотрели довольно снисходительно, может быть, потому, что безобразные комбинации этой ереси не были еще разоблачены во всех подробностях. Но то, что могло укрыться от правительства и от толпы, не могло укрыться от величайшего богослова своего времени. Св. Григорий ясно видел, что аполлинаристы не менее опасны для Церкви, чем и все другие тогдашние еретики, и потому преследовал их везде всей силой своего ума, знания и энергии. «По-видимому настоящая жизнь наша, – пишет он Нектарию Константинопольскому, – во всем оставлена без Божия попечения, которое охраняло церкви во времена, нам предшествовавшие. И у меня до того упал дух от бедствий, что я не считаю несчастьями собственных скорбей в жизни своей, хотя они весьма тяжки и многочисленны и, приключившись кому иному, показались бы неудобовыносимыми, но смотрю на одни общие страдания церквей, об уврачевании которых если не заботиться в настоящее время, то дело дойдет постепенно до совершенной безнадежности. Еретики ариане и евдоксиане, не знаю кем подвигнутые к безумию, как будто получив на то свободу, выставляют напоказ свой недуг, собирая церкви, как будто делают это по праву. А спорливые последователи Македония дошли до такого безумия, что, присвоив себе имя епископов, появляются в наших местах, называя своим рукоположителем Евлевсия. Домашнее же наше зло, Евномий, не довольствуется чем-нибудь обыкновенным, но считает для себя потерей, если не всех увлек с собой в погибель. Но это еще сносно; всего же тягостнее в церковных бедствиях дерзость аполлинаристов, которым, не знаю как, твоя святость попустила присвоить себе наравне с нами власть иметь свои собрания... Ибо если дозволяется им, как благочестивым, учить сообразно с их образом мыслей или свободно проповедовать содержимое ими учение, то не явно ли сим осуждается учение Церкви, как будто истина на их стороне? Ибо неестественно быть истинными двум противоположным учениям об одном и том же. Как же твой великодаровитый и высокий ум потерпел, чтобы не воспользоваться обычной свободой к уврачеванию такого зла? Но если прежде не было сделано этого, по крайней мере теперь да восстанет твое неукоризненное в добродетели совершенство и внушит благочестивейшему царю, что не будет никакой пользы от всей заботливости его о церквях, если такое зло, стремящееся к ниспровержению здоровой веры, усилится по причине данной им свободы»³⁴⁵.

³⁴² Свт. Григорий Богослов. К себе самому // Свт. Григорий Богослов. Творения. Т. 2. С. 278–279.

³⁴³ Вероятно, это был тот хореепископ Евлалий, которого св. Григорий посылал вместе с Келевсием к епископу Тианскому ходатайствовать об увольнении своем от управления Назианзской церковью.

³⁴⁴ Свт. Григорий Богослов. Письмо 182. К Григорию Нисскому // Свт. Григорий Богослов. Творения. Т. 2. С. 525.

³⁴⁵ Свт. Григорий Богослов. К Нектарию (Послание 2) // Там же. С. 537–538.

Но на одном совете употребить административные меры против еретиков великий богослов не остановился. В то же время он написал два довольно обширных послания к пресвитеру Кледонию, которые навсегда останутся образцовыми по глубине понимания догматических истин и прозрачно-ясному их изложению. Чтобы легче провести свое учение в толпу, аполлинаристы излагали его в стихах и давали своим книгам дорогие для христианского сердца имена Псалтири, Нового Завета и пр. и тем вызывали св. Григория противодействовать распространению ереси тоже стихотворениями. «Если обширные книги, новые псалтири, противоречащие Давиду, и приятные стихи почитаются третьим заветом, то и мы станем псалмопевствовать, писать много и гласить стихи: *мню бо и аз Духа Божия имети* (1 Кор. 7:40), если только это благодать Духа, а не человеческое нововведение»³⁴⁶.

И действительно, между творениями св. Григория есть два стихотворения, написанные против аполлинаристов. Во втором из них он дает следующий глубокомысленный ответ на вопрос, который часто приходилось слышать защитникам православного учения против аполлинаристов. Ты «спрашиваешь, почему так необходим и важен для тебя ум там, где Сам Бог. Но если в Нем плоть без ума, то я обманут. Кожа моя, но чья же душа? Что значит рождение Бога от Девы? Как сошлись воедино естества между собой далекие? Это тайна; но, как представляется мне, малым умом измеряющему превысшее ума, очистительный Дух снишел на Деву, а Слово Само Себе создало в Ней человека, всецелая замена целого умершего³⁴⁷ человека. Поелику же Бог несоединим с плотью, а душа и ум есть нечто посредствующее, потому что сожительствоуют плоти и потому что – образ Божий, то Божие естество, соединяясь со сродным Себе, чрез сие сродное вступило в общение и с дебелистью³⁴⁸ плоти. Таким образом, и Обожившее, и Обоженное – Единый Бог. Посему что же претерпело то и другое? Как я рассуждаю, одно вступило в общение с дебелим, а другое, как дебелие, приобщилось моих немощей, кроме немощи греха»³⁴⁹.

Другое зло, от которого страдала тогда Церковь, было взаимное несогласие предстоятелей церковей между собой, особенно обнаруживавшееся на частых тогда соборах и чрезвычайно вредившее делу соборных рассуждений. Тяжело все это видеть было св. Григорию. «Если должно писать правду, – пишет он в ответ Прокопию на сделанное ему от имени императора Феодосия приглашение прибыть на один собор, – то моя мысль – уклоняться от всякого собрания епископов, потому что не видал я еще ни одного собрания, которое бы имело во всех отношениях полезный конец и более избавляло от зол, нежели увеличивало их. Любопытность и любоначалие (не почти меня невежливым, что пишу так) выше всякого описания... Поэтому заключился я сам в себе и безмолвие признал единственной безопасностью для души. А теперь побуждает меня к такому решению и болезнь, от которой всегда я почти при последнем издыхании и ни на что не могу употребить себя. Поэтому да извинит меня твой высокий ум, а чрез тебя да убедится благочестивейший царь не осуждать моей лени, но извинить немощь, по которой и дозволил мне он удалиться, чего просил я себе как благодеяния»³⁵⁰. «Зовешь к себе, и я спешу, – говорит он в другом письме на подоб-

³⁴⁶ Свт. Григорий Богослов. К пресвитеру Кледонию против Аполлинария первое (Послание 3) // Свт. Григорий Богослов. Творения. Т. 2. С. 485.

³⁴⁷ В грехопадении. – Ред.

³⁴⁸ Т. е. с грубостью, плотностью. – Ред.

³⁴⁹ Свт. Григорий Богослов. О воплощении (против Аполлинария) // Свт. Григорий Богослов. Творения. Т. 2. С. 31. Тот же характер противодействия современным ересям носят на себе написанные, очевидно, в это же время «Песнопения таинственные» (и помещенные во втором томе Творений св. Григория Богослова в разделе «Стихотворения догматические», 1–5).

³⁵⁰ Свт. Григорий Богослов. Письмо 130. К Прокопию // Свт. Григорий Богослов. Творения. Т. 2. С. 498.

ное же приглашение, – но спешу один и на сближение с тобой одним. А соборам и беседам кланяюсь издали с тех пор, как испытал много (скажу скромнее) дурного»³⁵¹.

Но, отказываясь быть на соборах лично, св. Григорий не оставался совершенно безучастным к тому, что на них делалось, а особенно к результатам соборных совещаний. Он очень хорошо понимал, что соборы – самое полезное учреждение в Церкви, и если не всегда достигают своей цели, то в этом виновато не учреждение, а людские страсти. И потому он пишет самые убедительные послания к тогдашним влиятельным лицам, чтобы они мешали всеми зависящими от них средствами разыгрываться личным страстям и интересам, а обращали бы мысли и заботы присутствующих исключительно на дело, для которого они собрались. «...Поелику теперь опять собор епископов, – пишет он консулу Постумиану, – не знаю, для чего и как собираемых, то ничего не почитай столько приличным твоему начальствованию, как это одно, чтобы под твоим начальством и твоими трудами умирены были церкви, хотя бы для сего нужно было с особенной строгостью наказать мятежных. А если покажусь странным, что, удалившись от дел, не покидаю забот, не дивись этому. Хотя уступил я престол и высоту сана желающим, однако же не уступил с этим и благочестия; но думаю, что теперь-то и покажусь для тебя достойным доверия даже более прежнего, как служащий не собственному своему, а общему благу»³⁵². «У меня при помощи Божией все идет хорошо, – пишет он другому тогдашнему консулу, Сатурнину, – кроме того одного, что беспокоюсь о церквях, которые в таком смятении. И если чем можешь помочь им, не поленись и словом и делом восстановить общее согласие; потому что опять собор епископов, и опасно, чтобы и ныне еще нам не остаться в стыде, если и этот собор будет иметь такой же почти конец, как и прежний»³⁵³.

К этому же времени вторичного управления Назианзской церковью относятся два случая в жизни св. Григория, которые стоит отметить.

Первый случай. Правительство, неизвестно вследствие каких причин, положило, как можно догадываться из одного письма св. Григория к Олимпию, ограничить права граждан диокесарийских³⁵⁴. Граждане были недовольны этим распоряжением. А некоторые беспокойные люди между ними воспользовались этим недовольством и подстрекнули толпу молодых людей к открытому ропоту против правительства. Этот ропот принят был за бунт, и городу грозило лишение всех прав города и обращение в деревню. Граждане обратились с просьбой к Григорию, чтобы он своим предстательством отклонил от них удар. И действительно, св. Григорий поспешил на помощь к находившемуся в опасности городу – написал сильное письмо к правителю округа Олимпию и убедил его взглянуть на выраженное гражданами недовольство снисходительнее. Диокесария спаслась³⁵⁵.

Другой случай. Воспорий, епископ Колонии³⁵⁶, старый товарищ св. Григория по воспитанию, человек безукоризненных убеждений и жизни, был оклеветан – обвинен в ереси. Кле-

³⁵¹ Свт. Григорий Богослов. Письмо 124. К Феодору, епископу Тианскому // Там же. С. 495.

³⁵² Свт. Григорий Богослов. Письмо 173. К Постумиану // Свт. Григорий Богослов. Творения. Т. 2. С. 520.

³⁵³ Свт. Григорий Богослов. Письмо 132. К Сатурнину // Там же. С. 499. Подобного же содержания письмо 133 к Виктору (с. 499–500) и письмо 136 к Мардарию военачальнику (с. 501).

³⁵⁴ Городов с именем Диокесария было тогда три: один, о котором речь, в Каппадокии, в патриаршестве Константинопольском; другой в Исаурии, на севере Селевкии, в патриаршестве Антиохийском, и третий в Палестине, в патриаршестве Иерусалимском.

³⁵⁵ См.: Свт. Григорий Богослов. Письмо 141. К нему же [К Олимпию] // Свт. Григорий Богослов. Творения. Т. 2. С. 503–505.

³⁵⁶ Городов, носивших имя Колония, было семь: один, просто Colonia, лежал на дороге от Лондона к Карлейлю, это теперешний Колчестер; другой – Colonia Allobrogum, нынешняя Женева; третий – Colonia Augusta, нынешний Нимс; четвертый – Colonia Augusta Rhetorum et Vindelicorum, нынешний Аугсбург; пятый – Colonia Iulia, нынешний Бонн; шестой – Colonia Agrippina-Ubiorum или Colonia Agrippinensis, на берегах Рейна; седьмой – Colonia Senensis, нынешняя Сиена в Италии. Которого из этих семи городов был епископом Воспорий, неизвестно.

вета не имела никаких оснований, как очень хорошо было известно св. Григорию, издавна знавшему православный образ мыслей епископа. И великий святитель энергично вступился за честь своего друга и своими письмами к епископам Константинопольскому Нектарию и Тианскому Феодору убедил их в православии Воспория. Дело это имеет по-видимому совершенно частный характер. Но если мы припомним, что значило в то время обвинение в ереси, то легко поймем, что, оказывая услугу невинно оклеветанному епископу, св. Григорий оказал услугу и всей Церкви, потому что избавил ее от напрасных смут и одного лишнего соблазна³⁵⁷.

Вот и все сведения, какие только сохранились, об общественной деятельности великого святителя за последние семь лет его жизни в Арианзе. Но зато тем драгоценнее для нас те (тоже, правда, скудные) сведения, которые дошли до нас исключительно в оставшихся после него творениях, о его частных отношениях к немногим оставшимся у него родственникам, друзьям и знакомым, о его наклонностях, привязанностях, домашних занятиях и преобладающем настроении души в это последнее время его жизни. Эти свидетельства показывают глубокую, богато одаренную, неистощимую на любовь и на добро душу св. Григория.

Во время, о котором мы говорим, у св. Григория из всех его родных оставалось только семейство его племянницы Алипианы³⁵⁸ и еще шесть или семь родственников³⁵⁹. Это семейство состояло из самой Алипианы, мужа ее Никовула и двух или трех сыновей, из которых старший назывался тоже Никовулом³⁶⁰. Заботливость св. Григория об этом семействе не знала границ. Он входил во все его нужды, радовался его радостями, болел его скорбями и спешил на помощь в случае невзгоды или напасти. Эта истинно родственная заботливость особенно сосредоточивалась на детях племянницы. Он приискивает для них лучших наставников по всем наукам, входившим в круг тогдашнего образования³⁶¹, и этим выбранным наставникам пишет частые письма, в которых осведомляется об успехах мальчиков, отмечает слабости своих молодых любимцев, просит учителей обратить внимание на эти слабости и высказывает свой взгляд на воспитание вообще. Особенно нежную заботливость обнаруживал он к старшему из них, Никовулу, мальчику очень даровитому, но несколько ленивому. «Вот тебе и на поминание о нашей дружбе, – пишет он Елладию, – дражайший сын Никовул, о котором забочусь преимущественно пред всеми моими родными! Великую сделаешь мне милость, представив его ревностнейшим из наставников; а еще большую ока-

³⁵⁷ См.: *Свт. Григорий Богослов. Письмо 183. К Феодору епископу* // *Свт. Григорий Богослов. Творения. Т. 2. С. 525–526; Письмо 185. К Нектарию* // Там же. С. 527–528.

³⁵⁸ Это была дочь Горгонии, сестры св. Григория.

³⁵⁹ В письмах своих св. Григорий называет своими родственниками: деву Амазонию, двух братьев – Елладия и Евлалия, Евфимия, Евстратия и Валентиниана. Но степени родства этих лиц со св. Григорием мы не имеем средств определить.

³⁶⁰ См.: *Свт. Григорий Богослов. Письмо 147. К Астерию* // *Свт. Григорий Богослов. Творения. Т. 2. С. 508.*

³⁶¹ Чему хотел учить своих внучат св. Григорий, видно из следующих слов, влагаемых им в уста Никовула-младшего: «Прекрасна пламенная сила красноречия в речах народных, судебных и похвальных; но прекрасно также иметь ум, обогащенный историей, потому что история – складчина мудрости, ум многих. Но немаловажна и грамматика, которая превосходно споспешествует благородному языку Эллады, сглаживая слово и умягчая варварские звуки. Немаловажны и состязания логического искусства, которые закрывают сперва истину, пока, чрез возможное превращение понятия, не поставят ее в полном свете. Немаловажна и та наука, посредством которой усовершенствовавшиеся мужи образуют в человеке добрые нравы, как творог, который принимает вид плетеного сосуда. Немаловажно и то, что мудрые мужи парящим умом, посредством остроумных изысканий, обозревая каждый свою область, открыли в глубинах и предали книгам. Они уразумевали природу вещей и воздушных и земных, и морских и небесных, а сверх того, постигли мысль неизреченного Бога, постигли, как Бог управляет вселенной, к чему ведет ее и какой конец положен для целого мира, исполненного многих красот. Они изучили, уразумели то, что выше разумения смертных. Но, изучив сие в юности, предаю мысль свою Божественному Духу, буду изыскивать следы сокровенных красот, непрестанно восходить к свету и Божественные внушения приму мерилем жизни, чтобы, и помощником, и сопутником, и вождем имея Христа, с легкими надеждами вознестись мне отселе, сподобиться жизни чистой и непрекращающейся, не издали, как бы в зеркале и воде, видеть слабые изображения истины, но содержать чистыми очами самую истину, в которой первое и последнее есть Троица, единое Божество, единый свет в трех равно Божеских сияниях. <...> Вот чего желаю, родитель, исполни мою надежду» (*Свт. Григорий Богослов. От Никовула-сына к отцу* // *Свт. Григорий Богослов. Творения. Т. 2. С. 342–343*).

жешь милость, приучив нрав его к добродетели»³⁶². И когда мальчик был представлен одному из таких учителей – Стагирию, то св. Григорий пишет этому последнему: «Много у меня с тобой общего, но одно все собой заменяет и всего выше – это дражайший сын наш Никовул, который поставлен между нами. Делая ему добро, докажешь и свою ученость, и нашу дружбу...»³⁶³. К другому наставнику Никовула, ритору Евдоксию, заботливый дед пишет: «Опять к тебе мой Никовул, и опять беспокою своим излишеством, понукая, когда и сам очень бежишь. Но поелику этот молодой человек имеет от природы счастливые дарования, если только не обманывает меня желание видеть его таковым, но, как часто бывает с людьми даровитыми, несколько нерадив и ему нужно поощрение, то замени это собственным своим старанием и (скажу по-вашему), подражая упоминаемому в басне кузнечнику, вместо оборванной струны прибегнув к своему голосу, dokonчи песнь»³⁶⁴. С теми же просьбами обращается он к учителям, когда поступили к ним и другие дети его племянницы³⁶⁵. Пишет он и посторонним лицам, которые могли быть хоть чем-нибудь полезны молодым людям. «Дети почтеннейшего сына моего Никовула, – пишет он Феодору, епископу Тианскому, – прибыли в город учиться скорописанию; соблаговоли сверх прочего воззреть на них благосклонно и отечески (этого не запрещают правила); также позаботься, чтобы они жили ближе к церкви. Мне желательно, чтобы нравы их усовершеншались в добродетели, когда будут иметь случай непрестанно видеть твое совершенство»³⁶⁶. Но вот заботливый дед получает от одного из наставников любимого внука хороший отзыв о его успехах и спешит отозваться на это известие с нескрываемой радостью: «А что ты пишешь о дражайшем сыне Никовуле, это весьма важно, удивительно и достаточно к тому, чтобы увлечь добродушие отца, готовое верить всему, что для него желательно. Но я тогда приму это за правду, когда молодой человек, представив мне опыты, окажется не недостойным или твоих обещаний, или наших надежд»³⁶⁷.

Не меньшей любовью и заботливостью пользовались со стороны св. Григория и остальные члены этого семейства. По желанию старшего Никовула он собирает и отправляет ему на память все свои письма³⁶⁸, просит для него успокоения от дел³⁶⁹. А когда злые люди, незадолго пред тем облагодетельствованные св. Григорием³⁷⁰, старались замешать невинное семейство в дело возмущившихся почему-то рабов Никовула³⁷¹ и ему угрожала страшная опасность – быть самому обращенным в рабство со всем семейством, то св. Григорий пишет самые убедительные письма к правителю Назианза Олимпию и его помощнику³⁷², в которых доказывает невинность несправедливо обвиняемого семейства и отклоняет от него собравшуюся грозу. «„Что это?“ – скажешь ты, может быть, – пишет он во втором уже письме к Астерию (помощнику Олимпия) и третьем об этом предмете. – Опять к нам пишет Григорий; еще письма, еще просьбы? Какая ненасытность, которой сам я причиной! Нет, чудный муж, не говори этого. Для кого же и пристани, как не для обуреваемых? Для кого и лекарства, как не для больных? Да не будем же и мы лишены их, и тем паче, чем более

³⁶² *Свт. Григорий Богослов. Письмо 167. К Елладию // Там же. С. 518.*

³⁶³ *Свт. Григорий Богослов. Письмо 188. К Стагирию // Там же. С. 529.*

³⁶⁴ *Свт. Григорий Богослов. Письмо 175. К Евдоксию ритору // Там же. С. 521.*

³⁶⁵ *См.: Свт. Григорий Богослов. Письмо 174. К нему же // Там же. С. 520–521.*

³⁶⁶ *Свт. Григорий Богослов. Письмо 157. К Феодору, епископу Тианскому // Там же. С. 513.*

³⁶⁷ *Свт. Григорий Богослов. Письмо 187. К Евдоксию // Свт. Григорий Богослов. Творения. Т. 2. С. 528.*

³⁶⁸ *См.: Свт. Григорий Богослов. Письмо 52. К Никовулу // Там же. С. 452.*

³⁶⁹ *См.: Свт. Григорий Богослов. Письмо 127. К Елладию // Там же. С. 497. Из письма св. Григория к Екиволию (196) видно, что Никовул старший был в военной службе: «...у них был добрый отец [Никовул], который много служил царям с оружием в руках, и притом не бесславно, но с великой честью...».*

³⁷⁰ В своем письме св. Григорий людей этих не называет по имени.

³⁷¹ *См.: Свт. Григорий Богослов. Письмо 147. К Астерию // Свт. Григорий Богослов. Творения. Т. 2. С. 508.*

³⁷² *См.: Свт. Григорий Богослов. Письмо 146. К Олимпию // Там же. С. 507–508.*

уверены, что имеем у тебя силу. Я уже не прошу, а требую, потому что милость вызывает на милость. Никовул подвергается насилию, а это то же, что подвергаюсь я сам, потому что он мое упокоевание. Как возможно молчать и не быть докучливым при всем даже любомудрии? Подай руку утесняемым, чтобы и самому того же сподобиться от Бога, в чем, конечно, имеешь нужду как человек»³⁷³.

Но едва была отклонена одна беда благодаря вмешательству св. Григория, как злополучное семейство постигла другая, уже неотразимая. Вскоре после этого не стало главы семейства. Оставшиеся несовершеннолетние еще сироты вместе с матерью подверглись обидам и притеснениям со стороны недобрых соседей³⁷⁴. И св. Григорий опять спешит со своим благодетельным представтельством у сильных мира сего: снова пишет новому уже правителю Назианза, Григорию, и его помощнику и просит их защитить притесняемых сирот. «С рук на руки передаю тебе моего Никовула с братьями, не с тем, чтобы подвергся он суду, но чтобы удовлетворение получил на суде. Передаю и мать их, престарелую вдову, и дом, некогда славный и видный, пока был жив много значивший для нас Никовул, а теперь не имеющий свободы и плакать по причине бедствий, уже постигших и ожидаемых, если не будет благоугодно тебе и твоему правосудию стать вопреки лукавому демону – почтить меня, уважить человечество и положить для себя самого блистательное начало оказываемым нам благодеянием»³⁷⁵.

Но или просьба знаменитого ходатая не была уважена, или дело было таково, что превышало круг власти правителя, только оно было перенесено в Константинополь, куда отправилась и притесняемая вдова, чтобы лично следить за его ходом, напутствуемая письмом св. Григория к Нектарию, епископу Константинопольскому. Вот что писал в нем знаменитый ходатай: «Что бы сделал ты, если бы сам я лично имел дело? Как очевидно, приложил бы все свое старание избавить меня от обиды, если заключать о сем по предшествовавшему. Ту же милость окажи мне и теперь в лице благодетельнейшей моей племянницы, которая при посредстве моем сама припадает к тебе; уважь возраст просительницы, уважь ее нравы и благоговение, чем непохожа она на многих женщин; сверх сего уважь ее женскую неопытность в делах и то, что имеет теперь дело со своими, а более всего уважь мое прошение. Самая большая для нее милость – скорость благодеяния, о котором прошу. Ибо и неправедный, в Евангелии упоминаемый, судия оказал вдове человеколюбие, но оказал после долговременной и неотступной просьбы (Лк. 18:1–7). А вас просит она о скорости, чтобы не томиться ей долго заботами и невыгодами жизни на чужой стороне, хотя всего более и ясно знаю, что твое благочестие и чужую сторону сделает для нее своей»³⁷⁶.

На нежную заботливость св. Григория и благодарное семейство отвечало любовью и посильной услужливостью: Никовул-младший носил его письма к лицам, к которым по болезни святой дед не мог явиться сам, несмотря на все свое желание³⁷⁷, а Никовул-старший сопровождал его в его трудных путешествиях на теплые воды или для свидания с часто приглашавшими его друзьями³⁷⁸. Раз такое путешествие было задержано на половине дороги усилившимися припадками болезни св. Григория, и путешественники принуждены были остановиться на несколько времени в одной обители, чтобы попользоваться тамошними купальнями³⁷⁹. Забывая себя и свою болезнь, страждущий заботился только о своем

³⁷³ Свт. Григорий Богослов. Письмо 148. К Астерию // Там же. С. 508–509.

³⁷⁴ См.: Свт. Григорий Богослов. Письмо 196. К Еквилию // Там же. С. 533–534.

³⁷⁵ Свт. Григорий Богослов. Письмо 195. К Григорию Архонту // Там же.

³⁷⁶ Свт. Григорий Богослов. Письмо 186. К Нектарию // Свт. Григорий Богослов. Творения. Т. 2. С. 528.

³⁷⁷ См.: Свт. Григорий Богослов. Письмо 224. К Африкану // Там же. С. 551.

³⁷⁸ См.: Свт. Григорий Богослов. Письмо 126. К Олимпию // Там же. С. 496–497.

³⁷⁹ Св. Григорий в своем письме не говорит, какая это обитель, но видно, что она не то же, что обитель мучеников и обитель Саннавадаинская, о которой будет речь ниже.

спутнике, который, по непривычке к таким путешествиям, скучал с больным стариком в уединенной обители. И вот он пишет к Олимпию (правителю Назианза): «Нашел я, что сын Никовул очень обеспокоен и заботой о продолжении пути, и постоянным пребыванием в обители, как человек немощный, не привыкший к этому и скучающий одиночеством. Сблагоговоли употребить его на всякое другое дело, на какое тебе угодно, потому что он готов во всем служить твоей власти; но избавь, если можно, от этой заботы, если не по чему другому, то из уважения, что ходит он за мной, больным»³⁸⁰. Вообще св. Григорий называет своего племянника «попечителем своим в старости и болезни, опорой и жезлом своей немощи» и признается, что и сам «любит его более других»³⁸¹.

Не забыты были св. Григорием и другие его родственники – он заботился и о них с полным самоотвержением. В пользу одних пишет он рекомендательные письма³⁸², насчет других – просительные³⁸³; это было единственно возможное в его положении средство помогать своим родным. Помогать деньгами нуждавшимся из них он не мог, потому что сам ничего не имел; непосредственного влияния на дела он не имел, потому что от своего официального положения отказался; и потому оставалось ему или ограничиваться советами, или просить содействия у других. И он делал то и другое с полной готовностью.

Но не одни близкие и дальние родственники пользовались любовью и предупредительной готовностью помочь со стороны св. Григория. Его любви доставало на всех – и своих и чужих, и ближних и дальних. Обо всех находил он возможность сказать доброе слово, всем дать добрый совет, всякого поддержать в святой решимости на добро, всем помочь, всех утешить, поддержать, защитить, руководить³⁸⁴.

Особенно живое участие принимал св. Григорий в делах сирот, невинно притесняемых и оклеветанных, больных и посвятивших себя на служение Господу. В подобных случаях он забывал и лета, и постоянные недуги и спешил на помощь с беззаветным самоотвержением. «Представляю тебе от себя несчастную Филумену, – пишет он правителю Олимпию об одной обиженной несправедливо вдове, – чтобы припала она к твоему правосудию и при твоём посредстве осушила слезы, которыми сокрушает мою душу. Какие и от кого терпит она обиды, объяснит это сама, потому что для меня небезопасно обвинять кого бы то ни было. Самому же мне необходимо сказать одно то, что вдовство и сиротство имеют право на помощь как вообще всякого благоразумного человека, так особенно имеющего у себя жену и детей – этот великий залог милосердия...»³⁸⁵ «...Поддай руку свою благородным женщинам, – пишет он в пользу других обиженных епископу Тианскому Феодору, – и не пропусти, чтобы они были притесняемы могуществом человека, с которым вступили в дело, но помоги им как должно»³⁸⁶. «Слышу, что ты не любомудренно ведешь себя в страдании, и не хвалю этого, – пишет он софисту Тимофею, – ибо должно писать правду, особенно другу

³⁸⁰ Свт. Григорий Богослов. Письмо 126. К Олимпию // Свт. Григорий Богослов. Творения. Т. 2. С. 497.

³⁸¹ См.: Свт. Григорий Богослов. Письмо 147. К Астерию // Там же. С. 508.

³⁸² См.: письмо 83, к Алипию, которому рекомендует своего родственника Евфимия (с. 471), и письмо 103, к Палладию, о том же (с. 489); письмо 15, к Лоллиану, которому рекомендует своих племянников Елладия и Евлалия (с. 428) (Свт. Григорий Богослов. Творения. Т. 2).

³⁸³ См.: письмо 106, к Олимпию, касательно родственника его Евстратия (с. 419); письмо 159, к Феодору, еп. Тианскому, о родственнице своей девице Амазонии (с. 513); письмо 198, к Немесию, о своем родственнике Валентиниане (с. 535) (Свт. Григорий Богослов. Творения. Т. 2).

³⁸⁴ См.: Свт. Григорий Богослов. Письма 128, 104, 140, 105, 143, 162, 189, 192, 165, 166, 183, 160, 161, 115, 185, 151, 184, 181, 134, 137, 150, 129, 32, 33, 31, 197, 200, 199, 204, 206, 208, 207, 238, 169, 170, 209, 168, 219, 220, 212, 213, 214, 215, 216, 217, 218, 221, 99, 211, 56, 222, 223 // Свт. Григорий Богослов. Творения. Т. 2. С. 497, 489, 503, 490, 505, 514, 529, 531, 516, 517, 525, 514, 493, 527, 510, 526, 524, 500, 501, 509, 498, 437, 439, 437, 534, 536, 535, 539, 540, 542, 541, 556, 518, 542, 518, 547, 548, 544, 545, 546, 548, 478, 543, 453, 549.

³⁸⁵ Свт. Григорий Богослов. Письмо 104. К Олимпию // Свт. Григорий Богослов. Творения. Т. 2. С. 489.

³⁸⁶ Свт. Григорий Богослов. Письмо 162. К Феодору, епископу Тианскому // Там же. С. 514.

и человеку, который отличается правотой. Об этом же, как сам себя уверяю, рассуждаю я весьма правильно: не хвалю ни крайней бесчувственности, ни сильной чувствительности к страданиям; первое бесчеловечно, последнее нелюбомудренно. Но должно идти срединным путем и показывать, что мы любомудреннее очень нетерпеливых и к человеческому ближе не в меру любомудрствующих»³⁸⁷. «...Во всем полагайтесь на меня с уверенностью, – пишет он отшельнице Фекле, – что не имеете человека, который бы был пред вами искреннее и столько же заботился о вас, сколько и о себе, если еще не убедили вас в этом давнишнее наше знакомство и действительный опыт»³⁸⁸.

Действительный опыт давно уже убедил в этой истине родных и знакомых св. Григория, и вот знаменитому святителю наперебой стараются оказать внимание. Одни приглашают его на праздники, другие – на брачное торжество. Но телесные страдания (а может быть, и душевные наклонности) не позволяют больному старцу пользоваться этими приглашениями. Зато в подобных случаях он всегда спешит извиниться пред приглашавшими³⁸⁹ и хотя письменно отозваться на их радости. «Евопия – твоя возлюбленная, – пишет он другу своему Евсевию. – Настало время бракосочетания, положено основание жизни, исполнены родительские обеты. Но не с вами я, которому особенно надлежало бы и быть у вас, и молитвы свои соединить с вашими, как и обещал я, потому что надежда шла вслед за желанием, а желания достаточно для того, чтобы ввести себя в обман. И неоднократно собираясь в путь, и неоднократно откладывая путешествие до времени, наконец преодолен я болезнью. Итак, пусть другие призывают к вам эротов, потому что на свадьбе в обычае и пошутить; другие пусть изображают красоту девы, величают любезность жениха и брачное ложе вместе с цветами осыпают словами приветов. А я пропою вам брачную песнь: *Благословит вас Господь от Сиона, Сам сочетает ваше супружество, и узриши сыны сынов твоих* (Пс. 127:6,7), не много будет сказать, еще лучших тебя. Сего пожелал бы я вам, будучи с вами; сего желаю и теперь. Прочее да будет предоставлено вашему попечению, да возложит на вас венцы отец, как желал; это предписал я, как будто бы сам был при бракосочетании. Их будут венцы, а мои молитвы, которые, сколько знаю, не ограничиваются местом»³⁹⁰. «Знаю твои обвинения, – пишет он Прокопию, – хотя и молчишь. Верно говоришь: „Вот мы праздновали брак (брак золотой твоей Олимпиады), у нас было много епископов; а ты, добрый муж, не был у нас, или не устаивая нас своим присутствием, или потому, что поленился“. Ни то ни другое, чудный мой. Но думаю, что, у кого дела в печальном положении, тому невозможно праздновать весело; и притом совершенно некстати на свадебном пиру носить двоих больных ногами и видеть их смеющимися среди скачущих, чтобы и пошутить у тебя несколько по-брачному. А желанием своим я у тебя и праздную с тобой; руки молодых твоих слагаю одну с другой и обе влагаю в десницу Божию. Ибо как у тебя все иное благополучно, так следует, чтоб и супружество это вело ко всему наилучшему и соответствовало общим нашим желаниям»³⁹¹.

Не праздников и брачных увеселений жаждала душа великого святителя, а безмолвия, уединенных обителей, суровых подвигов. В такие обители он являлся и по приглашению, и без приглашений и жил там дотол, пока позволяло ему его здоровье или пока не заставляли его выходить оттуда какие-нибудь случайные обстоятельства. Так, из его писем мы узнаем, что на Святую Четыредесятницу он удалялся иногда в Ламис и там осуждал себя на самое

³⁸⁷ Свт. Григорий Богослов. Письмо 165. К Тимофею // Там же. С. 516.

³⁸⁸ Свт. Григорий Богослов. Письмо 56. К Фекле // Там же. С. 453.

³⁸⁹ См.: Свт. Григорий Богослов. Письмо 205. К нему же [К Аделфию] // Там же. С. 540; Письмо 221. К Омофрону // Там же. С. 548.

³⁹⁰ Свт. Григорий Богослов. Письмо 231. К Евсевию другу // Там же. С. 553–554.

³⁹¹ Свт. Григорий Богослов. Письмо 193. К Прокопию // Там же. С. 532. Такого же содержания письма 194 (с. 535) и 232 (с. 554).

строгое безмолвие. Однажды в этом уединенном убежище посетил знаменитого отшельника тогдашний правитель Назианза Келевсий. Верный своему обету, отшельник принял его молча. Правитель, вероятно, обиделся, и вот он пишет к нему такое письмо: «Поелику ты, добрый и вежливый, обвиняешь меня в молчании и неучтивости, то, изволь, сложу для тебя не совсем нескладную басню. Не отучу ли ею и тебя от говорливости? Ласточки смеялись над лебедями за то, что они не хотят жить с людьми и не показывают другим своего искусства в пении, но проводят жизнь на лугах и реках, любят уединение и хотя изредка попевают, однако же что ни поют, поют сами про себя, как будто стыдясь своего пения. „А мы, – говорили ласточки, – любим города, людей, терема, болтаем с людьми, пересказываем им о себе то и другое, что было в старину в Аттике, о Пандионе, об Афинах, о Тирее, о Фракии, об отъезде, свадьбе, поругании, урезании языка, письменах, а сверх всего об Итисе и о том, как из людей стали мы птицами“. Лебеди, не любя говорить, долго не устаивали их и слова; когда же соблаговолили дать ответ, сказали: „А мы рассуждаем, что иной придет для нас и в пустыню послушать пение, когда предоставляем крылья свои зефиру для сладких и благозвучных вдохновений. Поэтому поем не много и не при многих. Но то и составляет у нас совершенство, что песни свои выводим мерно и не сливаем пения своего с каким-нибудь шумом. А вы в тягость людям, у кого поселитесь в доме; они отворачиваются, когда вы поете; да и справедливо поступают, когда не можете молчать, хотя отрезан у вас язык, но сами, жалуясь на свое безголосье и на такую потерю, говорливее всякой другой речистой и певучей птицы“. Пойми, что говорю, говорит Пиндар, и если найдешь, что мое безголосье лучше твоего красноглаголанья, то перестань осыпать упреками мою молчаливость. Или скажу тебе пословицу столько же справедливую, сколько краткую: тогда запоют лебеди, когда замолчат галки»³⁹². В письме к Кледонию он так объясняет цель возложенного на себя молчания: «Спрашиваешь: чего требует мое молчание? Требует меры в слове и в молчании; потому что превозмогший в целом удобно превозможет и в части, а сверх того, укротит и раздражительность, которая не высказывает себя, но сама в себе поглощается»³⁹³.

³⁹² Свт. Григорий Богослов. Письмо 114. К Елевсию // Свт. Григорий Богослов. Творения. Т. 2. С. 492–493.

³⁹³ Свт. Григорий Богослов. Письмо 107. К Кледонию // Там же. С. 490.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.